

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1906.

№ 6.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр

Избраніе епископовъ въ древней Церкви. (Историко-каноническій очеркъ).
*Ректора Тульской Духовной Семинаріи Архимандрита
Георгія* 257—276

Миссіонеры дѣйствовавшіе въ первые три вѣка христіанства. *Проф. Ан.
Спасскаго* 279—298

Какъ намъ быть въ переживаемое нами тяжелое переходное время.
Профессора Вл. Школьева 299—312

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

О постановкѣ теоретической и практической подготовки къ учительству въ
духовныхъ семинаріяхъ. *Д. Врилцева* 167—176

Возраженія Юма противъ тождественности личности и ихъ разборъ.
(Окончаніе). *Леониды Барцевова* 179—191

По поводу библиографической замѣтки въ № 3 Церковной Газеты. *Сщщени-
ка П. Липскаго* 192—202

III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Высочайшая награда.—Высочайше утвержденныя 7-го марта 1906 г.
Правила о порядкѣ избранія Святейшимъ Синодомъ членомъ Государственнаго Совета
(ст. 4 Полож. о Госуд. Сов.).—Опревленіе Святейшаго Синода.—Епархіальныя извѣ-
щенія.—II. О возрожденіи церковно-приходской общины. *Сщщеника Дмитрія Потова*.—
Духовенство въ современной беллетристикѣ.—*Сщщеника Николая Загоровскаго*.—Нѣ-
сколько словъ изборщикамъ для избранія членомъ въ Государственную Думу. II.—
Библиографическая замѣтка.—г.—Епархіальныя хроника.—Иносархіальный отдѣлъ.—
Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1906.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. **Отдѣлъ церковный.** Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ

2. **Отдѣлъ философскій.** Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль изъ чужеземныхъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры всѣхъ изданій за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 185 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. ВЕСЕЛДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν
Вѣрою разумѣаемъ.
Евр. XI.

Избраніе епископовъ въ древней Церкви.

(ИСТОРИКО-КАНОНИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *).

При рѣшеніи поставленнаго вопроса мы обратили вниманіе, во первыхъ, на тѣ данныя, которыя имѣются въ новозавѣтныхъ апостольскихъ писаніяхъ, во вторыхъ—преимущественное вниманіе на каноны Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и, наконецъ, на свидѣтельства историковъ—Сократа, Созомена и Θεодорита Кирскаго. При разсмотрѣніи каноновъ мы старались не выходить за предѣлы каноновъ, но ставили дѣло такъ, чтобы одни каноны освѣщались другими, болѣе ясные каноны проливали свѣтъ на менѣе ясные. При этомъ мы не замалчивали однихъ каноновъ и не выдвигали другихъ, вполне понимая, что односторонность и пристрастіе не уясняютъ дѣла, но часто затемняютъ его: на всѣ каноны, имѣющіе то или другое отношеніе къ нашему вопросу, обращено должное вниманіе.

Въ настоящее время замѣтно сильное увлеченіе выборнымъ началомъ. Его стараются примѣнять вездѣ и всюду. Многіе желаютъ примѣнить выборное начало и къ духовенству на всѣхъ его ступеняхъ. Говорятъ и о выборныхъ епископахъ. При этомъ выборное начало понимается, какъ избраніе народомъ. Въ частности въ отношеніи епископовъ желаютъ, чтобы избирателями были народъ и клиръ, а не епископы—соборъ епископовъ: епископы, говорятъ, не избираютъ, а рукополагаютъ. Такое участіе народа стараются обосновать на свидѣ-

*) Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту статью нашего почтеннаго сотрудника. Мы печатаемъ ее въ видахъ наиболѣе яснаго освѣщенія очень важнаго вопроса въ нашей Церкви.

тельстввахъ Новаго Завѣта, канонахъ и повѣствованіяхъ древнихъ церковныхъ историковъ. Въ такомъ духѣ написана статья нѣкимъ Н. Аксаковымъ въ декабрьской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1905 г. подъ заглавіемъ „Всецерковный сборъ и выборное начало въ церкви“. Написанная нелегкимъ языкомъ, она къ тому же лишена должнаго безпристрастія. Изъ новозавѣтныхъ свидѣтельствъ не упомянуты тѣ, которыя говорятъ противъ выборнаго начала въ отношеніи къ епископамъ. Не указаны и нѣкоторые каноны, говорящіе не въ пользу положеній автора. Другіе каноны только упомянуты, но должнымъ образомъ не обслѣдованы. Историческія свидѣтельства приведены только тѣ, которыя якобы благопріятствуютъ взгляду автора, другія же—противоположнаго характера не указаны. По поводу этой статьи мы и рѣшились пересмотрѣть вопросъ объ избраніи епископовъ въ древней церкви,—пересмотрѣть, не имѣя предвзятой цѣли.

Въ Новомъ Завѣтѣ по интересующему насъ вопросу придаютъ большое значеніе повѣствованію книги Дѣяній объ избраніи апостола Матеія (1, 15—26). „Воставъ Петръ посредѣ ученикъ рече:... подобаетъ отъ сходящихся съ нами мужей во всяко лѣто свидѣтелю воскресенія Его быти съ нами единому отъ сихъ. И поставиша два—Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Іустъ, и Матеія... и помолившеся... даша жребія има, и паде жребій на Матеія, и причтенъ бысть къ единонадесяти Апостоломъ“ (Дѣян. 1, 15. 21—24. 26). Говорятъ, что это повѣствованіе свидѣтельствуетъ о томъ, что епископы должны избираться народомъ. Такъ ли? Намъ кажется, что приведенное повѣствованіе не доказываетъ необходимости избранія епископовъ народомъ. Это потому, что апостолы тогда еще не были іерархами въ собственномъ смыслѣ,—такими они стали только послѣ сошествія на нихъ св. Духа. „Развѣ самому Петру, спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ, нельзя было избрать?—Очень можно... Но, съ другой стороны, онъ не получилъ еще и св. Духа“¹⁾. Такимъ образомъ, въ отношеніи благодатныхъ даровъ св. апостолы не преимуще-

¹⁾ Творенія св. Іоанна Зл. т. 9. кн. 1. стр. 33.

ствовали еще предъ вѣрующими: и апостолы, и всѣ другіе вѣрующіе были еще тогда простыми мірянами. Апостолы, какъ благодатствованные іерархи, выступаютъ позже. Вслѣдствіе то этого избраніе Матѳея не можетъ служить образцомъ избранія епископовъ.

Если мы обратимъ вниманіе на другія указанія новозавѣтныхъ апостольскихъ писаній,—указанія относящіяся къ тому времени, когда апостолы уже дѣйствовали какъ полноправные іерархи, то увидимъ, что они говорятъ не въ пользу избранія епископовъ народомъ. Св. Апостолы поставляли епископовъ безъ выбора со стороны вѣрующихъ. Такъ былъ поставленъ Титъ епископомъ Крита. Св. Апостолъ Павелъ пишетъ въ своемъ посланіи къ Титу: „сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да недоконченная исправиши и устроиши по всѣмъ градамъ пресвитеры: якоже тебѣ азъ повелѣхъ“ (1, 5). Ни откуда не видно, что Титъ былъ оставленъ въ Критѣ по избранію вѣрующихъ. Такого избранія нельзя здѣсь предполагать въ виду данной св. Апостоломъ характеристики Критянъ: „суть мнози непокориви, суесловцы и умомъ прельщени, наипаче же сущи отъ обрѣзанія: ихже подобаетъ уста заграждати, пже вся дома развращаютъ, учаще, яже не подобаетъ, сквернаго ради прибытка. Рече же нѣкто отъ нихъ—свой имъ пророкъ: критяне присно лживи, зли звѣріе, утробы праздна. Свидѣтельство же сіе истинно есть. Ея же ради вины обличай ихъ нещадно, да здрави будутъ въ вѣрѣ, не внимающе іудейскимъ баснемъ, ни заповѣдемъ чловѣкъ, отвращающихся отъ истины“ (1, 10—14). Думать, что такимъ людямъ могъ быть предоставленъ выборъ епископа, конечно, никакъ нельзя. Такимъ образомъ Титъ былъ поставленъ епископомъ Крита безъ избранія со стороны критянъ. Нельзя также не обратить вниманія и на то, что говоритъ св. Апостолъ Титу о цѣли его оставленія въ Критѣ „да устроиши по всѣмъ градамъ пресвитеры“. Никто не станетъ отрицать, что подъ пресвитерами здѣсь разумѣются и епископы. Объ этомъ свидѣлствуетъ, во первыхъ, то, что говорится о городскихъ пресвитерахъ—въ городахъ же обычно ставились епископы, а, во вторыхъ, то, что даѣе указываются нравственныя качества епископа: „подобаетъ епископу безъ

порока быти“ (1, 7). Св. Іоаннъ Златоустый держится именно этого взгляда, что ясно видно изъ его замѣчанія: „апостоль не облекъ бы этого мужа (Тита) правомъ суда надъ *толкими епископами*, если бы не такъ рѣшительно полагался на него“¹⁾. Въ толкованіи Corneli'я а Lapide помѣщенномъ у меня, дѣлается таксе замѣчаніе: „Павель, посланный во всю вселенную, поставляетъ Тита епископомъ, архіепископомъ и прима-сомъ всего острова Крита; ему, поставленному, повелѣваетъ устроить въ отдѣльныхъ городахъ другихъ—низшихъ себя пресвитеровъ, очевидно, епископовъ и параховъ“²⁾. Такимъ образомъ одному Титу предоставляется власть поставленія епископовъ и пресвитеровъ. Не дѣлается ни малѣйшаго намека на избраніе со стороны городовъ, указываются только, въ руководство Титу, качества лицъ, достойныхъ быть епископами и пресвитерами.—Точно также, какъ и Титъ, былъ поставленъ Тимофей епископомъ г. Ефеса. Св. Апостоль Павелъ въ I посланіи къ Тимофею пишетъ: „умолихъ тя пребыти во Ефесѣ, иди въ Македонію“ (1, 3). Единолично, безъ всякаго избранія со стороны вѣрующихъ, былъ поставленъ Тимофей св. Павломъ, „препоручившимъ ему церковь, „поставившимъ его на видное мѣсто“³⁾. Ни о какомъ избраніи нѣтъ рѣчи. Тимофею, какъ и Титу, препоручается поставленіе пресвитеровъ—епископовъ подъ условіемъ, чтобы эти лица обладали извѣстными нравственными качествами (3, 1—8).

Такимъ образомъ новозавѣтныя указанія говорятъ не въ пользу выборнаго начала въ отношеніи епископовъ. Скорѣе можно сдѣлать обратный выводъ.

Однако въ виду того, что въ апостольское время церковь еще не получила полной организаціи, указаніямъ новозавѣтныхъ апостольскихъ писаній не должно придавать рѣшительнаго значенія. Вслѣдствіе этого должно обратить вниманіе на позднѣйшія времена, когда церковь получила полную внѣшнюю организацію. Времена вселенскихъ соборовъ и были временами такой организаціи церкви. Поэтому указанія постановленій

1) Т. II. кн. 2. стр. 837.

2) Script. Sacr. cursus completus. t. 25. col. 187.

3) Т. II, стр. 619. 623.

вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ по интересующему насъ вопросу должны имѣть первостепенное значеніе. Что же говорить постановленія соборовъ относительно избранія епископовъ?

По нашему мнѣнію, существенное рѣшающее значеніе по нашему вопросу имѣетъ 3 правило 7-го Вселенскаго собора. Это правило, между прочимъ, говоритъ: „аще который епископъ мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получитъ епископскую въ церкви власть, да будетъ изверженъ и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ. Ибо имѣющій произвестися во епископа долженъ избираемъ быти отъ епископовъ, якоже святыхъ отецъ въ Никейи опредѣлено въ правилѣ“. Н. Аксаковъ, не желая считаться съ выраженіемъ этого правила „избираемъ быти отъ епископовъ“, прямо переходитъ къ 4 правилу 1 Никейскаго собора, такъ какъ якобы 3 правило 7 Вселенскаго собора *ничего* новаго не даетъ ¹⁾. Между тѣмъ 3 правило 7 Вселенскаго собора указываетъ именно то, какъ нужно понимать 4 правило 1 Вселенскаго собора, какъ оно понималось отцами 7 Вселенскаго собора, слѣд., на него должно быть обращено особое вниманіе. Въ 3 правилѣ 7 Вселенскаго собора говорится именно объ избраніи епископа: „имѣющій произвестися во епископа долженъ избираемъ быти отъ епископовъ“. Что здѣсь говорится не о хиротоніи епископа, а объ избраніи во епископа, объ этомъ ясно свидѣлствуетъ предыдущее. Тамъ сказано, что, если епископъ получаетъ свое достоинство подъ давленіемъ свѣтскихъ начальниковъ („мірскихъ начальниковъ употребивъ“), то онъ—незаконный епископъ и долженъ быть изверженъ и отлученъ. Въ противоположность этому вліянію мірскихъ начальниковъ, епископъ долженъ быть избираемъ епископами. Очевидно, дѣло идетъ не о хиротоніи: вѣдь, и въ первомъ случаѣ хиротонія совершалась епископами, а не мірскими начальниками. Рѣчь именно объ избраніи епископа епископами. Иного толкованія дать нельзя. Таковъ смыслъ 3 правила 7 Вселенскаго собора. Уясненіе смысла этого правила тѣмъ болѣе важно, что, какъ сказано выше, имъ указывается и общій смыслъ 4 правила

1) Бог. Вѣст. Декабрь 1905 г., стр. 733—734.

1 Ник. собора,—указывается, какъ никейское правило понималось отцами 7 Вселенскаго собора. А это для насъ имѣеть болѣе значеніе, чѣмъ пониманіе его разными изслѣдователями. Какъ же должно быть понято 4 правило 1 Вселенскаго собора, при свѣтѣ 3 правила 7 Вселенскаго собора? Правило это читается такъ: „Епископа поставляти наиболѣе прилично всѣмъ тоя области епископамъ. Аще же сіе неудобно или по надлежащей нуждѣ или по дальности пути: по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто да соберутся, а отсутствующіе да изъявятъ согласіе посредствомъ грамотъ: и тогда совершати рукоположеніе. Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаетъ ея митрополиту“. О чемъ здѣсь говорится: о хиротоніи ли епископовъ или объ избраніи? По указанію 3 правила 7 Вселенскаго собора здѣсь говорится главнымъ образомъ объ избраніи епископовъ, ибо въ 3 правилѣ 7 Вселенскаго собора сказано: „имѣющій произвестися во епископа долженъ избираемъ быти отъ епископовъ, якоже св. отецъ во Никей определено въ правилѣ“. За такое пониманіе правила говоритъ и то соображеніе, что въ противномъ случаѣ никейское правило противорѣчило бы 1 апостольскому правилу, которое позволяетъ хиротонисать епископа и двумъ епископамъ: „епископа да поставляютъ два или три епископа“. Если 4 правило 1 Вселенскаго собора требуетъ трехъ епископовъ для поставленія епископа, то ясно, что оно говоритъ не о хиротоніи, но объ избраніи. „Можетъ казаться, говоритъ Зонара, что настоящее правило противорѣчитъ первому правилу св. апостоловъ, такъ какъ то правило повелѣваетъ хиротонисать епископа двумъ или тремъ епископамъ, а это—тремъ, собравшимся вмѣстѣ, при согласіи отсутствующихъ, выразившихъ согласіе посредствомъ грамотъ; однако они не противорѣчатъ другъ другу“¹⁾. Какимъ же образомъ нѣтъ этого противорѣчія?—„Правило св. Апостоловъ, продолжаетъ Зонара, говоритъ о хиротоніи—посвященіи и руковозложеніи, канонъ же этого собора говоритъ о поставленіи—*избраніи* и хиротоніи, именно опредѣляетъ, чтобы избраніе архіерея совершалось не иначе, какъ тремя, со-

1) Σύνοταγμα τῶν ἁγίων καὶ ἐκείνων κανόνων. Γ. Α. Ραλλή. Λαίνας. 1852. стр. 122.

бравшимися вмѣстѣ, но заручившимися согласіемъ посредствомъ грамотъ и со стороны отсутствующих¹⁾. Такое же пониманіе этого правила находимъ и у Θ. Вальсамона. „Здѣсь, говоритъ Вальсамонъ, узаконяется поставленіе или избраніе епископа. Въ древности избраніе епископовъ совершалось множествомъ гражданъ. Божественные отцы не одобрили этого, чтобы не опорочивалась жизнь свящ. лицъ мірянами. и они узаконили, чтобы епископъ избирался всѣми епархіальными архіереями каждой епархіи. Если же это невозможно по какой-либо уважительной причинѣ или вслѣдствіе дальности пути, то чтобы избраніе совершалось не иначе, какъ тремя епархіальными архіереями, при согласіи чрезъ письменное заявленіе мѣстной и отсутствующихъ епископовъ“²⁾. То же толкованіе даетъ и Аристинъ: „двумя или тремя епископами епископъ хиротонисуется, тремя же—наименѣе—избирается“³⁾. Такъ понимаютъ 4 правило 1 Всел. собора извѣстные византійскіе законовѣды, въ согласіи съ 3 правиломъ 7 Вселен. собора. Такое пониманіе этого правила высказывается и извѣстнымъ русскимъ законовѣдомъ—Іоанномъ, еп. Смоленскимъ: „дѣло самого избранія и рѣшеніе его принадлежало собору епископовъ съ областнымъ митрополитомъ“⁴⁾. Такимъ образомъ, по 4 правилу 1 Всел. собора дѣло избранія епископа представляется такъ: епископа избираютъ всѣ епархіальные архіереи, при невозможности же собраться всѣмъ, по крайней мѣрѣ три должны собраться въ одно мѣсто и избрать епископа, заручившись письменнымъ согласіемъ отсутствующихъ. Но здѣсь получается нѣкоторое недоумѣніе: если до указаннаго въ правилѣ собранія епископовъ не было еще избранія, кандидатъ еще не былъ намѣченъ, то съ чѣмъ же соглашались отсутствующіе епископы, на что они давали свое согласіе? Не указываетъ ли это на то, что избраніе уже совершено раньше?—Нисколько. По замѣчанію Зонары, согласіе отсутствующихъ епископовъ давалось въ томъ, что они послѣдуютъ „сдѣланному тремя, вмѣстѣ собравшимися епископами избранію“⁵⁾.

1) Ibid., стр. 123.

2) Ibid., стр. 123.

3) Стр. 124.

4) Опытъ курса церк. законовѣдѣнія С.П.Б. 1851 г. т. 1, стр. 293.

5) Ibid., стр. 123.

Такимъ образомъ нѣтъ основанія предполагать, что избраніе уже совершено и что три епископа посылались только для хиротоніи. Собраніе трехъ епископовъ въ одномъ мѣстѣ было собраніемъ именно для избранія епископа, а не съ другой цѣлью. Это собраніе дѣлалось, конечно, съ вѣдома митрополита области, по 34 апост. правилу: „епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго изъ нихъ... и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи“.—Какъ же относился митрополитъ къ избранію, произведенному собравшимися, съ его вѣдома, въ одномъ мѣстѣ епископами? „Утверждать же таковыя дѣйствія (τῶν ἡγορευῶν) въ каждой области подобаетъ ея митрополиту“. Нѣкоторые желаютъ выраженіе „утверждать“ (ἄρχος ἀδικοῦσαι) перевести „давать починъ“, „быть инициаторомъ“¹⁾, значить митрополитъ не утверждалъ, а только давалъ починъ къ такимъ дѣйствіямъ—собранію епископовъ въ одно мѣсто и поставленію епископа. Намъ кажется неосновательнымъ измѣнять обычное значеніе слова „ἄρχος“: первоначальное значеніе слова „ἄρχος“—„власть“, „могущество“, а не „начало“, „починъ“. Измѣнять обычное значеніе слова было бы позволительнымъ только въ томъ случаѣ, если бы оно было въ данномъ случаѣ неподходящимъ, не вязалось съ предыдущимъ. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Если правило говорить объ избраніи епископа, совершаемомъ епископами безъ митрополита, то нѣтъ никакой несообразности въ томъ, что такое избраніе утверждается митрополитомъ. Была бы несообразность только въ томъ случаѣ, если бы въ 4 пр. 1 Всел. собора говорилось о хиротоніи: если хиротонія совершена, то зачѣмъ еще какое то утвержденіе ея? Утвержденіе имѣетъ смыслъ, когда дѣло еще не доведено до конца... При нашемъ пониманіи правила—въ отношеніи къ избранію епископовъ утвержденіе имѣетъ полный смыслъ, такъ какъ дѣло еще не доведено до конца, хиротонія еще не совершена. Утвержденіе, слѣдовательно, совершалось послѣ избранія, до хиротоніи. Такое утвержденіе тѣмъ большій имѣетъ смыслъ, что обычно изби-

¹⁾ И. Авсаковъ. Бог. Вѣстн. 1905 г. декабрь.

рался не одинъ кандидатъ, а нѣсколько—большею частью три. Одинъ изъ избранныхъ и утверждался митрополитомъ. О такой практикѣ находимъ указаніе у Аристена: „послѣ избранія митрополитъ имѣетъ власть избрать одного изъ трехъ избранныхъ, кого пожелаетъ“¹⁾. Послѣ такого утвержденія и совершалась хиротонія—двумя или тремя епископамъ по апостольскому правилу.

Таковъ смыслъ 4 правила 1 Всел. собора, согласно указанію 3 правила 7 Всел. собора, 1 апостольскаго правила и толкованію византійскихъ законовѣдовъ.

Правильность такого пониманія 4 правила 1 Всел. собора подтверждается 6 правиломъ того же собора. Въ немъ мы читаемъ: „*ище общее всѣхъ избраніе* будетъ благословно и согласно съ правиломъ церковнымъ: но два или три, по собственному любопрѣнію, будутъ оному прекословити; да превозмогаетъ мнѣніе большаго числа избирающихъ“. Кто былъ избирателемъ? Какъ понять выраженіе „общее всѣхъ избраніе“? Намъ кажется неподлежащимъ сомнѣнію, что здѣсь разумѣется избраніе со стороны епископовъ. Къ этому заключенію насъ приводитъ, во первыхъ, то, что ранѣе говорилось только о епископахъ и ни о комъ другомъ, вслѣдствіе чего выраженіе „*общее всѣхъ избраніе*“ можетъ быть отнесимо только къ епископамъ. Во-вторыхъ, такой выводъ долженъ быть сдѣланъ на основаніи выраженія: „*два или три, по собственному любопрѣнію будутъ прекословити*“. Замѣчаніе о двухъ или трехъ прекословящихъ ясно указываетъ на небольшое число избирателей; если бы здѣсь говорилось объ избраніи епископа народомъ и клиромъ, то было бы страшнымъ говорить только о двухъ или трехъ несогласающихся: тогда нужно было бы говорить о большинствѣ и меньшинствѣ. Такое заключеніе слѣдуетъ и изъ словъ: „*да превозмогаетъ мнѣніе большаго числа избирающихъ*“. Выраженіе „большее число“ сравнительно съ двумя или тремя несогласающимися ясно свидѣтельствуетъ, что и это бѣльшее число не было великимъ, а это приводитъ насъ опять къ той мысли, что здѣсь говорится объ избраніи епископа со стороны только епископовъ известной митрополіи. Выраже-

¹⁾ Стр. 124.

ніе этого правила: „аще кто безъ соизволенія митрополита поставленъ будетъ епископомъ, о такомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быть епископомъ“, равняется по смыслу выраженію 4 пр. 1 Всел. собора: „утверждать такыя дѣйствія подобаеть ея митрополиту“.

Такой же порядокъ избранія епископа требуется и 19 правиломъ Антиохійскаго собора. Различіе между этимъ правиломъ и выше изложеннымъ 6 правиломъ 1 Всел. Собора только то, что въ немъ говорится о присутствіи на избирательномъ соборѣ епископовъ и митрополита: „епископъ да не поставляется безъ собора и присутствія митрополита области.“ Что здѣсь говорится именно объ избраніи епископа, свидѣтельствуетъ замѣчаніе правила: „аще поставленіе совершится по опредѣленному правилу, а нѣкоторые по своей любопытности воспрекословятъ: да превозмогаетъ рѣшеніе множайшихъ.“ Если бы подъ поставленіемъ здѣсь разумѣлось рукоположеніе, то замѣчаніе „да превозмогаетъ рѣшеніе множайшихъ“ не имѣло бы никакого значенія. Превозмоганіе мнѣнія имѣеть смыслъ только тогда, когда дѣло еще не окончено. т. е. въ данномъ случаѣ, если хиротонія еще не совершена, если же хиротонія уже совершена, то, значитъ, мнѣніе уже превозмогло и слѣдовательно, вышеприведенныя слова не имѣли бы смысла. Такимъ образомъ, „поставленіе“ въ 19 правилѣ Антиох. собора должно пониматься, какъ избраніе, а не хиротонія. Избраніе, по 19 правилу Антиох. собора, совершается по возможности всѣми епископами во главѣ съ митрополитомъ. Вслѣдствіе того, что по 19 правилу Антиох. собора, на избирательномъ соборѣ присутствуетъ митрополитъ, въ немъ не упоминается объ утвержденіи избранія митрополитомъ: письменное утвержденіе было необходимо при отсутствіи митрополита. Что въ избраніи епископа по 19 правилу Антиох. собора участвовали только епископы, видно, изъ того, что въ правилѣ упоминаются только епископы и никто больше. Если въ правилѣ говорится о мнѣніи *множайшихъ*, то этимъ нисколько не указывается на присутствіе при избраніи епископа другихъ избирателей, такъ какъ самое выраженіе „рѣшеніе множайшихъ съ греческаго должно быть

переведено: „рѣшеніе большей части (*κατὰ τὴν πᾶν πλειόνην φηρῶν*), при какомъ переводѣ ничего не говорится о *многочисленности* собора. Что же касается выраженія „по опредѣленному правилу“, то оно не указываетъ на какое либо другое правило или обычай, въ силу котораго избраніе совершалось раньше отъ клира и мірянъ, а указываетъ именно на это правило—19 правило Антиох. собора. Это съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ сопоставленія этого выраженія съ подобнымъ предыдущимъ выраженіемъ: „аще же инако, вопреки *сему опредѣленію* поступлено будетъ, да не имѣетъ никакой силы поставленіе.... но аще совершится *по опредѣленному правилу* да превозмогаетъ рѣшеніе множайшихъ“. Ясно изъ этой параллели, что „опредѣленное правило“ тоже что „сѣеопредѣленіе“ предыдущаго выраженія, т. е. обозначаетъ 19 правило Антиох. собора. Отсюда ясно и то, о какомъ „любопрительномъ воспрекословіи“ говорится въ правилѣ. Это воспрекословіе со стороны меньшаго числа епископовъ по поводу избранія большею частью епископовъ. Если на своемъ мѣстѣ это меньшинство епископовъ будетъ настаивать, то на это не должно обращать вниманія: рѣшеніе большинства да превозмогаетъ, согласно этому правилу, т. е. пусть совершается хиротонія. Хиротонія по 19 правилу Антиохійскаго собора, нужно думать, совершалась немедленно послѣ избранія и вызова избраннаго, такъ какъ на соборѣ присутствовалъ и митрополитъ и, слѣдовательно, задерживающихъ обстоятельствъ не было. () такомъ же избраніи епископа говоритъ и 23 правило Антиохійскаго собора: „епископа должно поставляти не инако, развѣ съ соборомъ и по суду епископовъ, имѣющихъ власть произвести достойнаго, по кончинѣ преставившагося“.

Не о чемъ иномъ, какъ именно объ избраніи епископа епископами говоритъ и 28 правило 4 Всел. собора: *митрополитъ* вышеупомянутыхъ областей (Понтійской, Оракійской и Ассійской) съ *епископами области должны поставити епархіальныхъ епископовъ*, какъ предписано Божественными правилами. А самые митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быти, какъ речено, Константинопольскимъ Архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія, и

по представленіи ему онаго". Какъ мы видѣли, божественныя правила говорятъ объ избраніи епископа епископами и объ утвержденіи этого избранія митрополитомъ, если онъ не входился на избирательномъ соборѣ. Въ этомъ смыслѣ и сдѣлана ссылка въ 28 правилѣ 4 Всел. собора на божественныя правила. Это не есть только право рукоположенія, но и право избравія со стороны епископовъ, а со стороны митрополита и право утвержденія, если онъ не присутствовалъ на избирательномъ соборѣ. Тоже въ общемъ требуется и для поставленія митрополитовъ вышеуказанныхъ областей. Только при избравіи митрополита, архіепископъ Константинопольскій на избирательномъ соборѣ не присутствовалъ, вслѣдствіе чего въ правилѣ и прибавлено: „митрополиты должны поставляемы быти, какъ речено, Константинопольскимъ архіепископомъ, *по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія и по представленіи ему онаго*". Вслѣдствіе ссылки на обычай, согласно которому должно совершаться избраніе, нѣкоторые желаютъ видѣть въ этомъ правилѣ указаніе на избраніе митрополитовъ, а слѣдовательно и епископовъ народомъ и клиромъ ¹⁾. Такъ ли? есть ли основаніе видѣть это? Намъ кажется, нѣтъ никакого. Выраженіе „избраніе по обычаю“ вполне понятно безъ допущенія участія народа и клира. Когда въ 28 правилѣ 4 Всел. собора говорилось о поставленіи епископовъ, то была сдѣлана ссылка на божественныя правила, такъ какъ дѣйствительно въ божественныхъ правилахъ сказано какъ должны быть избираемы епископы (4 и 6 правила 1 Всел. собора, 19 и 23 Антиох. собора). Такой ссылки 28 правило 4 Всел. собора не могло сдѣлать въ отношеніи поставленія митрополитовъ, такъ какъ въ божественныхъ правилахъ до 4 Всел. собора ничего не было сказано о поставленіи—избраніи митрополитовъ. Избраніе митрополитовъ совершалось по обычаю, однако отсюда нельзя заключать, что оно совершалось народомъ и клиромъ.

Естественно полагать, что оно совершалось такъ же, какъ совершалось и избраніе епископовъ по божественнымъ прави-

¹⁾ Авсаковъ.

ламъ, т. е. соборомъ епископовъ. Можетъ быть здѣсь и было какое-либо различіе, но полагать, что оно состояло въ участіи народа и клира, нѣтъ никакихъ основаній. Можно только думать, что кругъ избирателей епископовъ былъ болѣе широкъ какъ это указывается въ 6 правилѣ Сардикійскаго собора: „и отъ ближнія области должно призвати епископовъ къ поставленію епископа митрополія“. Только такой смыслъ можетъ имѣть выраженіе „избраніе по обычаю“ въ отношеніи митрополитовъ. Простирать избраніе по обычаю и на епископовъ, какъ дѣлаетъ г. Аксаковъ, совершенно безосновательно.

Кромѣ вышеуказанныхъ канонныхъ, не благопріятствуютъ мнѣнію объ избраніи епископовъ народомъ и клиромъ и многіе другіе каноны. Особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ 13 правило Лаодикійскаго собора: „да не будетъ позволяемо *сборищу народа* (*ὄχλοις*, собс. сборищамъ народа) избирати имѣющихъ произвестися во священство“. Это правило говоритъ вообще объ избраніи священныхъ лицъ, слѣдовательно и епископовъ. Нѣкоторые стараются подорвать значеніе приведеннаго канона указаніемъ на то, что такое избраніе запрещается производить только *сборищу народа* (*ὄχλοις*), т. е. скопищу, собранію случайно составленному ¹⁾. Однако нѣтъ основаній понимать слово „ὄχλοις“ именно въ такомъ смыслѣ. Новозавѣтное употребленіе этого слова не благопріятствуетъ такому пониманію. Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ о томъ собраніи народа въ сто двадцать человекъ, которому было предложено избрать кандидатовъ въ апостолы на мѣсто отпаднаго Іуды, употреблено именно Слово *ὄχλος* (Дѣян. 1, 16). Едва ли объ этомъ собраніи можно сказать, что это было скопище—случайно собравшаяся толпа. Это было собраніе проикнутое однимъ христіанскимъ духомъ и настроеніемъ, внутренне объединенное, собраніе для молитвы. Это не было скопище случайно собравшихся, неизвѣстныхъ людей,—это были члены составившейся іерусалимской общины изъ 12, 70 апостоловъ и вѣрующихъ братій. Если бы это было случайное скопище хорошо даже неизвѣстныхъ людей, едва ли бы

¹⁾ Н. Аксаковъ. Бог. Вѣсти. 1905 г. Декабрь. О. Мищенко. Труды К. Д. А. 1906 г. январь, ст. 80.

св. Петръ предложилъ бы ему избрать кандидатовъ въ апостола. Это несомнѣнно было собраніе простыхъ людей (*ὄχλος* = *plebs, vulgus*), такъ какъ и сами апостолы были простецы, но въ этомъ нѣтъ ничего укорительнаго. -- Именемъ *ὄχλος* называется въ евангеліяхъ въ большинствѣ случаевъ та благочестивая толпа, которая окружала и внимала божественнымъ рѣчамъ Спасителя (напр. Іоан. 6, 2, 5, 22, 24; 7, 31 40; 11, 42; 12, 12. 17. 18, 29, 30 и др.). Слѣдовательно, слово *ὄχλος* ничего плохого и укоризненнаго въ себѣ не заключаетъ. — Если, наконецъ, мы обратимъ вниманіе на словопроизводство, то также не найдемъ ничего, что говорило бы, что *ὄχλος* — толпа случайная или толпа буяновъ и вообще всякихъ отбросовъ общества. Слово *ὄχλος* происходитъ отъ глаг. *ὀχλιζω*, что значитъ двигать, сдвигать. Словопроизводство указываетъ только на то, что есть принадлежность всякаго собранія (случайнаго и не случайнаго, изъ хорошихъ и плохихъ людей) — движеніе, колебаніе, шумъ: всякое собраніе движется, волнуется, шумитъ. Такимъ образомъ на основаніи всего сказаннаго мы видимъ, что въ 13 правилѣ Лаодикійскаго собора запрещается вообще собранію народа избирать священныхъ лицъ. Иное пониманіе не будетъ гармонировать съ употребленіемъ слова *ὄχλος* въ Новомъ Завѣтѣ и не будетъ оправдываться филологически.

Наконецъ, не благопріятствуютъ мнѣнію объ избраніи епископа народомъ и клиромъ всѣ тѣ правила, которыя указываютъ на непринятіе епископа народомъ. Такъ въ 36 апостольскомъ правилѣ читаемъ: „аще епископъ или пресвитеръ пойдетъ туда (къ мѣсту своего назначенія) и не *будетъ принятъ* не по своей винѣ, но *по злобѣ народа*: онъ да пребываетъ епископъ“. Въ 18 правилѣ Анкирскаго собора сказано: „аще которые, бывъ поставлены во епископовъ, но *не бывъ приняты епархією*, въ которую наречены, хотятъ на иныя епархіи наступати, таковыхъ отлучати отъ общенія церковнаго“. То же сказано и въ 18 правилѣ Антиохійскаго собора: „аще кто, поставленный во епископа, не пойдетъ въ тотъ предѣлъ, въ который онъ поставленъ, не по своей винѣ, но или *по непринятію его народомъ* или другой причинѣ, таковой да участвуетъ и въ чести,

и въ служеніи епископовъ“. Изъ приведенныхъ правилъ видно, что епископъ не принимался иногда своею епархіею. Какимъ образомъ это было бы возможно, если бы епископы избирались мѣстнымъ народомъ и клиромъ? Такіе случаи тогда были бы непонятны. Очевидно, епископы избирались епископами: тогда только возможны случаи непринятія епископа епархіею.

Изъ всего сказаннаго видно, что епископы по канонамъ не только хиротонисались епископами, но и избирались ими. Только такое избраніе требуется канонами: „епископа нужно поставляти не иноко развѣ соборомъ и по суду епископовъ“ (Авт. 23). Право народа на избраніе епископа въ канонахъ не указано. Участіе народа канонами не требуется.

Но можетъ быть исторія церкви свидѣтельствуеть, что такое право было предоставлено народу и клиру, хотя о немъ въ писанныхъ канонахъ не говорится? Нѣкоторые склонны думать такъ. По нашему же мнѣнію, церковная исторія объ этомъ не свидѣтельствуеть. Она свидѣтельствуеть только о томъ, что народъ принималъ участіе въ избраніи епископа, но не говоритъ о томъ, что это было его право. Напротивъ, изъ нѣкоторыхъ замѣчаній древнихъ историковъ можно вывести то заключеніе, что народъ такого права не имѣлъ, что онъ участвовалъ въ избраніяхъ безъ этого права. Это ясно видно изъ словъ императора Валентиціана, сказанныхъ имъ епископамъ предъ избраніемъ епископа въ Медиоланѣ послѣ смерти Авксентія. „Царь, собравъ епископовъ, передаетъ историкъ Θεодоритъ Кирскій, произнесъ предъ ними слѣдующія слова: вы хорошо знаете, потому что напитаны божественнымъ ученіемъ, каковымъ долженъ быть тотъ, кто удостоивается епископства,—знаете, что онъ долженъ настроить своихъ подчиненныхъ не только словомъ, но и жизнью, быть первымъ образцомъ всякой добродѣтели и въ своемъ житіи представлять свидѣтельство всякаго ученія. Такого-то мужа возведите и теперь на епископскую кафедру. Когда царь сказалъ это, то соборъ предложилъ избрать епископа ему самому, какъ мужу мудрому и благочестивому. Но онъ сказалъ: это порученіе выше нашихъ силъ; изберите лучше вы, такъ какъ вы сподобились божественной благодати и пріяли тотъ небесный свѣтъ. Послѣ

сего епископы вышли и стали разсуждать сами по себѣ¹⁾. Изъ этихъ словъ императора видно, что избраніе епископа дѣло и право епископовъ и никого больше. Предложеніе со стороны епископовъ императору избрать епископа тоже свидѣтельствуется, что это ихъ право, ибо несомнѣнно епископы могли поступиться только своимъ правомъ, — правомъ народа, какъ чужимъ, они поступиться не могли. Повѣствованіе того же историка объ избраніи Нектарія въ Константинопольскіе епископы подтверждаетъ то же. Григорій Богословъ, отказавшись отъ Константинопольской катедры, обратился къ епископамъ 2 Всел. собора съ такими словами: „поищите достохвальнаго и мудраго мужа, который бы могъ принять на себя множество заботъ, и поставьте его архіереемъ“²⁾. Слѣдовательно, избраніе, т. е. избраніе кандидата во епископы, по словамъ св. Григорія Богослова, дѣло собора епископовъ. Самъ Григорій Богословъ былъ избранъ во епископы Константинопольскіе не народомъ, а соборомъ епископовъ: „въ то время, читаемъ у историка Сократа, *по общему приговору многихъ епископовъ*, Григорій изъ Назіанза былъ переведенъ на епископію Константинопольскую“³⁾. По свидѣтельству историка Созомена, Евстаѳій, епископъ Беріи, былъ избранъ во епископы Антиохійскіе тоже соборомъ епископовъ: „собравшіеся въ Никеѣ отцы, дивясь жизни и словамъ Евстаѳія, *почли его достойнымъ занимать апостольскій престолъ и, такъ какъ онъ былъ уже епископомъ сосѣдней Беріи, перевели его въ Антиохію*“⁴⁾. Не указываемъ другихъ свидѣтельствъ, такъ какъ для нашей цѣли и этихъ достаточно.

Не говорятъ въ пользу права избранія епископа народомъ и клиромъ и тѣ ссылки, которыя, по мнѣнію ихъ дѣлающихъ, якобы говорятъ объ этомъ. Такъ, ссылаются на избраніе Афанасія Александрійскаго клиромъ и народомъ. Клеръ и народъ, дѣйствительно, участвовали въ этомъ избраніи, но что это было ихъ право, не изъ чего не видно. Изъ историка Созо-

¹⁾ Теодоритъ Кир. Ц. ист. Рус. пер. 1852. С.П.Б. Кн. 4, 6—7, стр. 241—242.

²⁾ Ibid. 5, 8, стр. 316.

³⁾ Сократъ. Церк. исторіи. Рус. пер. С.П.Б. 1850. 5, 6, стр. 398.

⁴⁾ Созоментъ. Церк. ист. Рус. пер. 1851. С.П.Б. в. 1, 2, стр. 22.

мена, напротивъ, можно заключить, что Аѳанасій былъ поставленъ не въ силу народнаго избранія, а въ силу желанія епископа Александра имѣть его своимъ преемникомъ: „по божественному указанію блаженный мужъ (еп. Александръ) избралъ его, а не кого другого своимъ преемникомъ, когда передавалъ ему епископство“¹⁾. Да и изъ описанія участія народа въ семъ избраніи нельзя заключить, что народъ и клиръ имѣли это право. „Все множество людей, пишуть рукополагавшіе Аѳанасія епископы, собравшись вмѣстѣ и единодушно, какъ бы въ единомъ тѣлѣ *вопіяли, взывали, требуя въ епископа церкви Аѳанасія* и всенародно *молили о семъ Христа* въ продолженіи многихъ дней и ночей, *заклинали насъ* сдѣлать это, и сами не выходя изъ церкви и намъ не позволяя сдѣлать это“²⁾. Изъ этихъ словъ видно, что народъ вопилъ, молилъ, требовалъ, заклиналъ, но ни откуда не видно, что онъ *считалъ себя въ правѣ* избрать Аѳанасія. Не доказываетъ такого права и то обстоятельство, что египетскіе епископы ссылаются на указанное участіе народа съ цѣлью доказать правильность и законность избранія Аѳанасія. Нѣкоторые на основаніи этого заключаютъ, что участіе народа было необходимо для избранія епископа, что *безъ участія народа поставленіе епископа неправильно*. Намъ кажется, ссылка египетскихъ епископовъ на участіе народа при избраніи Аѳанасія имѣетъ другое значеніе. Египетскіе епископы обвинялись въ томъ, что они поставили Аѳанасія *тайно*, въ укромномъ мѣстѣ, безъ согласія другихъ епископовъ“³⁾. Слѣдовательно, имъ нужно было доказать только, что Аѳанасій поставленъ ими *не тайно, а открыто*, при народѣ, такъ какъ *тайнственность* поставленія дѣйствительно могла набрасывать тѣнь на правильность поставленія. Ссылка на участіе народа при поставленіи Аѳанасія, очевидно, имѣетъ только этотъ, не другой смыслъ.—Ничего не доказываетъ и ссылка на участіе народа при избраніи Амвросія Медиоланскаго. Изъ вышеприведенныхъ словъ императора Валентиніана и отвѣта епископовъ видно, что это участіе не было

1) 2, 17. стр. 116.

2) Твор. Аѳан. Алекс. 1, 225.

3) Созоменъ. 2, 17, стр. 117.

правомъ народа. Самое же избраніе, по замѣчанію историка Сократа, „скорѣе Божіе, чѣмъ человѣческое“¹⁾.—Участіе народа въ избраніи Іоанна Златоустаго въ Константинопольскую кафедру тоже не свидѣтельствуетъ въ пользу права народа на избраніе епископовъ. Въ избраніи Іоанна Златоустаго бѣльшее значеніе имѣли царедворцы, чѣмъ народъ. „Царедворцы, говоритъ Сократъ, предпочли ему (Исидору—кандидату Теофила, еп. Александрійскаго) Іоанна“²⁾. По словамъ Теодорита Кирскаго, все дѣло рѣшилъ императоръ Аркадій (можетъ быть, подъ вліяніемъ царедворцевъ). „Императоръ, говоритъ онъ, получивъ въ управленіе восточное царство и узнавъ, что великое свѣтило вселенныя Іоаннъ введенъ въ сонмъ антїохійскихъ пресвитеровъ, вызвалъ его и, собравъ епископовъ, повелѣлъ имъ визвестъ на него Божественную благодать и провозгласить его епископомъ того великаго города“³⁾. Другія историческія ссылки точно также не доказываютъ права народа на избраніе епископовъ.

Такимъ образомъ на основаніи данныхъ церковной исторіи право народа и клира на избраніе епископовъ не можетъ быть доказано такъ же, какъ и на основаніи каноновъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что народъ участвовалъ въ избраніи епископовъ, иногда даже оказывалъ давленіе на епископовъ, можетъ быть даже считалъ себя въ правѣ избирать епископовъ, но ничего не говоритъ, что это, дѣйствительно, было право народа. „Многіе изъ обычаевъ, говоритъ М. Властарь въ Сивтагмѣ, существовали вопреки священнымъ правиламъ, которыя полагаютъ, что избранія (епископовъ) должны быть производимы не отъ клира или первыхъ гражданъ, но отъ *однихъ только епископовъ*, которые и за сіе должны будутъ дать отчетъ общему Судіи“⁴⁾. Что народъ склоненъ былъ иногда присваивать себѣ право избранія епископовъ, видно изъ того, что при избраніяхъ епископовъ нерѣдко происходили волненія и мятежи. Такъ, наприм., было въ Медіоланѣ послѣ смерти Авксентія: „произошла у нихъ великая распря“⁵⁾, и „городъ

¹⁾ 4, 30, стр. 374.

²⁾ 6, 2, стр. 451.

³⁾ 5, 26, стр. 358.

⁴⁾ Рус. перев. свѣщ. Н. Ильинскаго. Симферополь. 1892 г., стр. 396.

⁵⁾ Сократъ. 4, 30, стр. 373.

былъ въ опасности“¹⁾. При избраніи Мелетія на Антиохійскій престолъ „народъ, читаемъ у Сократа, прибѣгъ къ насилію... произошло великое смятеніе“²⁾. При поставленіи Кприлла на Александрійскую кафедру тоже произошло „народное смятеніе“³⁾. Вслѣдствіе этого нѣкоторые епископы предъ смертью принимали мѣры къ тому, чтобы было избѣгнуто участіе народа при избраніи епископа и часто связывавшееся съ нимъ народное смятеніе⁴⁾. Замѣчанія о народныхъ смятеніяхъ при избраніяхъ епископовъ весьма часты⁵⁾. Этимъ объясняется то, что сами пресвитеры иногда просили умирающаго епископа назначить себѣ преемника⁶⁾, иногда епископы избирали себѣ преемниковъ, какъ Александръ—Аѳанасія, Аѳанасій—Петра⁷⁾, иногда императоры приказывали возвести на престолъ епископскій то или другое лицо еще до погребенія тѣла умершаго епископа⁸⁾ и т. д. Такіе поступки, какъ направленные къ избѣжанію народныхъ волненій, историкъ Сократъ хвалитъ. Такъ, о распоряженіи императора Θεодосія о поставленіи на Константинопольскую кафедру Прокла Сократъ отзывается такъ: „царь Θεодосій *мудро* распорядился дѣломъ. Чтобы опять не вышло спора объ избраніи епископа и не возбудилось въ церкви волненіе, онъ приказалъ возвести на престолъ Прокла“⁹⁾.

Если народъ и клиръ не имѣли права избранія епископовъ, однакоже участвовали въ избраніи ихъ и склонны даже были иногда считать себя въ правѣ избирать епископовъ, то спрашивается, какъ объяснить самый фактъ участія народа и клира въ такихъ избраніяхъ?—Вѣроятно, это объясняется ничѣмъ инымъ, какъ позволеніемъ со стороны избирающаго собора епископовъ народу и клиру высказывать свои желанія и просьбы относительно кандидатовъ во епископы. Нужно думать, это естественное желаніе не запрещалось народу и клиру. Въ такомъ только смыслѣ допускалось участіе народа въ избраніи

1) Созоменъ. 6, 24, стр. 425.

2) Сократъ. 5, 5, стр. 392.

3) Сократъ. 2, 16; 4, 20. Созоменъ. 2, 19 и др.

4) Сократъ. 7, 46.

5) Θεодоритъ. 4, 20, Сократъ. 4, 20.

6) Сократъ. 7, 7, стр. 513.

7) Сократъ. 7, 46, стр. 578.

8) Сократъ. 7, 40, стр. 571—572.

9) Сократъ. 7, 40.

епископовъ. Такое просительное участіе народа въ избраніи епископовъ отмѣчается иногда въ самихъ канонахъ, напр. 6 правилъ Сардикійскаго собора: „*просятъ* людіе дати имъ пастыря... подобаетъ удовлетворити желанію народа... множество людей будетъ *просити*, да дастся имъ требуемый епископъ“... Иногда соборъ даже поручалъ народу отыскать желательнаго кандидата во епископы, напр. въ 99 правилъ Карфагенскаго собора читаемъ: „да пошлются отъ собора грамоты (о Максиміанѣ епископѣ) и къ нему и къ насомымъ, дабы онъ оставилъ епископство, а они искали себѣ другого“. Такимъ порученіемъ именно доказывается то, что народъ не имѣлъ права избранія епископа (ибо тогда незачѣмъ было давать въ отдѣльномъ случаѣ такое порученіе народу!) и могъ принимать въ немъ только просительное участіе. Такое участіе народа отмѣчается иногда и у церковныхъ историковъ. Напр. при избраніи епископа Кессарійскаго послѣ смерти Фирма, читаемъ у историка Сократа, „кессарійцы пришли (въ Константинополь) *просятъ* себѣ епископа“¹⁾ То же видно и изъ избранія Аванасія, когда народъ вопилъ, молилъ, требовалъ, заклиналъ епископовъ. Таково же было участіе народа при избраніи на Константинопольскую кафедру Нектарія. Народъ только „предложилъ“ его²⁾, т. е. выразилъ желаніе и просьбу имѣть его епископомъ. Если народъ иногда оказывалъ большое давленіе на епископовъ, то не потому, что онъ имѣлъ на это право, а потому что онъ забывалъ, что онъ не имѣетъ такого права. Въ виду такихъ злоупотребленій 13 правило Лаодикійскаго собора и постановило, что вообще собранію народа не позволялось избирать священныхъ лицъ.

Такимъ образомъ въ древней церкви епископы избирались епископами, участіе же народа не имѣло значенія права избранія и не было необходимымъ для избранія. Если такъ, то спрашивается, долженъ ли этотъ порядокъ избранія епископовъ оставаться и теперь или его слѣдуетъ измѣнить и право избранія епископа предоставить народу и клиру?

По нашему мнѣнію, избраніе епископовъ должно быть всегда дѣломъ епископовъ. Ихъ обязанность, а не кого либо

¹⁾ Сократъ. 7, 8. стр. 579—580.

²⁾ Сократъ. 5, 8. стр. 397.

другого избирать достойныхъ лицъ во епископы. Имъ сказано „руки скоро возлагай ни на когото“. (1 Тим. 5, 22). Имъ въ лицѣ Тимофея и Тита даны тѣ указанія, кого должно избирать въ епископы и пресвитеры (1 Тим. 3, 1—13; Тит. 1, 6—10). Имъ, слѣдовательно, должно принадлежать рѣшеніе о достоинствѣ кандидата во епископы и, если бы они передали это народу и клиру, то не исполнили бы того, что имъ повелѣваетъ Господь Іисусъ Христосъ устами св. Ап. Павла. Скажутъ: рѣшеніе епископовъ и избраніе клира и мірянъ могутъ быть совмѣщены. Клеръ и народъ избираютъ епископа, окончательное же сужденіе и рѣшеніе принадлежитъ собору епископовъ. Такъ ли это? Мы думаемъ, что тогда будетъ сведено ни къ чему или избраніе народа, или рѣшеніе собора епископовъ. Если епископы, не смотря на избраніе клира и народа, будутъ назначать епископовъ по своему суду и рѣшенію (что и должно быть), то избраніе народа и клира въ существѣ дѣла не будетъ имѣть значенія. Однако не измѣняя ничего въ существѣ дѣла, такой порядокъ можетъ приводить къ нежелательнымъ осложненіямъ. Епархія можетъ быть недовольна тѣмъ, что епископы ставятся по суду и рѣшенію епископовъ: зачѣмъ тогда предоставлено ей право избранія, если это избраніе не имѣетъ значенія? Тогда именно возможны недоразумѣнія и смуты.— Если же дѣло поставить такъ, что *безъ избранія народа и клира соборъ епископовъ не можетъ поставить епископа*, то это значило бы лишить епископовъ принадлежащаго имъ права оцѣпывать кандидатовъ епископства, судить и рѣшать дѣло:—значило бы свести все значеніе епископовъ при избраніи епископовъ къ совершенію одной хиротоніи. Но это какимъ образомъ не можетъ быть допущено, такъ какъ тогда церковью управляли бы не епископы, а народъ,—въ церкви водворилось бы народовластіе. Пасеніе стада Христова—дѣло епископовъ и совершается оно чрезъ епископовъ (1 Петр. 5, 2). Если народъ будетъ избирать епископовъ, то въ чемъ же проявится забота епископовъ о пасеніи стада Христова? Не значило бы ли это свою обязанность передавать пасомымъ?

Что же? значить, епархія должна быть совсѣмъ устранена отъ участія въ избраніи епископа? Нѣтъ. Ей можетъ быть

предоставлено заявленіе просительнаго желанія о кандидатѣ во епископы. Епархія можетъ просить соборъ епископовъ о поставленіи взвѣстнаго лица епископомъ, не болѣе. Какъ простое прошеніе, а не юридическое право, такое заявленіе едва ли будетъ приводить къ осложненіямъ. Всякій просящій знаетъ, что ему можетъ быть отказано въ просьбѣ, и мирится съ этимъ. Имѣющій же право на то или другое, но не получающій по праву, съ трудомъ мирится съ отказомъ: отсюда могутъ получаться осложненія. И, какъ мы видѣли выше, право избранія епископа народу и клиру никогда не предоставлялось, —предоставлялось, можно думать, только заявленіе просительнаго желанія. Иногда послѣднее смѣшивалось съ первымъ, чѣмъ и объяснялись случаи непринятія епископа епархіею или принятіе епископа помимо назначенія со стороны собора епископовъ. Однако церковные каноны давали твердый отпоръ такимъ незаконнымъ притязаніямъ народа. Въ первомъ случаѣ подвергался наказанію клиръ, отлучался: „аще епископъ пойдетъ туда и не будетъ привятъ... по злобѣ народа, онъ да пребываетъ епископъ, клиръ же града того да будетъ отлученъ за то, что такого не покориваго народа не учили“ (36 ап. пр. Во второмъ случаѣ „епископъ отвергался“, какъ согласившійся на незаконное и самочинное избраніе народа („хотя бы его избиралъ весь народъ“), чѣмъ давалось знать, что избраніе народа должно имѣть другое значеніе, чѣмъ иногда были склонны придавать ему, —значеніе прошенія предъ соборомъ епископовъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что избраніе епископовъ должно принадлежать епископамъ. Клиру и народу можетъ быть предоставлено только заявленіе просительнаго желанія, но не право избранія. Такое право не можетъ быть основано ни на новозавѣтныхъ апостольскихъ писаніяхъ, ни на канонахъ, ни на свидѣтельствахъ древней церковной исторіи, ни даже на пользѣ дѣла. Епископы, по прекраснымъ словамъ императора Валентиніана, „напитаны божественнымъ ученіемъ..., они сподобились божественной благодати и пріяли тотъ небесный свѣтъ“, они лучше другихъ знаютъ, кто достоинъ епископства, на нихъ лежитъ и отвѣтственность за недостойныя избранія.

Ректоръ Тульской Духовной Семинаріи Архимандритъ Георгій.

Миссіонеры дѣйствовавшіе въ первые три вѣка христіанства.

(Апостолы, евангелисты, пророки, учителя; обыкновенные миссіонеры).

I.

Прежде чѣмъ войти въ самое изслѣдованіе предмета, считаемъ необходимымъ предпослать ему краткій обзоръ объ употребленіи слова „апостоль“ и его смысла въ древнѣйшей христіанской письменности ¹⁾).

1. У евангелистовъ Маттея, Марка и Іоанна терминъ „апостоль“ не является особымъ и исключительнымъ именемъ для тѣснаго круга ближайшихъ учениковъ Іисуса Христа. Напротивъ, сочлены его почти постоянно называются „двѣнадцатью“ т. е. учениками ²⁾). Какъ можно заключать на основаніи Маттея 19, 28, ихъ избраніе произошло въ параллель къ 12 колѣнамъ Израилевымъ ³⁾). Но въ первообщинѣ особен-

¹⁾ Здѣсь рѣчь идетъ только объ Апостолахъ Христа; однако нужно имѣть въ виду, что ап. Павелъ въ 2 Кор. 8, 23 говоритъ объ апостолахъ церкви и что онъ называетъ апостоломъ филиппійцевъ (Филип. 2, 25) Еуафродита, доставившаго ему подаянія филиппійской общины. Въ Евр. 8, 1 самъ Христосъ названъ „апостоломъ“ и первосвященникомъ нашего исповѣданія“. У Іоанна 13, 16 „апостоль“ приведенъ только въ качествѣ примѣра: „рабъ не больше господина своего и посланникъ (апостоль) не больше пославшаго его“.

²⁾ Мѡ. 10, 1, 5; 11, 1, 20, 17; 26, 14; 20, 48; Мр. 3, 14; 4, 10; 6, 7; 9, 35; 10, 32; 11, 11; 14, 10; 17, 20, 43; Іоан. 6, 67, 70, 71; 20, 24. Сюда нужно причислить еще случай, гдѣ названы „одинадцать учениковъ“. Мр. 16, 14; Мѡ. 28, 16.

³⁾ Ясно говоритъ объ этомъ Варнава, посл. 8: „ихъ двѣнадцать во свидѣтельство колѣнъ Израилевыхъ, которыхъ также двѣнадцать“.

ное достоинство ихъ полагали не въ томъ, что они апостолы, а въ томъ, что они двѣнадцать избранныхъ Христомъ учениковъ Его. У ев. Иоанна они ни разу не называются апостолами; у Матѳея однажды: „двѣнадцать апостоловъ“ (10, 2), но Syrus Sinait пишетъ: „учениковъ“. Маркъ употребляетъ слово: „апостолы“ только одинъ разъ (6, 30). въ связи съ разсказомъ о временномъ миссіонерскомъ посольствѣ ихъ. Всѣ три евангелія, такимъ образомъ, не знаютъ слова „апостоль“, какъ обозначенія двѣнадцати: данъ только одинъ случай, когда оно примѣнено къ нимъ ¹⁾).

2. Иначе дѣло обстоитъ у ап. Павла; онъ никогда не пользуется терминомъ „двѣнадцать“, — такъ какъ въ 1 Кор. 15, 5 онъ передаетъ формулу первообщины, — а исключительно употребляетъ понятіе „апостола“, но языкъ его здѣсь не одинаковъ:

а) онъ называетъ себя апостоломъ Исуса Христа и въ этомъ полагаетъ высочайшую важность ²⁾. Сдѣлался же имъ такъ, какъ и можно только сдѣлаться, — именно отъ Бога (Христа); Богъ призвалъ его и даровалъ ему апостольство ³⁾; это апостольство засвидѣтельствовано дѣломъ, которое онъ совершилъ, и тѣмъ, какъ онъ совершилъ его ⁴⁾.

б) Апостолы — также и сотрудники его въ дѣлѣ миссіи, какъ Варнава и Сильванъ, но къ нимъ не принадлежатъ подчиненные ему ученики, какъ Тимофей и Сосѳенъ ⁵⁾.

¹⁾ Но есть мѣста, гдѣ употребляется слово „ἀποστέλλειν — посылать“; Мр. 3, 14; Иоан. 20, 21.

²⁾ См. вступительныя слова ко всѣмъ посланіямъ ап. Павла, за исключеніемъ 1 и 2 Тимеѳ., Филип. и Филем. Ср. Рим. 1, 5; 11, 13; 1 Кор. 4, 9; 9, 1 сл. 15, 9; 2 Кор. 12, 12; Гал. 1, 17; 2, 8.

³⁾ Гал. 1, 1 сл., Рим. 1, 5.

⁴⁾ 1 Кор. 9, 1, 2; 15, 9 сл.; 2 Кор. 12, 12; Гал. 1, 2.

⁵⁾ О Варнавѣ, какъ апостолѣ, свидѣлствуютъ 1 Кор. 9, 4 сл. и Гал. 2, 9; о Сильванѣ вѣроятно 1 Сол. 2, 7. Въ адресахъ въ посланіяхъ въ Солунь и Филиппы Павелъ не называетъ себя апостоломъ, потому что поименовываетъ себя вмѣстѣ съ Тимофеемъ, а Тимофеею нигдѣ не усвоится имени апостола (1 Сол. 2, 7 не относится къ нему). Вообще справедливо приписывается ему во 2 Тим. 4, 5 дѣло „евангелиста“. Апостолъ тоже нигдѣ не называется апостоломъ. Слово „евангелистъ“, кромѣ 2 Тим. 4, 5 въ новомъ завѣтѣ встрѣчается дважды, именно въ Филип. Ап. 21, 8 (такъ называется Филиппъ, одинъ изъ семи діаконовъ) и Ефес. 4, 4 (евангелисты здѣсь упомянуты рядомъ съ апостолами потому, что посланіе направлено къ общинамъ, основаннымъ не Павломъ, но не-апостольскими миссіонерами).

в) Апостолами являлись также и другія лица, напр. Андроникъ и Юнія ¹⁾, такъ что понятіе апостола не допускаетъ вообще точной отграниченности, потому что какъ Богъ поставляетъ въ церкви пророковъ и учителей, такъ Онъ поставляетъ и апостоловъ ²⁾, какъ первое званіе въ ряду этихъ состояній: эти харизматическія званія численно неограничены, такъ какъ они слѣдуютъ потребности, по мѣрѣ которой Богъ и создаетъ ихъ. Кромѣ призванія Христомъ (или Богомъ) апостолать опредѣляется засвидѣтельствованными чудесами ³⁾, дѣломъ и особенными правами ⁴⁾. Кто это можетъ показать, тотъ апостоль. Точно также и полемика противъ лже-апостоловъ ⁵⁾ и лже-пророковъ ⁶⁾ свидѣтельствуемъ, что для Павла понятіе „апостола“ не ограничивается числомъ. Наконецъ сопоставленіе 1 Кор. 15, 7 съ ст. 5 даетъ ясно видѣть, что ап. Павелъ различаетъ отъ двѣнадцати болѣе широкій кругъ апостоловъ, и это уже въ древнѣйшее время и для Палестины.

г) Но апостоль является апостоломъ только для тѣхъ, у кого онъ дѣйствуетъ ⁷⁾, причемъ не безразличенъ и самый хронологическій порядокъ ихъ призванія ⁸⁾. Древнѣйшими апостолами считались двѣнадцать, призванныхъ Христомъ еще во время Своей земной жизни ⁹⁾; они, ихъ качества и дѣянія должны быть предметомъ подражанія для позднѣйшихъ апостоловъ. Такъ двѣнадцать, и именно, какъ апостолы, выступаютъ на передній планъ. Павелъ поставилъ ихъ какъ апо-

¹⁾ Рим. 16, 7: „прославившихся (ἐπίσημοι) между (ἐν) апостолами и прежде меня еще увѣровавшихъ во Христа“. 'Εν върогаѣ переводитъ „среди“, чѣмъ „у, при“, потому что въ послѣднемъ случаѣ излишня была бы прибавка и объемъ понятія былъ бы слишкомъ широкъ. Если 'Εν переводитъ „при“, то это мѣсто нужно внести въ число свидѣтельствъ, въ которыхъ апостолами называются только первоапостолы.

²⁾ 1 Кор. 12, 28 сл., Ефес. 4, 11.

³⁾ 2 Кор. 12, 12.

⁵⁾ 2 Кор. 11, 13.

⁴⁾ 1 Кор. 9, 1, 12.

⁶⁾ 2 Кор. 11, 5; 12, 11.

⁷⁾ 1 Кор. 9, 2 и Гал. (апостолы иудеевъ и язычниковъ); см. также Рим. 11, 13; апостоль язычниковъ. Петръ (Гал. 2, 8) называется апостоломъ обрѣзанія. Въ идеальномъ порядкѣ, конечно, дано одно апостольство, какъ и одна церковь, по конкретныя задачи апостоловъ были различны.

⁸⁾ Рим. 16, 7.

⁹⁾ Апостольство есть преимущественное положеніе (1 Кор. 12, 28); въ этомъ же смыслѣ называются апостолами и двѣнадцать учениками.

столовъ (личныя, земныя отношенія ихъ къ Учителю здѣсь какъ бы затушевывались) на передній планъ для того, чтобы обосновать свое собственное апостольство, онъ возвысилъ ихъ надъ другими апостолами, но не выше той ступени, на какую онъ самъ ставилъ себя. Что двѣнадцать постоянно въ послѣдующей исторіи почитались, какъ двѣнадцать *апостоловъ*, и притомъ *апостоловъ*, это обосновалъ ап. Павелъ, но дальше онъ не пошелъ; онъ не могъ и не хотѣлъ уничтожать широкаго понятія объ апостолатѣ. Такъ ограниченіе понятія апостольства двѣнадцатю у него встрѣчается только дважды ¹⁾; въ первой главѣ посланія къ Галатамъ и 1 Кор. 9, 5. Въ Гал. 1, 17 рѣчь идетъ о предшествовавшихъ ему (*οἱ πρό ἐμοῦ ἀπόστολοι*) апостолахъ и по всей вѣроятности относится исключительно къ двѣнадцати, но слѣдующее же положеніе (1, 19): „другого изъ апостоловъ я не видѣлъ никого, кромѣ Иакова, брата Господня“ показываетъ, что ап. Павелъ не довольствовался узкимъ ограниченіемъ этого понятія. 1 Кор. 9, 5: „или не имѣемъ мы власти имѣть спутницей сестру, жену, какъ и прочіе апостолы и братья Господни и Киѳа?“—сопоставленіе „прочихъ апостоловъ“ съ братьями Господними дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и здѣсь подъ апостолами разумѣются исключительно двѣнадцать. Результатъ: ап. Павелъ удерживаетъ широкое понятіе объ апостолѣ, но двѣнадцать учениковъ онъ понимаетъ, какъ первоствоу апостольства.

д) Словоупотребленіе евангелиста Луки обусловливается примѣрами какъ древнѣйшаго времени (синоптическая традиція), такъ и времени послѣ—павловскаго. Слѣдуя первымъ, онъ ближайшихъ учениковъ Христа называетъ двѣнадцатю ²⁾ или одиннадцатю ³⁾, поддаваясь второму, онъ въ книгѣ Дѣяній обозначаетъ ихъ просто „апостолы“,—другихъ апостоловъ для него не существовало ⁴⁾,—и рассказываетъ въ Евангеліи, что

¹⁾ Исключая 1 Кор. 15, 7) (ср. ст. 5), гдѣ двѣнадцать разумѣются какъ первоствоу апостоловъ и быть можетъ Рим. 16, 7; 1, 5.

²⁾ Лк. 8, 1; 9, 1, 12; 18, 31; 22, 3, 47; Дѣян. 6, 2.

³⁾ Лк. 24, 9, 33 (ср. Дѣян. 2, 14: Петръ съ одиннадцатю).

⁴⁾ Дѣян. 1, 2; 2, 37, 42, 43; 4, 33, 35, 36, 37; 5, 2, 12, 18, 29, 40; 6, 6; 8, 1; 14, 18; 9, 21; 11, 1; 15, 2, 4, 6, 22, 23; 16, 4. Въ послѣднихъ главахъ книги

Христосъ Самъ назвалъ ихъ апостолами ¹⁾, немного разъ при-
мѣняя къ нимъ это слово ²⁾. На основаніи приведенныхъ дан-
ныхъ можно было бы заключить, что ев. Лука не знаетъ ни-
какихъ апостоловъ, кромѣ двѣнадцати, но такое заключеніе
было бы поспѣшно; въ главѣ 14 Дѣян. не только Павелъ, но
и Варнава обозначаются именемъ апостоловъ ³⁾,—ясно, что
понятіе апостольства еще не было твердо установлено. Замѣ-
чательно, что ап. Павла во всей своей книгѣ онъ только при
одномъ случаѣ называетъ апостоломъ. Подъ описаніе тѣхъ
качествъ апостольства, какое Лука имѣетъ въ виду Дѣян. 1,
21 сл.,—для позднѣйшаго времени это описаніе становилось
все болѣе и болѣе исключительнымъ,—ап. Павелъ не подхо-
дитъ ⁴⁾. Значить, Лука называлъ его апостоломъ въ болѣе
широкомъ смыслѣ.

е) Въ Апокалипсисѣ евангелиста Іоанна говорится о такихъ
людяхъ (2, 2), которые называютъ себя апостолами, но не
суть таковыя; предполагается, слѣдовательно, что истинные апо-
столы могли быть, а это показываетъ, что авторъ пользуется
словомъ въ болѣе широкомъ и первоначальномъ смыслѣ.

ж) Въ своихъ 1 и 2 посл. Петръ обозначаетъ себя апосто-
ломъ Іисуса Христа. Въ посл. Іуды 17 ст.: „помните слова,
предсказанныя апостолами Господа нашего Іисуса Христа“ и
въ 2 Петр. 3, 2: „слова, прежде реченныя святыми проро-
ками и заповѣдь Господа и Спасителя, преданную апостолами
вашими“—во второмъ случаѣ несомнѣнно, въ первомъ очень
вѣроятно нужно понимать двѣнадцать учениковъ Христа.

слова: апостолъ вообще не встрѣчается. Однажды употреблено выраженіе: один-
нацать апостоловъ (Дѣян. 1, 26).

¹⁾ Лк. 6, 13.

²⁾ Лк. 9, 10; 17, 5; 22, 14; 24, 10.

³⁾ Апостольское достоинство Варнавы засвидѣтельствовано прочно Лукою и
ап. Павломъ. Въ отношеніи къ 70 ученикамъ Лука употребляетъ выраженіе
ἀποστόλων (посылать) и сравнительно съ 12 называетъ ихъ „70 другихъ“, но
имени апостола онъ прямо къ нимъ не прилагаетъ. Иринеи (II, 21), Тертул-
ліанъ (противъ Марк. 10, 24), Оригенъ (въ толк. на Рим. 16, 7) и др. усвоили
имъ апостольское достоинство.

⁴⁾ Избранный въ апостолы долженъ былъ сопровождать Іисуса Христа отъ
крещенія Іоаннова до восшествія и быть свидѣтелемъ воскресенія Его (Лк. 24,
48; Дѣян. 1, 8; ап. Павелъ требуетъ только того, чтобы апостолъ „видѣлъ“ Са-
мого Господа).

з) Что Климентъ въ своемъ первомъ письмѣ къ Коринтянамъ подъ апостолами разумѣетъ только „первоапостоловъ“ и Павла, это ясно изъ 42 гл. (апостолы были избраны уже предъ воскресеніемъ, и 47, гдѣ Аполосъ, какъ „мужъ *θεοδομασμενος* у апостоловъ“, опредѣленно отличается отъ нихъ; см. еще гл. 5 и 4. Посланіе Варнавы (гл. 5) говоритъ объ избраніи „собственныхъ апостоловъ“ (*ιδιοι ἀποστολοι*) и, такимъ образомъ, по видимому признаетъ еще другихъ апостоловъ; въ 8 гл. онъ говоритъ только о двѣнадцати, „которые благовѣствуютъ отпущеніе грѣховъ и получили власть проповѣдывать евангеліе“ ¹⁾, однако, не называя ихъ апостолами.

и) Мѣсто изъ „Подобій (IX, 17)“ еще не даетъ въ себѣ основаній къ рѣшенію вопроса о томъ, что разумѣетъ Ермъ подъ именемъ „апостоловъ“—двѣнадцати или болѣе широкой кругъ, однако, другія четыре мѣста (Вид. III, 5; Под. IX, 15, 16; 25), гдѣ встрѣчается слово „апостоль“, вполне ясно показываютъ, что во всей своей книгѣ авторъ имѣлъ въ виду исключительно широкое понятіе объ апостолахъ; о двѣнадцати апостолахъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ. То же самое наблюдается и въ „Ученіи двѣнадцати апостоловъ“; правда, самое заглавіе имѣетъ цѣлю отрекомендовать сочиненіе, какъ дѣло двѣнадцати апостоловъ, но уже присоединеніе опредѣленнаго числа къ слову апостоль вызываетъ догадку, что книга знаетъ и другихъ апостоловъ, и это подтверждается содержаніемъ ея: она говоритъ исключительно объ апостолахъ въ широкомъ смыслѣ этого понятія.

і) Въ дюжинѣ мѣсть у св. Игнатія Богоносца, содержащихъ въ себѣ слово „апостоль“, нѣтъ ни одного, гдѣ это слово имѣло бы широкій смыслъ, напротивъ, много такихъ, гдѣ мыслимо только отношеніе его къ двѣнадцати апостоламъ ²⁾. Не столь ясно дѣло у св. Поликарпа (посл. гл. 6, 8),

¹⁾ „Отроки, совершающіе обропленіе,—благовѣстники, возмѣщающіе намъ отпущеніе грѣховъ и очищеніе сердца, которымъ Господь далъ власть проповѣдывать евангеліе; ихъ двѣнадцать, для означенія колѣнъ Израильскихъ, которыхъ тоже двѣнадцать“.

²⁾ Во многихъ мѣстахъ своихъ посланій Игнатій отстраняетъ отъ себя апостольское достоинство, а это свидѣтельствуетъ, что и лицо, не принадлежавшее къ числу двѣнадцати, могло быть апостоломъ.

но едва ли здѣсь оно обстояло иначе, чѣмъ у Игнатія. Однако, община его усвоила ему имя „апостольскаго и пророческаго учителя (посл. Смирн. 16)“.

Представленный обзоръ древнѣйшаго употребленія слова „апостоль“ показываетъ, что сначала существовало двойкаго рода пониманіе его, но потомъ „узкое“ постепенно возобладало надъ „широкимъ“ ¹⁾.

II.

Необходимо еще одно предварительное изслѣдованіе прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ темѣ этой главы. Апостоловъ, пророковъ и учителей мы знаемъ, какъ христіанскихъ миссіонеровъ; спрашивается: нельзя ли эту тріаду объяснить изъ іудейства?

Всякая попытка вывести ихъ исключительно изъ іудейства имѣетъ свои границы уже въ томъ одномъ, что тамъ названныя три званія не составляютъ никакой тріады, между тѣмъ для христіанства именно и характерно это ихъ постоянное соупорядоченіе.

1. *Апостолъ* ²⁾. Іудейскихъ должностныхъ лицъ мы встрѣчаемъ съ этимъ именемъ въ первый разъ послѣ разрушенія Іерусалима и утвержденія палестинскаго патріархата: однако, было бы совсѣмъ невѣроятно думать, что ранѣе никакихъ апостоловъ не было; послѣ появленія христіанскихъ апостоловъ іудеи едва ли учредили бы должность съ такимъ же именемъ. Самое дѣло—уполномоченныя лица, собиравшія среди іудеевъ разсѣянна денежную подать на храмъ и поддерживавшія связь общинъ съ Іерусалимомъ—существовало и ранѣе, значить, а также и имя ³⁾. Противодѣйствіе христіанской миссіи, почти

¹⁾ Во второмъ вѣкѣ уже рѣдко можно встрѣтить, чтобы лицо, не названное въ Библии апостоломъ, обозначалось въ качествѣ апостола. Климентъ Алекс. такъ называетъ Климента Римскаго (Стром. IV, 17). Квадратъ при одномъ случаѣ также наименованъ апостоломъ.

²⁾ Извѣстно классическое (аттическое) очень ограниченное употребленіе слова (Herod. 1, 21, v. 38; Pausanias: ἀπόστολος—στρατηγός κατά ἀλόβην κερτορένης). У LXX слово встрѣчается только 1 Цар. 14, 6 (пророкъ Агій называется апостоломъ). Іустинъ долженъ былъ опираться на ἀποστέλλειν, чтобы доказать, что въ Ветхомъ Заветѣ пророки назывались апостолами (Разг., гл. 75)

³⁾ Могъ ли бы ап. Павелъ говорить въ посланіи Коринтіанамъ (II, 8, 23) и Филиппійцамъ (2, 25) объ апостолахъ, если бы тогдашнее іудейство совсѣмъ не имѣло апостоловъ?

систематически организованное въ Иерусалимѣ еще во времена ап. Павла, исходило, по свидѣтельству Іустина Философа, отъ первосвященниковъ и учителей (Разг. съ Триф. 17, 108, 117), пославшихъ во всю землю избранныхъ мужей (*ἀνδρας χειροτονήσαντες ἐκλεκτοος*), которые „повсюду должны были сообщить истинныя свѣдѣнія объ Іисусѣ, слѣдовательно, апостоловъ“¹⁾; иначе говоря, они довѣрили эту задачу „апостоламъ“, поддерживавшимъ общеніе Иерусалима съ общинами разсѣянія²⁾.

Что упомянутыхъ у Іустина избранныхъ мужей мы имѣемъ право отождествлять съ „апостолами“, въ этомъ помогаетъ намъ Евсевій (въ толк. на Ис. 18). Мѣсто это уже было приведено нами, но здѣсь не излишне вновь повторить его: „мы нашли въ древнихъ рукописяхъ, что живущіе въ Иерусалимѣ, іереи и пресвитеры народа іудейскаго, изготовивши грамоты, послали ихъ во всѣ народы, къ находящимся повсюду іудеямъ, оклеветывая ученіе Христово, какъ новую и чуждую Бога ересь, повелѣвая не принимать его..., разносчиками тѣхъ папирусныхъ (*βιβλίνας*) писемъ“³⁾ (были) *апостолы*... они обошли всю землю, разбрасывая клеветническое слово о Спасителѣ нашемъ; у іудеевъ и теперь (значить, это отнюдь не новое какое-либо учрежденіе) существуетъ обычай называть *апостолами* разносящихъ окружныя грамоты по начальникамъ ихъ“. По Евсевию, слѣдовательно, главной функціей іудейскихъ апостоловъ его времени была доставка окружныхъ письменныхъ извѣстій изъ центральнаго мѣста въ области іудейскаго разсѣянія. Не удивительно, если въ правовой книгѣ (*Codex Theod. XVI, 8, 14*) указана другая сторона ихъ дѣятельности: здѣсь говорится объ архисинагогахъ или пресвитерахъ іудеевъ и тѣхъ, которыхъ они сами называютъ апостолами и которые въ определенное время посылаются патриархами для взысканія золота

¹⁾ Слово: *χειροτονήσαντες* указываетъ на апостольство.

²⁾ См. объ этомъ Дѣян. 28, 21: „мы ни писемъ не получали о тебѣ изъ Іудей, ни изъ приходящихъ братьевъ никто не извѣстилъ о тебѣ“. Сюда же относятся упомянутыя во 2 Кор. 3, 1 „одобрительныя письма“.

³⁾ Относ. къ Ис. 18, 19: „второе у LXX читается такъ: *αποστέλλων ἐν θαλάσῃ ἄμηνα καὶ ἐπιστολάς βιβλίνας ἐπάνω τοῦ ὕδατος*, гдѣ Симмахъ вмѣсто *βιβλίνας* читаетъ *ἀπόστολος* Евсевій относитъ это мѣсто къ ложнымъ іудейскимъ апостоламъ, слова же: *πορεύονται γὰρ ἄγγελοι* къ истиннымъ апостоламъ.

или серебра. Эту же сторону, судя по связи рѣчи, отмѣчаетъ Юліанъ, когда онъ говоритъ: „о такъ называемомъ ; васъ апостольствѣ (ἀποστολή)“¹⁾. Иеронимъ свидѣтельствуетъ, что и „нынѣ патриархи іудеевъ посылаютъ апостоловъ“ (въ толк. на Гал. 1, 1). Несравненно больше мы узнаемъ отъ Епифанія: онъ (haer. 30, 4), рассказывая объ извѣстномъ Іосифѣ, пишетъ: „онъ былъ причисленъ у нихъ къ досточтимымъ мужамъ, то есть, послѣ патриарха такъ именуемымъ апостоламъ, которые неотступно пребываютъ при патриархѣ и часто вмѣстѣ съ патриархомъ проводятъ постоянно дни и ночи для совѣщаній и доклада ему, о чемъ нужно по закону“; и (въ гл. 11) „послѣ того, какъ Іосифъ сдѣлался апостоломъ, онъ отправляется съ посланіями въ Киликійскую землю; пришедши туда, въ каждомъ киликійскомъ городѣ съ состоящихъ въ вѣдомствѣ его іудеевъ потребовалъ десятины и начатки..., и такъ, какъ апостоль (ибо такъ у нихъ, по сказанному, называется это достоинство), будучи весьма строгъ въ установленіи благочестія и ведя себя чисто, *на то и посланный*, чтобы такъ дѣйствовать, многихъ людей худыхъ, но поставленныхъ архисинагогами, іереями, пресвитерами и азанитами низложивъ и лишивъ сана, ненавидимъ сталъ многими“.

Соединяя всѣ эти функціи іудейскихъ апостоловъ вмѣстѣ, получаемъ слѣдующее: 1) они были лица посвященныя и занимали высокое положеніе; 2) они посылались къ іудеямъ разсѣяннѣ и взыскивали съ нихъ подати для центральнаго мѣста; 3) они приносили съ собой окружныя письма, поддерживали связи съ центромъ, извѣщали о намѣреніяхъ центральной власти т. е. патриарховъ, отдавали приказанія касательно угрожающихъ опасностью движеній и распоряженія относительно борьбы съ ними; 4) въ областяхъ разсѣяннѣ они пользовались извѣстной дисциплинарной и распорядительной властью; 5) при возвращеніи въ отечество они составляли родъ совѣта при патриархахъ, надзиравашаго надъ исполненіемъ закона.

На основаніи этихъ данныхъ едва-ли можно отвергать всякую связь между христіанскими и іудейскими апостолами. Не

¹⁾ Hertlein. p. 513, ep. 25.

во враждѣ только находило себѣ выраженіе ихъ взаимное отношеніе ¹⁾, а напротивъ. институтъ іудейскихъ апостоловъ при всемъ его коренномъ различіи отъ христіанскихъ, заключалъ въ себѣ кое-что преобразовательное и для послѣднихъ. Но іудейское апостольство не было ли только финансовымъ учрежденіемъ? Однако, въ тотъ самый моментъ, когда первоапостолы признали Павла апостоломъ, они дали ему финансовое порученіе—собирать среди общинъ разсѣянія для іерусалимской общины! Извѣстно, какое значеніе придавалъ этой сторонѣ своей дѣятельности ап. Павелъ, она составляла собой главный предметъ его непреставной заботы, хотя и послужила причиной многихъ затрудненій. Само по себѣ не легко понять, какимъ образомъ первоапостолы тотчасъ же поручили ему эту задачу, и ап. Павелъ спокойно принялъ ее. Но все это становится вполнѣ понятнымъ, если допустить, что іерусалимская община вмѣстѣ съ первоапостолами разсматривала сама себя, какъ христіанскій центръ и какъ представительница истиннаго Израиля, а потому и на признаваемыхъ ею апостоловъ возлагала требованіе, подобное тому, какое выполняли іудейскіе апостолы, т. е. собирать подать въ областяхъ разсѣянія. Такимъ образомъ, сродство іудейскихъ и христіанскихъ апостоловъ по крайней мѣрѣ въ этомъ пунктѣ несомнѣнно ²⁾.

2. *Пророки.* Общераспространенное мнѣніе, что пророки ко времени Иисуса Христа и апостоловъ давно уже вымерли въ іудействѣ, опровергается прежде всего Новымъ Завѣтомъ. Достаточно вспомнить здѣсь объ Іоаннѣ Крестителѣ, который, несомнѣнно, былъ пророкомъ и такъ назывался, о пророчицѣ Аннѣ (Лук. 2, 36), о пророкѣ Варисусѣ при киирскомъ про-

¹⁾ Не былъ ли самъ Павелъ іудейскимъ апостоломъ, пока онъ не сдѣлался христіаниномъ? Онъ носилъ письма къ іудеямъ разсѣянія и былъ уполномоченъ со стороны первосвященника и синедріона извѣстной дисциплинарной властью. См. Дѣян. 8, 2; 22, 4 сл.; 26, 10 сл. Эти указанія заслуживали бы особаго вниманія.

²⁾ Владѣли ли ученики Іоанна Крестителя (тѣсный кругъ учениковъ, отличавшійся постами и усиленными молитвами) апостолами, неизвѣстно; несомнѣнно только, что и они имѣли послѣдователей среди іудеевъ разсѣянія (въ Александріи, Дѣян. 18, 24; въ Ефесѣ Дѣян. 19, 1 сл.). Аполлосъ сначала былъ, повидному, призваннымъ миссіонеромъ движенія, поднятаго Іоанномъ Крестителемъ, но свѣдѣнія Дѣлній по этому вопросу очень скудны.

консулъ (Дѣян. 13, 7) и о предупрежденіяхъ противъ ложныхъ пророковъ ¹⁾. Объ ессеяхъ, далѣе, извѣстно, что они обладали даромъ пророчества ²⁾; Ѳевда говорилъ о себѣ, что онъ пророкъ ³⁾; Іосифъ, исторіографъ, форменно и съ удачей разыгрываетъ предъ Веспасіаномъ роль пророка ⁴⁾. Филонъ называетъ себя пророкомъ; мы знаемъ о толкователяхъ сновъ и магахъ—пророкахъ среди іудейства разсѣянія ⁵⁾. Но что всего сильнѣе свидѣтельствуется за фактъ существованія пророчества, это обиліе іудейскихъ апокалипсисовъ, оракульскихъ изреченій и подобныхъ тому произведеній, падающихъ на это время. Эта литература наглядно показываетъ, что пророчество было далеко отъ того, чтобы стать выморочнымъ, напротивъ, находилось въ роскошномъ цвѣтѣ, что пророки были многочисленны и имѣли своихъ приверженцевъ и читателей. Для очень многихъ людей въ іудействѣ не было ничего удивительнаго въ томъ, если выступалъ пророкъ: Іоаннъ Креститель и Іисусъ Христосъ безъ всякихъ недоумѣній были привѣтствованы, какъ пророки. Извѣстно, что іудеи ожидали предстоящаго возвращенія древнихъ пророковъ ⁶⁾. Такимъ образомъ христіанское пророчество, какъ оно проявилось въ началѣ, формально разсматриваемое, не представляло собой ничего новаго, было явленіемъ, просто соупорядоченнымъ, подобнымъ и одновременнымъ явленіямъ въ іудействѣ. Также и высокое уваженіе къ пророкамъ тамъ и здѣсь было дѣломъ самопонятнымъ;

1) Мѡ. 7, 15; 24, 11, 25; Мр. 13, 22; 1 Іоан. 4, 2; 2 Пет. 2, 1.

2) Iosephus, Bellum, 1, 3, 5; II, 7, 3; II, 8, 12; Antiq. XIII, 11, 2; XV, 10, 5; XVII, 3, 3.

3) Ioseph Antiq. XX, 5, 1.

4) Bellum, III, 8, 9 ср. Suet., Vespas. 5 и Dio Cassius, LXVI, 1.

5) Ср. Адрианъ, ep. ad Servian. (Vopisc., Saturr. 8).

6) Правильно только то, что саддукеи ничего не хотѣли знать о пророкахъ и, оставаясь строгими блюстителями закона, не терпѣли ничего рядомъ съ закономъ. Понятно, что и священники и ихъ партія не придавали значенія пророкамъ. Полуофициальное ученіе утверждало, что пророки прекратились. Книга Даніила не была сопричислена къ пророкамъ, и тѣмъ болѣе позднѣйшіе апокалипсисы. „Преемство пророковъ“ прервалось, заявляетъ Іосифъ, воспроизводя, очевидно, общераспространенное мнѣніе (С. Apion, ср. Euseb. II. E. III, 10): „описаны также происшествія, случившіяся между временемъ Артаксеркса и нашимъ, но эти описанія не заслуживаютъ такой вѣры, какъ прежнія, потому что точнаго преемства пророковъ въ этомъ періодѣ не было“.

они—голосъ Божій; коль скоро они признаны за истинныхъ пророковъ, авторитетъ ихъ проповѣди и наставленій получалъ безусловный характеръ.

3. *Учителя.* Какимъ значеніемъ пользовались знатоки Библии и учителя въ іудейскомъ народѣ, а особенно въ Палестинѣ, это общеизвѣстно, и здѣсь напрасно было бы тратить еще хотя бы то одно слово; но важно указать на авторитетъ іудейскихъ учителей, чтобы исторически объяснить то уваженіе, какого требовали и какое наследовали христіанскіе дидаскалы. „Со стороны своихъ учениковъ раввины требовали безусловнаго почтенія, такого, какое должно отдавать отцу и матери“. „Честь твоего друга находить границу въ уваженіи предъ твоимъ учителемъ, и уваженіе предъ твоимъ учителемъ въ благоговѣніи предъ Богомъ“. „Почтительность въ отношеніи къ учителю превосходитъ почтительность въ отношеніи къ отцу, потому что сынъ и отецъ оба обязаны воздавать почтеніе учителю“. „Если отецъ и учитель потеряютъ кого либо, то потеря учителя превосходитъ потерю отца, потому что отецъ принесъ его только въ этотъ міръ, учитель же, сообщившій ему мудрость, возвелъ его къ жизни въ будущемъ мірѣ. Постигнетъ какое либо несчастіе отца и учителя, должно сначала помочь учителю, а потомъ отцу. Если отецъ и учитель попадутъ въ плѣнъ, то должно сначала выкупить учителя“. Раввины вообще вездѣ и во всемъ высказывали притязаніе на первое мѣсто. „Они любятъ предвозлежанія на пиршествахъ и предсѣданія въ синагогахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, чтобы люди называли ихъ: учитель, учитель!“ (Мѡ. 23, 6). Также и одежду они носили особенную ¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣ три элемента христіанской тріады—апостолы, пророки и учителя—существовали въ тогдашнемъ іудействѣ, и каждое изъ этихъ званій пользовалось высокимъ уваженіемъ, но соупорядочены они не были. Соупорядоченіе и особенное развитіе апостолата составляетъ дѣло, исключительно принадлежавшее христіанской общинѣ.

¹⁾ Schürer, Gesch. d. jud. Volk. II, 3 Aufl., S. 317 сл.

III.

Свое изслѣдованіе мы начнемъ съ „Ученія двѣнадцати апостоловъ“.

Въ 4-й главѣ „Ученія“, гдѣ авторъ излагаетъ главныя обязанности христіанъ, какъ членовъ особаго общества, въ качествѣ первой заповѣди онъ предлагаетъ слѣдующее увѣщаніе: „чадо мое, днемъ и ночью поминай проповѣдующаго тебѣ слово Божіе, и почитай его, какъ Господа, потому что, гдѣ возвѣщается господство, тамъ есть Господь“¹⁾. Вся книга,—и именно сказанное въ 15 гл. о епископахъ и діаконахъ,—показываетъ, что авторъ зналъ только одинъ классъ лицъ, почитаемыхъ въ общинѣ,—тѣхъ, которые возвѣщали слово Божіе и въ своей особенноти выступали, какъ *ministri evangelii*²⁾.

Кто же были эти „проповѣдующіе слово Божіе“? Не постоянные, избираемые общиной должностныя лица ея, а свободные учителя, опирающіеся на Божественное уполномочіе или харизму. Они различались какъ апостолы, пророки, учителя. Въ вѣкъ автора „Ученія“ и для того круга общинъ, какой онъ зналъ, эти проповѣдники являлись прежде всего призванными свыше миссіонерами евангелія и затѣмъ носителями назиданія и духовной опорой религіозно-нравственной жизни общинъ³⁾.

1. Они не избирались общиной; только въ отношеніи къ епископамъ и діаконамъ сказано: „поставляйте себѣ епископовъ и діаконъ“ (15, 1), о проповѣдникахъ же Апостоль говоритъ (1 Кор. 12, 28): „однихъ Богъ поставилъ въ церкви, во-первыхъ, апостолами, во вторыхъ, пророками, въ-третьихъ,

1) Ср. уваженіе, какимъ пользовался учитель среди іудеевъ. Варнава пишетъ (гл 19): „всякаго, говорящаго тебѣ слово Господне, люби, какъ зѣвицу ока, вспоманай о немъ днемъ и ночью“.

2) Также въ посланіи къ Евреямъ (13, 7) «ἡγορευτοί» характеризуются ближайшимъ опредѣленіемъ «которые проповѣдовали вамъ слово Божіе». Выраженіе «ἡγορευτοί», «προφητεύοντες» (Евр. 13, 17),—особенно употребительное въ римской общинѣ,—въ древнѣйшее время не имѣло технического смысла; поэтому въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ трудно установить, кого должно разумѣть подъ ними,—учителей или апостоловъ.

3) Вторую линію (гл. 15) образуютъ епископы и діаконы, словомъ, назидующіе общину вмѣсто пророковъ и учителей.

учителями (ср. Ефес. 4, 11: „Онъ (Богъ) поставилъ однихъ апостолами, другихъ вѣроучителями, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями“). Какъ надо понимать это божественное поставленіе касательно апостоловъ, ясное представленіе объ этомъ даетъ одинъ фактъ, сообщаемый въ книгѣ дѣяній (13 гл.). Здѣсь разсказывается, что находившіеся въ антиохійской общинѣ пророки и учителя (Варнава, Симеонъ, Луцій, Монаилъ и Савлъ) послѣ молитвы и поста получили повелѣніе *отъ Святаго Духа* послать Варнаву и Савла въ качествѣ миссіонеровъ, т. е. какъ апостоловъ. Есть основанія думать, что и въ другихъ случаяхъ апостолы получали свое призваніе такимъ же чрезвычайнымъ образомъ ¹⁾. Пророки находили свое оправданіе въ возвѣщеніяхъ, предлагаемыхъ ими, какъ откровенія Святаго Духа, коль скоро эти возвѣщенія проявляли себя въ полнотѣ силы и духа. Что касается до учителей, то нельзя съ точностью опредѣлить, на что опиралось признаніе ихъ въ качествѣ харизматическихъ проповѣдниковъ. Но здѣсь въ некоторое указаніе даетъ, повидимому, посланіе ап. Іакова. Въ немъ (3, 1) говорится: „не многіе дѣлайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большому осужденію“. Отсюда слѣдуетъ, что стать учителемъ было дѣломъ личнаго рѣшенія,—конечно, основывавшагося на харизмѣ, обладателемъ которой признавалъ себя учитель. Подобно апостоламъ и пророкамъ, учитель также считался лицомъ, получившимъ особое духовное дарованіе къ своему призванію ²⁾; истинный-ли онъ учитель (13, 3)—испытывать это общины имѣли право, равно и устанавливать дѣйствительность пророка (11, 11; 13, 1). Но при этомъ они констатировали только наличность божественнаго призванія, но ни въ какомъ, даже самомъ отдален-

¹⁾ Тимоей въ посланіи къ нему называется „евангелистомъ“, т. е. апостоломъ второго ранга, но также носителемъ харизматической должности. Поэтому говорится: „преподаю тебѣ, сынъ мой Тимоей, сообразно съ бывшими о тебѣ пророчествами (1 Тим. 1, 18)“ и 4, 14 „не неради о пребывающемъ въ тебѣ дарованіи (χαρίσματος), которое дано тебѣ по пророчеству“.

²⁾ Объ этомъ отчасти можно заключать изъ 1 Кор. 14, 26, гдѣ „ученіе“ стоитъ рядомъ съ „откровеніемъ“; вполне же ясно это изъ свидѣтельства книги „Пастырь“, гдѣ, во-первыхъ, „апостолы“ и „учителя“ поставлены рядомъ, во-вторыхъ, въ Подоб. IX, 25 замѣчено о нихъ: „учили свято и чисто слову Господню... какъ приияли Святаго Духа“.

вѣйшемъ смыслѣ не препоручали имъ самой должности; хотя, съ другой стороны, исключительная особенность задачъ, выполняемыхъ апостолами и пророками, создавала естественныя границы съ цѣлью воспрепятствовать внѣдренію въ дѣло мисіонерства и проповѣди непризванныхъ къ тому лицъ.

2. Различеніе „апостоловъ, пророковъ и учителей“ существовало изначала и съ древнѣйшаго времени было всеобще принято въ церкви. Авторъ „Ученія“ предполагаетъ, что апостолы, пророки и учителя были извѣстны всѣмъ общинамъ. Въ гл. 11, онъ упоминаетъ отдѣльно о пророкахъ, въ гл. 12, 3 сл. называетъ апостоловъ и пророковъ, въ гл. 13, 1. 2 и 15, 1. 2 вмѣстѣ пророковъ и учителей (ни разу апостоловъ и учителей подрядъ,—иначе у Ерма). Отсюда слѣдуетъ, что координація „апостоль, пророкъ, учитель“ имѣетъ у него свой смыслъ, и что съ одной точки зрѣнія пророки составляютъ одну категорію съ апостолами, съ другой они ближе стоятъ къ учителямъ. Координація, данная ап. Павломъ (1 Кор. 12, 28), тождественна съ ней, а это показываетъ, что происхожденіе ея съ несомнѣнностью можно относить къ пятидесятымъ годамъ перваго вѣка и даже къ болѣе раннему времени, потому что, когда ап. Павелъ говоритъ: „ихъ Богъ поставилъ въ церкви, во-первыхъ, апостоловъ и т. д.“, то онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду учрежденіе, существовавшее не только въ іудео-христіанскихъ общинахъ, основанныхъ безъ его содѣйствія, но и въ общинахъ Греціи и Малой Азіи. Этотъ тезисъ подтверждается и свидѣтельствомъ Дѣян. 11, 27; 15, 22. 32 и 13, 1 сл. Въ первомъ мѣстѣ мы читаемъ о *пророкахъ* переселившихся изъ *іерусалимской* общины въ *антиохійскую* ¹⁾; изъ третьяго узнаемъ, что пять мужей, называвшихся *пророками* и *учителями*, занимали въ общинѣ особое положеніе и по внушенію Святаго Духа отдѣлили изъ своей среды двоихъ въ *качествѣ* апостоловъ ²⁾. Значитъ, апостольское достоинство

¹⁾ Одинъ изъ нихъ, Агавъ, пятнадцать лѣтъ позднеѣ находился въ Іудеѣ, потомъ путешествовалъ въ Кесарію навстрѣчу ап. Павлу, чтобы сообщить ему пророческое откровеніе (Дѣян. 21, 10).

²⁾ По употребленнымъ въ этомъ мѣстѣ частицамъ вѣроятно, что Варнава, Симеонъ и Луцій были пророками, Мананлъ и Савлъ—учителями. Значитъ, про-

приобрѣталось не только по зову пророковъ и учителей, но для него требовалось еще особое указаніе Духа. Такимъ образомъ, изъ показаній Дѣян. 13, 1 съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что координація „апостоль“, „пророкъ“ и „учитель“ существовала уже въ древнѣйшей христіанской общинѣ изъ язычниковъ, въ то время, когда отъ обращенія ап. Павла прошло не болѣе, какъ одно десятилѣтіе.

Между событіями, рассказанными въ книгѣ Дѣяній и окончательной редакціей „Ученія“ прошло около столѣтія. Въ посредствующихъ членахъ недостатка нѣтъ. Мы знаемъ раннѣйшее свидѣтельство 1-го посланія къ Коринѳянамъ (12, 28) ¹⁾; затѣмъ, мы владѣемъ двумя сообщеніями, именно въ посланіи къ Ефесѳянамъ и въ Пастырѣ Ермы. Оба послѣднія сообщенія не имѣютъ слишкомъ большой важности, такъ какъ они уже не полно излагаютъ древній порядокъ „проповѣдовавшихъ слово Божіе“, но они интересны, какъ показатели начавшихся переменъ въ организаціи, возросшей на другихъ основаніяхъ.

Какъ Ученіе (11, 3), такъ и посланіе къ Ефесѳянамъ (2, 20 и 3, 5) называютъ вмѣстѣ апостоловъ и пророковъ и приписываютъ имъ высокій рангъ. Всѣ вѣрующіе, говорится въ посланіи, утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, которымъ впервые открыта была тайна, что и язычники составляютъ сонаслѣдниковъ обѣтованія Христова. Что въ данномъ мѣстѣ разумѣются не ветхозавѣтные пророки, а евангель-

рокъ и учитель послали апостола. Варнава, какъ старѣйшій, занимаетъ первое мѣсто (Пророческій даръ Варнавы явствуетъ уже изъ его имени; Варнава значитъ сынъ утѣшенія (Дѣян. 4, 36), а въ 1 Кор. 14, 3 сказано: „пророчествующій людямъ говорить утѣшеніе“).

1) Здѣсь заслуживаетъ вниманія то наблюденіе, что ап. Павелъ, по исчисленіи апостоловъ, пророковъ и учителей, не раздѣляетъ по категоріямъ другихъ харизматически одаренныхъ лицъ, но называетъ только харизмы; далѣе, внутри послѣднихъ харизмъ онъ не дѣлаетъ различій по рангу, но посредствомъ двойного $\epsilon\lambda\epsilon\iota\tau\alpha$ ставитъ ихъ въ одинъ порядокъ, между тѣмъ какъ апостоловъ, пророковъ и учителей онъ раздѣляетъ по категоріямъ: во-первыхъ, во-вторыхъ, въ-третьихъ. Откуда видно, что только апостолатъ, пророчество и учительство принадлежали къ высшимъ званіямъ въ церкви, тогда какъ „силы, исцѣленія, чудотворенія“ не создавали для носителей этихъ даровъ никакого особаго положенія въ общинѣ, Значитъ, и по ап. Павлу проповѣданіе слова Божія было первымъ и важнѣйшимъ дѣломъ въ церкви Божіей. Взглядъ автора „Ученія“ вполне совпадаетъ съ нимъ.

скіе, это видно изъ контекста, ставящаго на первый планъ апостоловъ. Глава 4, 11 даетъ перечисленіе, въ которомъ, правда, прежній порядокъ „апостолы, пророки и учителя“ сохранился, но такъ, что послѣ пророковъ вставлены „евангелисты“ и къ учителямъ присоединены „пастыри“. Изъ этихъ вставокъ слѣдуетъ, во-первыхъ, что ап. Павелъ во время написанія посланія къ Ефесянамъ зналъ миссіонеровъ, которые не владѣли апостольскимъ достоинствомъ ¹⁾, что онъ приводитъ ихъ не сразу послѣ апостоловъ, такъ что діада „апостолы и пророки“ остается неприкосновенной; во-вторыхъ, что руководители отдѣльныхъ общинъ („пастыри“) вступили въ рядъ дарованныхъ всей церкви проповѣдниковъ; въ-третьихъ, что онъ понимаетъ учителей, какъ лицъ, принадлежащихъ къ определенной церкви, о чемъ свидѣлствуетъ тѣсная связь, въ какой они поставлены съ пастырями. Различіе между авторомъ посланія къ Ефесянамъ и авторомъ „Ученія“, однако, не такъ значительно, какъ это кажется на первый взглядъ, если припомнить, что и этотъ послѣдній, „епископъ (= пастырей)“ отдѣльныхъ общинъ поставляетъ рядомъ съ учителями и требуетъ воздавать имъ одинаковую честь (15, 1. 2) и что, далѣе, онъ постоянное пребываніе учителей въ отдѣльной общинѣ рассматриваетъ, какъ нѣчто цѣлесообразное, дѣлая его предметомъ особаго распоряженія (13, 2). Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что порядокъ „Ученія“ стоитъ ближе къ предложенному ап. Павломъ въ посланіи къ Коринтянамъ, чѣмъ къ тому, какой раскрытъ въ посланіи къ Ефесянамъ, но при всемъ томъ было бы поспѣшно на основаніи этого наблюденія заключать, что „Ученіе“ старше посланія къ Ефесянамъ. Мы уже видѣли, что съ самаго ранняго времени существовало двойное пониманіе апостолата: узкое и тѣсное, что широкое не вдругъ было устранено узкимъ и продолжало жить рядомъ съ нимъ; съ другой стороны, слѣдуетъ вспомнить, что, по свидѣтельству Дѣян. 13, 1; 11, 27; 21, 10 и др., пророки и въ особенности учителя, хотя они и должны были служить своими

¹⁾ Выше мы пытались объяснить, почему именно въ посланіи къ Ефесянамъ впервые употреблено слово «евангелисты».

дарами всей церкви, уже въ древнѣйшую эпоху иногда оставались на болѣе или менѣе продолжительное время въ одной общинѣ, считаясь какъ бы постоянными ея членами. Въ этомъ своемъ положеніи они очень рано должны были распространиться повсюду, безъ вреда къ общему ихъ назначенію, какъ учителей, подаренныхъ всей церкви.

Что касается до „Пастыря“ Ерма, то здѣсь поражаетъ прежде всего то наблюденіе, что какъ ни часто онъ перечисляетъ въ своей книгѣ классы проповѣдниковъ и пастырей, онъ нигдѣ не называетъ пророковъ ¹⁾, между тѣмъ „апостолы и учителя“ всегда встрѣчаются у него вмѣстѣ и въ одномъ порядкѣ ²⁾. Такъ какъ самъ Ермъ повсюду выступаетъ, какъ пророкъ, такъ какъ его книга заключаетъ въ себѣ обширный отдѣлъ (запов. XI), въ которомъ идетъ пространная рѣчь о ложныхъ и истинныхъ пророкахъ, такъ какъ, наконецъ, дѣятельность истиннаго пророка и ея универсальный характеръ нигдѣ такъ ярко не обрисованы, какъ въ „Пастырѣ“, то забвеніе о пророкахъ въ „іерархіи“ Пастыря можетъ быть понятно, только какъ намѣренное. *Ермъ проходитъ молчаніемъ пророковъ, потому что онъ самъ причислялъ себя къ нимъ.* Но если это несомнѣнно, — а возразить что-нибудь противъ трудно, — то мы имѣемъ право вездѣ, гдѣ онъ называетъ „апостоловъ и учителей“, подставлять „пророковъ“ и Ерма считать свидѣтелемъ за существованіе въ его время тріады: „апостоловъ, пророковъ и учителей“. Въ такомъ случаѣ устройство христіанскихъ общинъ, описываемое Ермомъ въ девятомъ подобіи, является точной параллелью къ тому изображенію, какое предлагаетъ авторъ „Ученія“. Апостолы (пророки) и учителя — это поставленные отъ Бога проповѣдники, руководящіе духовною жизнію христіанскихъ общинъ, и къ нимъ присоединяются (гл. 25—27) епископы и діаконъ. Въ „видѣніи III, 5“ авторъ измѣняетъ этотъ порядокъ; онъ пишетъ: „камни квадратные и бѣлые, хо-

¹⁾ Подоб. IX, 15 разумѣются ветхозавѣтные пророки.

²⁾ Ibid.: «апостолы и учителя благовѣстія Сына Божія»; 16: «апостолы и учителя, возвѣстившіе имя Сына Божія»; 25: «апостолы и учителя проповѣдовавшіе по всему міру и учившіе свято и чисто слову Господню».

ропо прилаживающіеся своими снайками суть апостолы (пророки), епископы, учителя и діаконъ, которые ходили въ святомъ ученіи Божіемъ, учили и свято и непорочно служили избраннымъ Божіимъ, какъ почившіе, такъ и живущіе еще доселѣ“. Также и авторъ „Ученія“ къ апостоламъ, пророкамъ и учителямъ сопрячисляетъ епископовъ и діаконъ; различіе состоитъ въ томъ, что Ермъ,—согласно съ посл. къ Ефесянамъ,—епископовъ предпоставляетъ учителямъ,—на какомъ основаніи, неизвѣстно; мы можемъ только констатировать, что также и здѣсь первоначальная фактическая организація христіанскихъ общинъ начала подвергаться измѣненію со стороны общаго строя всей церкви, о чемъ сообщаютъ Ермъ и авторъ „Ученія“.

Итакъ, книга Дѣяній, ап. Павелъ, Ермъ и авторъ „Ученія“ единогласно свидѣтельствуютъ, что въ древнѣйшихъ христіанскихъ общинахъ „учащіе слову Божію“ занимали высшее мѣсто и что они распались на апостоловъ, пророковъ и учителей. Эти источники показываютъ также и то, что апостолы, пророки и учителя не были должностными лицами, поставляемыми общиной, но почитались, какъ проповѣдники, поставленные Богомъ и подаренные всей церкви. Значитъ, старое представленіе о томъ, что проповѣдники избирались самими общинами столь же неправильно, какъ и мысль о томъ, что они получали свою „должность“ при помощи какого-либо человѣческаго посредства. Но надо еще глубже всмотрѣться въ особенное положеніе этихъ дарованныхъ всей церкви проповѣдниковъ слова Божія, чтобы понять ихъ значеніе для тогдашняго христіанства. Въ вселенскомъ учительствѣ раздробленныя по огромному пространству христіанскія общины имѣли единственную прочную связь и основу союза. Эти апостолы и пророки, переходившіе съ мѣста на мѣсто и вездѣ принимаемые съ глубокимъ почетомъ,—и они только могутъ намъ объяснить, почему развитіе общинъ въ различныхъ провинціяхъ, несмотря на мѣстныя особенности условій, все-таки въ своемъ процессѣ обнаруживаютъ извѣстную мѣру однообразія.

Что касается до происхожденія тріады, то, какъ мы уже замѣтили, отдѣльные элементы ея существовали въ іудействѣ.

но соупорядоченіе ихъ необъяснимо изъ іудейства. Можно было бы допустить, что она получила свое начало отъ Самого Іисуса Христа: по разсказу евангелій... Онъ посылалъ миссіонеровъ (апостоловъ) и о пророкахъ, проповѣдовавшихъ во имя Его, упоминается у Мѣ. 10, 41. Но въ другомъ мѣстѣ Онъ же Самъ ясно запретилъ Своимъ ученикамъ именоваться „учителями“. Вѣрнѣе думать, что триада и значеніе ея были поняты впервые въ іерусалимской общинѣ подъ вліяніемъ „Духа“, сошедшаго на нее. Точныхъ свѣдѣній объ этомъ, впрочемъ, не имѣется, и дѣйствительное происхожденіе этой влохновленной триады остается такъ же темнымъ, какъ и происхожденіе другой триады: епископовъ, пресвитеровъ и діаконъ.

Проф. Ан. Спасскій.

(Оковчаніе будетъ).

Какъ намъ быть въ переживаемое нами тяжелое переходное время.

„Наиболѣе разумное направленіе предстоящихъ реформъ находится въ полномъ согласіи съ религіознымъ сознаніемъ и съ заветами Спасителя міра“.

По нашему глубокому убѣжденію, въ настоящее время мы живемъ въ великомъ періодѣ нашей исторической жизни. Дарованная намъ реформа Государственной жизни по манифесту 17 октября настолько существенно важна и капитальна, что не можетъ быть рѣчи о другихъ какихъ-либо реформахъ въ томъ же направленіи: намъ дарована свобода, какой мы никогда не имѣли прежде, а въ то же время намъ предоставлено или, быть можетъ привильнѣе—намъ вмѣнено въ обязанность быть несравненно болѣе активными въ достиженіи блага нашего личнаго и блага государства, чѣмъ это допускалось до сихъ поръ. Слѣдовательно, теперь за нами очередь, обнаружить себя какъ можно болѣе дѣятельными, чтобы оказаться на высотѣ предстоящаго великаго дѣла. А для этого мы обязаны прежде всего реформировать сами себя ради устройства родины, и потомъ уже самымъ серьезнымъ образомъ задуматься о предстоящую намъ работу и внести въ наши сужденія не только определенность и ясность, но и увѣренность въ томъ, что сужденія эти, дѣйствительно, будутъ правильны.

Въ чемъ же должна заключаться наша личная реформа? Конечно *въ самоопредѣленіи, самосознаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самоусовершенствованіи, т. е. въ самовозрожденіи.* Подъ самоопредѣленіемъ и самосознаніемъ мы не понимаемъ только опредѣленіе принадлежности каждаго изъ насъ къ той или другой партіи: такое опредѣленіе слишкомъ второстепенное дѣло, да и партіи различнаго рода, какъ мы полагаемъ, представляютъ скорѣе средства, а не цѣль, не сущность самаго дѣла; и борьба партій, партійность, будучи неизбѣжнымъ зломъ какъ и всякая борьба и война, можетъ повести къ бѣдствіямъ всякаго рода, особенно при возбужденномъ состояніи людей, какъ это легко можетъ быть въ настоящее время. Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ „нѣчто“ болѣе важное, такое „нѣчто“, съ чѣмъ, казалось бы, должны согласиться всѣ партіи при хладнокровномъ обсужденіи дѣла „по существу“ и „по Божески“. Мы имѣемъ въ виду основу дѣятельности каждаго человѣка или побудительную причину всѣхъ его поступковъ, а именно—*религіозно-нравственную сторону* *человѣка*, заставляющую его такъ, а не иначе относиться ко всему окружающему. Говорятъ, прогрессъ надвигается, какъ новая могущественная сила, и это прогрессивное движеніе общества будто бы несовмѣстимо уже съ прежнею религіозностью и съ вѣрою въ Бога. Конечно, это глубокая ложь или глубокое заблужденіе даже тогда, когда имѣютъ въ виду исключительно внѣшнюю или обрядовую сторону религіи, а не самую сущность ея, когда только формѣ ея придаютъ первенствующее и рѣшающее значеніе. Но вѣдь основа, сущность религіозныхъ началъ, напротивъ, есть отличительное общечеловѣческое свойство людей, и оно—то побуждаетъ ихъ къ развитію присущихъ имъ личныхъ талантовъ и къ личному совершенству, къ разъясненію окружающихъ явленій и внутреннихъ качествъ человѣка, хотя бы ради полученныхъ выводовъ на пользу ближнихъ и нуждающихся. Кромѣ того, общехристіанскія истины, напримѣръ, любовь къ ближнимъ и многія другія настолько плодотворны въ жизни, что ни геніальные умы, ни науки ничего не могутъ возразить противъ нихъ, не вда-

ваясь въ нищепанство или не подчиняясь животному закону борьбы за существованіе. Мало того, сущность основныхъ началъ христіанской морали такъ велика, что можно полагать, въ прежнія времена, времена рабства и пр. не было полной возможности всецѣло осуществить это ученіе, а поэтому старались замѣнить его въ нѣкоторыхъ церковныхъ обществахъ различнаго рода обрядностью и внѣшнимъ культомъ богопочитанія; быть можетъ, именно въ виду этого сложилась и обособленность съ теченіемъ времени многихъ христіанскихъ обществъ. Мы предполагаемъ, что въ самое послѣднее время во многихъ христіанскихъ обществахъ наибольшее значеніе придаютъ внѣшностямъ и обрядамъ, которыми главнымъ образомъ и отличаются вѣроисповѣданія между собою, тогда какъ всегда одинаковая сущность христіанскихъ религій, какъ истина, не требующая доказательствъ, отодвигается какъ-бы на второстепенное мѣсто. Мы признаемъ внѣшній культъ, обряды, обычаи существенно необходимыми въ христіанскихъ обществахъ, но думаемъ, что сами по себѣ они не должны вызывать и поддерживать рознь среди христіанъ различныхъ вѣроисповѣданій.

Необходимо считать за аксіому, что благоустроенное общество и государство всегда состоитъ изъ хорошихъ и религіозныхъ людей и что глубокое нравственное совершенство отдѣльныхъ лицъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ религіозно-нравственныхъ основъ. Съ другой стороны, конечно, религіозно-нравственное чувство рѣшительно не совмѣстимо ни съ отсутствіемъ благоповеденія, ни съ завѣдомою несправедливостью, ни съ крайней самоувѣренностью, ни съ грубостію, дерзостію и т. п. Если уже у людей, лишенныхъ христіанскихъ чувствъ, и не доходитъ дѣло до обнаруживанія подобныхъ крайностей, благодаря воспитанію или врожденному чувству мѣры, то все таки такіе люди, нѣтъ сомнѣнія, обречены на жалкое существованіе: они, какъ и всѣ безрелигіозные люди, или ко всему равнодушны, индифферентны, или не довольны и собою и всѣмъ окружающимъ, за исключеніемъ тѣхъ минутъ, когда они по времени прибѣгаютъ къ такимъ пріемамъ,

которые временно ихъ обольщаютъ, напримѣръ, къ самопоклоненію или къ поклоненію другимъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ считать, что религіозное сознаніе составляетъ вполне нормальное, можно сказать, естественное и важнѣйшее свойство человѣка въ его внутренней, душевной жизни, какъ питаніе, сонъ, мышечная работа и пр. въ его внѣшней, физической жизни. Неудовлетвореніе этой внутренней стороны человѣческаго существованія весьма вредно для души человѣка: это неудовлетвореніе лишаетъ человѣка нормальнаго, болѣе или менѣе радостнаго настроенія, тогда какъ удовлетворенность въ этомъ отношеніи создаетъ чувство жизнерадостности и своего рода довольства, съ которыми всѣ жизненныя отправленія пріобрѣтаютъ большую цѣнность, крѣпость и устойчивость. Кромѣ того, при нихъ повышается чувство личнаго достоинства, такъ какъ *истинное достоинство человека* сказывается отнюдь не дерзостью, грубостью или, какъ говорятъ, „зубастостью“ и ловкимъ „отдѣльваніемъ“ на словахъ въ случаяхъ, когда дѣйствительно или мнимо задѣто бываетъ самолюбіе и достоинство человѣка, какъ это, къ сожалѣнію, и понимается многими; но истинное достоинство человека, само собою разумѣется, *сказывается добротой, рассудительностью и справедливостью, а также нагляднымъ проведеніемъ въ жизнь свѣта христіанской жизни.* „Подобно тому, какъ факелы и фейфѣрки блѣднѣютъ“, говоря словами *Шопенгауера*, „и дѣлаются невидимыми при свѣтѣ солнца, такъ и умъ, даже гепій, а равно и красота блекнутъ и затмѣваются предъ сердечной добротой“. Въ нашемъ сердцѣ, въ его добротѣ невидимо для глазъ, но ясно понимаемымъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, начертано сознаніе чего то высокаго, прекраснаго для насъ, всегда привлекающаго къ себѣ, сознаніе бытія Бога, Бога любви, милосердія, всепрощенія, какъ это всегда понималъ нашъ смиренный, покорный судьбѣ и могучій русскій народъ, жалѣющій даже преступниковъ, которые пали настолько, что допустили себя совершить злое дѣло. Вотъ первый плодъ христіанской религіозности.

Глубоко религіозные люди вмѣстѣ съ тѣмъ люди честные.

и трезвые, люди порядка, мысли и труда, словомъ это—*счастливые люди*, и счастье ихъ прочно; оно основывается на ихъ внутреннемъ и въ возможной степени внѣшнемъ благополучіи: внутреннее благополучіе это—религіозно-нравственное настроеніе и сознаніе удовлетворенности въ дѣлѣ этого настроенія, внѣшнее—это постоянный трудъ въ различныхъ его формахъ и трудъ прежде всего на пользу ближнихъ и потомъ на пользу свою и своей семьи.—*Давно признано и исторія показываетъ намъ, что великія общественныя преобразованія всегда были и будутъ слѣдствіемъ подъема религіозныхъ движеній и побужденій.*

Итакъ, если въ настоящее время требуется пробужденіе національной инициативы и національнаго творчества съ цѣлью создавія вѣчнаго порядка и водворенія справедливости въ видахъ внутренняго обновленія нашей родины и личнаго ея благосостоянія и производительности, то, какъ мы убѣждены, всего этого возможно достигнуть главнымъ образомъ путемъ рѣшительнаго и высокаго *подъема религіознаго сознанія* и, конечно, вслѣдствіе этого такого же *подъема умственныхъ и нравственныхъ силъ каждого изъ насъ*. Стало бытъ дѣйствительно первѣе всего мы должны реформировать сами себя, чтобы оказаться на высотѣ предоставленнаго намъ права быть обновителями земли русской. Требуется обнаруживать всегда и всюду чистоту помысловъ, словъ и поступковъ и проникнуться завѣтами Того, Кто пострадалъ за насъ, за созданіе царства Божія на землѣ. Требуется внести въ жизнь „любовь“ и „душу живу“, не угасить „искры Божіей“, неустаннымъ трудомъ на пользу ближнихъ воспитать въ себѣ „вѣру и увѣренность“ въ цѣлесообразности нашего святаго дѣла. При этомъ каждый изъ насъ въ видахъ самоусовершенствованія долженъ относиться возможно строго къ себѣ, къ своимъ мыслямъ и поступкамъ и возможно снисходительно къ мыслямъ и поступкамъ, другихъ, а не наоборотъ, какъ это очень часто допускается. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ каждый изъ насъ могъ бы оказаться въ весьма затруднительномъ положеніи, если бы

пожелалъ высказаться и поступать именно такъ, какъ бы слѣдовало по всей справедливости и правильно оцѣнилъ бы свои поступки; и напротивъ, существуетъ возможность весьма легко критиковать и отрицать убѣжденія и поступки другихъ, не вставъ вполнѣ на ихъ точку зрѣнія. Вотъ почему Христосъ сказалъ: *не судите, да не судимы будете.*

Проникнувшись самымъ искреннимъ образомъ религиозно-нравственнымъ настроеніемъ, мы врядъ-ли встрѣтимъ какія либо затрудненія при рѣшеніи общихъ и частныхъ вопросовъ о направленіяхъ тѣхъ реформъ и преобразованій, которыя должны быть проведены въ жизнь. Такъ и религиозный человекъ и человекъ науки (А. Менгеръ, Новое время, 1905 г. приложение отъ 3 ноября) должны считать, что истинное общественное благо сводится прежде всего къ удовлетворенію насущныхъ духовныхъ потребностей каждаго отдельнаго лица и къ обезпеченію ему истинно человеческого существованія. Слѣдуетъ ожидать, что трудности возникнутъ преимущественно при практическомъ выполненіи мероприятий различнаго рода. Но и эти трудности опять таки возможно преодолѣть путемъ всесторонняго и спеціального изученія различныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ мѣсто въ дѣйствительности и тормозящихъ реформу. Это дѣло спеціалистовъ и людей науки. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что нововведенія не являются результатомъ вѣяній изъ-вне, напр., результатомъ подражанія западу, а являются въ качествѣ развитія, усовершенствованія и поправки существующихъ жизненныхъ формъ.

Мы постараемся привести здѣсь въ кратцѣ нѣсколько соображеній относительно желательнаго направленія въ дѣлѣ предстоящихъ преобразованій нашей родины болѣе общаго характера съ примѣненіемъ на практикѣ для нихъ разобранныхъ моральныхъ основъ.

1. Изъ морально-религіознаго настроенія возникаетъ прежде всего сила и крѣпость патріотизма, сила и крѣпость любва

къ своему народу, къ своему государству, дарующему намъ извѣстныя права и законную свободу. Патріотизмъ есть высокое и, можно сказать, всемірное естественное чувство. Онъ проявляетъ себя какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ ступеняхъ народной культуры. Это же чувство освящено божественнымъ примѣромъ Христа, Который любилъ свой народъ и скорбѣлъ о его революціонномъ движеніи. Итакъ не правду говорятъ тѣ, которыя считаютъ патріотизмъ чувствомъ *буржуазнымъ*, несомѣстимымъ съ общечеловѣческой христіанскою любовію. Конечно, и этимъ чувствомъ можно злоупотреблять, какъ и всѣмъ на свѣтѣ. Но эти злоупотребленія столько же противорѣчатъ истинному патріотизму, какъ и христіанскому моральному настроенію. Въ чемъ же долженъ выразаться въ наше время нашъ народный патріотизмъ? Прежде всего въ любви къ своей землѣ и благоразумномъ культивированіи ея, въ превращеніи ея въ благоустроенное мѣсто обитанія нашего. Пророки нѣкогда предсказывали, что съ пришествіемъ Мессіи наступитъ необыкновенное плодородіе земли, такъ что Ливанъ превратится въ садъ, а садъ будетъ такъ великъ, какъ лѣсъ. Если же этого нѣтъ, если въ христіанскомъ мірѣ мы видимъ лишь жалкіе зачатки всего этого, то, конечно, это происходитъ отъ нашей небрежности, неумѣлости, эгоизма и пр.; словомъ, отъ нашего несумѣнія и нежеланія хранить и воздѣлывать землю. Съ этой же точки зрѣнія важно также расширение и улучшение путей сообщенія всякаго рода и пониженіе стоимости проѣзда и провоза, напр., по желѣзнымъ дорогамъ, въ интересахъ общенія, производительности и благосостоянія жителей и слѣдовательно въ интересахъ производительности и благосостоянія всего государства.

2. *Всѣ народы Россіи* въ видахъ общихъ выгодъ, при сохраненіи національныхъ особенностей, должны по братски подать другъ другу руки и соединить себя въ одно дружное и мощное цѣлое общимъ дѣломъ государственнаго самосохраненія и процвѣтанія, взаимопомощи при стихійныхъ бѣдствіяхъ, нашествіяхъ враговъ и взаимопомощи при мирномъ культурномъ развитіи страны. Но съ дарованіемъ намъ гражданской сво-

боды мы не можемъ уже отрицать возникновенія и образованія различныхъ политическихъ партій для достиженія различныхъ партійныхъ цѣлей. вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ различіе политическихъ убѣжденій. Это различіе однакоже не должно переходить за предѣлы, указываемые гражданскимъ закономъ. Каковы бы ни были наши политическія убѣжденія, но превыше ихъ стоитъ государственнй законъ, требующій отъ насъ единства, цѣлости и неповрежденности государственной жизни. Съ этой точки зрѣнія партійное самообожаніе, когда партія поставляетъ себя превыше гражданской законной власти,—самосудъ, сепаратизмъ, насильственное проведеніе своихъ идеаловъ есть преступленіе противъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ. Конечно, при различіи политическихъ убѣжденій неизбежна идейная, мирная или академическая борьба; но она не должна переходить въ сепаратизмъ, обиду, насиліе и революціонное движеніе. Это безусловно противорѣчитъ величію и силѣ Государства, которыя основываются на величіи и силѣ патриотическаго духа. Давно замѣчено, что своекорыстіе, отсутствіе серьезныхъ убѣжденій и желаніе поддѣлаться подъ мимолетное настроеніе толпы, которая быстро переходитъ отъ одной крайности въ другую, столько же противорѣчитъ истинному патриотизму, какъ и христіанскимъ началамъ жизни. А умственное и нравственное убожество предъ толпой, и тѣмъ болѣе потворство ей, могутъ приводить ее даже до безумной дерзости. Но свобода христіанская, правильно понимаемая, не можетъ быть причиною или *прикрытіемъ* зла (2 Петр. V, 16).

3. *Борьба съ пьянствомъ* должна быть въ числѣ неотложныхъ задачъ въ дѣлѣ обновленія нашей родины, такъ какъ пьянство, все болѣе и болѣе распространяющееся, нашъ очень опасный врагъ, весьма серьезно подтачивающій здоровье, нравственность и благосостояніе, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ обществъ... Опасно и умѣренное употребленіе алкогольныхъ напитковъ, которе, будучи источникомъ неумѣреннаго употребленія ихъ или пьянства, вопреки общепринятому мнѣнію, весьма вредно и само по себѣ. Повышеніе аппетита, пріятное настроеніе, веселость и пр., которыя полу-

чаются отъ умѣреннаго употребленія алкоголя и ради которыхъ пьютъ вино, на самомъ дѣлѣ указываютъ уже на начало разстройствъ отъ этого обманчиваго яда. (Ср. многія работы о дѣйствіи алкоголя на организмъ, приведенныя между прочимъ и въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: „Объ алкоголизмѣ опьяненіи, объ алкоголизмѣ и о мѣрахъ противъ нихъ“, Варшава, 1903 г., профессоръ *Вл. Николскій* и *онъ же*.—„О вредѣ умѣреннаго употребленія алкогольных напитковъ (къ вопросу о мѣрахъ противъ пьянства“), Москва, 1905 г., изданіе 1-го Московскаго Общества Трезвости, ц. 6 коп.).—Важно помнить, что въ нашемъ холодномъ и умѣренно-холодномъ климатѣ пагубная привычка къ яду и вредъ отъ него развиваются скорѣе, чѣмъ въ теплыхъ странахъ, гдѣ алкоголь часто переносится организмомъ безнаказанно, и что сто лѣтъ тому назадъ въ Швеціи, въ странѣ съ холоднымъ климатомъ, пьянство было такъ распространено, какъ нигдѣ въ Европѣ, но теперь благодаря настойчивой и продолжительной борьбѣ съ пьянствомъ, путемъ пропаганды полной трезвости въ связи съ внутреннимъ устроеніемъ страны, Швеція оказывается наиболѣе трезвой во всей Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма культурной страной. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что борьба съ пьянствомъ особенно необходима въ наше время, когда существуютъ многія условія для развитія этого порока, а именно—нервность, неудовлетворенность, погоня за средствами къ существованію и пр. Можно надѣяться, что въ настоящее время борьба эта, веденная энергично въ связи съ подъемомъ религіознаго и нравственнаго сознанія, дастъ наиболѣе утѣшительные результаты и въ теченіе короткаго срока.

4. Христіанство учитъ насъ, что великое приобрѣтеніе для народа состоитъ въ *благочестіи съ довольствомъ*. Что народъ нашъ благочестивъ вообще, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но нельзя того же сказать о его *довольствѣ*. А потому даже съ христіанской точки зрѣнія надобно обратить серьезное вниманіе на *бѣдность нашего народа*, нашихъ земледѣльцевъ, ихъ во многихъ мѣстахъ необеспеченность землею, а также вообще на *положеніе нашего земледѣльческаго дѣла*, такъ какъ

земледѣліе въ нашей странѣ является преобладающимъ промысломъ, а между тѣмъ неустроеніе его и необеспеченность крестьянъ иногда доходитъ до недопустимой крайности съ точки зрѣнія самой элементарной справедливости, тѣмъ болѣе христіанства. Вопросъ этотъ необычайно глубокій и сложный, но настоятельно ожидающій справедливаго разрѣшенія. Онъ же поднятъ правительствомъ порядочно давно, имъ приняты нѣкоторыя мѣры и, надо полагать, вызоветъ такое или иное обсужденіе и рѣшеніе Государственной Всенародной Думы. Мы здѣсь отмѣтимъ только слѣдующее. Не одно крестьянское владѣніе землею оказалось въ бѣдственномъ положеніи, но также и помѣщичье хозяйство, которое, при постоянномъ дробленіи земли по мужской и женской линіи, а также при проживаніи не по средствамъ, при малой работоспособности, подготовленности и пр. землевладѣльцевъ, оказалось раззорительнымъ и бѣдственнымъ для нихъ самихъ и для всего народа. Какъ будетъ рѣшенъ Государственною Думою земледѣльческой вопросъ, покажетъ время. Но будетъ ли онъ рѣшенъ, на примѣръ, на началахъ особаго владѣнія землею крестьянами и не крестьянами, на правахъ собственности или общественности или артельности, при условіяхъ недѣлимости мелкихъ земельныхъ единицъ или участковъ и при опредѣленномъ количествѣ земельныхъ угодій въ каждомъ изъ послѣднихъ и пр., во всякомъ случаѣ онъ потребуетъ отъ Думы глубокихъ и обширныхъ обсужденій. Мы можемъ только желать, чтобы, при существованіи опредѣленнаго хозяйственнаго инвентаря и пр., было обеспечено безбѣдное существованіе земледѣльца съ семьей, изъ которой, по мѣрѣ ея разростанія, могли бы выдѣляться молодыя работоспособныя силы для занятія другихъ такихъ же земельныхъ участковъ, напр., въ мало заселенныхъ мѣстахъ, или для занятія другимъ промысломъ, должностей различнаго рода и т. п. При такомъ землевладѣніи, какъ намъ думается, никакое революціонное движеніе немыслимо, да сами собою падутъ и мечты нѣкоторыхъ ученыхъ, мыслителей и даже не рѣдко самихъ крестьянъ, которые полагаютъ, что вся земля должна принадлежать крестьянамъ—пахарямъ, собственными

руками воздѣлывающимъ землю. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе разрѣшится крестьянскій вопросъ, но весьма рѣзко принять его къ сердцу, и по мѣрѣ своихъ силъ, христіанскаго долга и призванія способствовать справедливому рѣшенію его. Еще въ Ветхомъ Заветѣ самъ Богъ заповѣдалъ людямъ трудиться, воздѣлывать землю, въ потѣ лица ѣсть свой хлѣбъ. Рабочій вопросъ отчасти также разрѣшается въ связи съ улучшеніемъ крестьянскаго быта.

5. Кромѣ того, вообще слѣдуетъ по мѣрѣ силъ способствовать фактически, на дѣлѣ разрѣшить вопросъ о предоставленіи нашему народу и рабочимъ давно извѣстныхъ и совершенно новыхъ путей для *обнаруживанія возможно большей производительной энергии*, могущей поднять и общественное и личное благосостояніе. Это дѣло можетъ быть организовано, напр., въ смыслѣ особаго бюро, учрежденія, имѣющаго цѣлью направлять отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя артели на болѣе производительный трудъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется наибольшій спросъ на трудъ, но мало предложеній его.

6. Есть еще весьма больное мѣсто нашихъ крестьянъ и рабочихъ, требующее скораго лѣченія, это—*темнота, невежество и малое распространеніе грамотности*. Слѣдуетъ, конечно, заботиться о значительно большемъ увеличеніи числа школъ.—Случается, что грамотные крестьяне и рабочіе, не имѣя книгъ для чтенія, довольно скоро забываютъ грамоту. Существуетъ потребность въ изданіи для народа такихъ періодическихъ и веперіодическихъ органовъ печати, популярныя и весьма дешевыя, если не даровыя, которыя заинтересовали бы малообразованныхъ читателей и содержали бы правоучительныя произведевія религіознаго и общаго характера, и полезныя свѣдѣнія изъ агрономіи, скотоводства, огородничества, ветеринаріи, медицины и пр., а также—крупныя новости мѣстнаго и общаго характера, о томъ что дѣлается вокругъ, на Руси и въ другихъ странахъ, и, наконецъ, образцы беллетристическихъ произведеній, отечественныхъ и иностранныхъ авторовъ, имѣющихъ въ виду просвѣтительныя цѣли.

7. *Печатное слово*, какъ и слово вообще, можетъ быть

и непоправимымъ зломъ, какъ слѣдствіе распространенія невѣжества, разнузданности всякаго рода, завѣдомо ложныхъ фактовъ и фактовъ, умышленно неправильно освѣщаемыхъ съ предвзятою и неблаговидною цѣлью, и, напротивъ, печать можетъ быть великимъ, полезнымъ и святымъ дѣломъ, какъ для обществъ, такъ и для отдѣльныхъ лицъ въ умственно-нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ, въ качествѣ необходимой пищи для сердца и для развитія ума, какъ средство распространенія полезныхъ знаній и вполне правильно освѣщенныхъ фактовъ изъ различныхъ областей жизни, — какъ средство, пробуждающее въ насъ высокогуманныя чувства и вызывающее глубокое наслажденіе силою гениальнаго творчества и наконецъ, какъ средство, дающее намъ пріятное развлеченіе и отраду въ минуту отдыха. Поэтому слѣдуетъ быть весьма осмотрительнымъ въ выборѣ печатнаго слова, особенно для дѣтей и юношей. Въ этихъ видахъ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ рѣшить, не будетъ ли цѣлесообразнымъ, для сохраненія положительнаго и отвращенія отрицательнаго значенія печати, установить контроль надъ печатнымъ словомъ, пока и гдѣ это требуется болѣе всего, изъ извѣстныхъ и достойныхъ довѣрія лицъ, избираемыхъ соответственнымъ отдѣленіемъ Государственной Думы, которая вырабатываетъ для нихъ инструкціи.

8. *Реформы низшей, средней и высшей школы* безъ сомнѣнія будутъ стоять на первомъ мѣстѣ въ дѣлахъ Государственной Думы. О нихъ теперь много говорятъ и въ литературѣ и въ обществѣ. Съ своей стороны замѣтимъ лишь, что всѣ эти школы совмѣстно съ семьей должны не только обучать, но и воспитывать, давая развитіе не одного ума, но также и сердца, религіозно-нравственнаго чувства, чувства долга по отношенію къ родинѣ, ближнимъ и внося въ занятія оживленіе, взаимное сочувствіе и даже любовь, настолько, что учащіе и учащіеся будутъ заниматься своимъ дѣломъ всегда охотно и съ большимъ интересомъ. При существованіи же въ средней и высшей школѣ чисто формальнаго режима, направленнаго почти исключительно на прохожденіе предметовъ въ рамкахъ

одобренныхъ программъ, юноши попрежнему будутъ выходить изъ школы большею частію безъ какого либо воспитанія въ религіозно-нравственномъ отношеніи, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ весьма легко поддадутся, смотря по личнымъ склонностямъ, различнаго рода внѣшкольнымъ вліяніямъ, которыя сказываются или очень узкой и эгоистической практичностью или напротивъ, чрезмѣрно широкой утопической теоретичностью крайнихъ политическихъ партій.— Въ основѣ высшей школы долженъ быть положенъ слѣдующій принципъ: всесторонняя научная и практическая подготовка молодыхъ людей къ опредѣленной спеціальности, а также общее самовоспитаніе и саморазвитіе ихъ въ умственно-нравственномъ и моральномъ отношеніи для подготовленія къ честной гражданственности въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова.

9. Подъ конецъ надо замѣтить, что и многія *другія учрежденія* нашей родины, безъ сомнѣнія, также потребуютъ пересмотра, обновленія и реформъ; мы имѣемъ въ виду дѣла земскія, городскія, врачебныя, военныя и многія другія учрежденія и вѣдомства страны. Разумѣется, при улучшеніяхъ во всѣхъ этихъ областяхъ, слѣдуетъ руководиться не только сознаніемъ христіанскихъ вѣроученій, но главнымъ образомъ и различнаго рода спеціальными соображеніями, въ которыхъ мы не считаемъ себя компетентными. Съ своей стороны, мы скажемъ только слѣдующее. Много и намѣренно преувеличено говорятъ о бездушномъ формализмѣ чиновниковъ, о бюрократіи, о злоупотребленіяхъ администраціи и т. п., какъ о чемъ-то совершенно постороннемъ для насъ, внѣ насъ находящемся, но при этомъ довольно часто забывается, что живымъ источникомъ чиновничества и бюрократизма являемся мы сами, что наши чиновники и администраторы суть плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ. Вотъ почему мы думаемъ, что *сознательное и активное участіе каждого изъ насъ въ дѣлахъ родины, при подъемѣ нашихъ религіозныхъ и умственно-нравственныхъ силъ и при самой широкой гласности, въ состояніи воспитать огромную массу добрыхъ, честныхъ и энергичныхъ, любящихъ свою родину гражданъ для всѣхъ должностей и мѣстъ государственнаго механизма.*

Забота о будущемъ и, быть можетъ, объ очень близкомъ будущемъ нашего отечества не должна однако затемнять крайне тяжелыя и серьезныя минуты настоящаго въ исторіи нашей страны. Въ настоящій моментъ каждый изъ насъ обязанъ быть при своемъ мѣстѣ, исполнять свой долгъ, побуждать къ тому другихъ и всячески стараться о водвореніи порядка и справедливости, помня завѣтъ великаго Апостола: „все мнѣ позволительно, но не все полезно, все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ. Никто не ищи своего, но каждый пользы другого“ (1 Кор. X, 23).

Профессоръ Вл. Никольскій.

О постановкѣ теоретической и практической подготовки къ учительству въ духовныхъ семинаріяхъ.

Въ 1884 году призваны были къ жизни церковно-приходскія школы. Это повлекло за собой появленіе среди семинарскихъ наукъ новаго предмета—дидактики, а рядомъ съ семинаріей—образцовой школы.

Со времени своего возникновенія церковно-приходскія школы успѣли широко распространиться. На-ряду съ ихъ количественнымъ ростомъ развивается и ихъ внутренняя организація. Постановка обученія улучшается. Нарождаются школы новыхъ типовъ. Теперь уже много не только одноклассныхъ, но двухклассныхъ и второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. При нѣкоторыхъ изъ нихъ заведены даже учительскіе курсы, на которыхъ лучшіе изъ учениковъ готовятся къ учительству въ школахъ грамоты.

Такимъ образомъ жизнь сама собой реформируетъ церковно-приходскую школу, расширяя кругъ ея дѣятельности. Учителя же во всѣхъ этихъ школахъ все тѣ же, бывшіе воспитанники семинаріи, съ той же подготовкой, которая установлена была въ 1884 году. Это само собой выдвигаетъ вопросъ о пересмотрѣ подготовки къ учительству въ семинаріяхъ. Этотъ очеркъ мы и посвятимъ указанному вопросу.

Согласно программѣ, подготовка къ учительству должна раздѣляться на теоретическую и практическую.

Теоретической подготовкой имѣется въ виду сообщить учащимся необходимыя свѣдѣнія по вопросамъ обще и частно-дидактическимъ. Въ первомъ случаѣ необходимо ознакомить учащихся съ основными положеніями обученія; во второмъ же

должно сообщить учащимся свѣдѣнія изъ трехъ методикъ— Закона Божія, русскаго языка и ариѳметики.

Практической подготовкой имѣется въ виду показать учащимся, какъ ведется дѣло обученія. Учащіеся же обязаны выискнуть, осмыслить видѣнное, а потомъ и самимъ попытать свои преподавательскія силы подъ руководствомъ завѣдующаго и учителей.

Требованія въ существѣ дѣла не особенно обширныя. Но и для ихъ осуществленія необходимы соотвѣтствующія условія. Вѣдь хотя и утверждаютъ, что въ каждомъ дѣлѣ методъ имѣетъ огромное значеніе, но не меньшее значеніе имѣетъ и личность, которая осуществляетъ извѣстный методъ. Прекрасный методъ можетъ оказаться плохимъ въ неопытныхъ рукахъ. Однако и это еще не все. Въ каждомъ дѣлѣ имѣютъ большое значеніе и условія, при которыхъ хорошему дѣятелю приходится предлагать не менѣе хорошій методъ. Если условія слишкомъ тяжелы, тогда и прекрасный учитель съ отличными методомъ въ рукахъ въ состояніи будетъ сдѣлать очень немногое.

Мы уже говорили, на кого возложено дѣло подготовки къ учительству въ семинаріи ¹⁾. И изъ количества обязанностей преподавателя философіи ясно, насколько для него возможно успешное осуществленіе всего того, что онъ долженъ исполнять. Здѣсь же мы обратимъ вниманіе на самую постановку подготовки къ учительству.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе распредѣленіе количества уроковъ на теоретическую и практическую подготовку. На теоретическую подготовку отведено два годовыхъ урока, а на практическую четыре. Подобное распредѣленіе количества уроковъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать правильнымъ. Разъ учащіеся еще только готовятъ, то естественно, чтобы они больше познакомились съ теоріей, больше запасались познаніями. Слѣдовательно, необходимо, чтобы учащіеся болѣе вниманіе удѣляли теоріи. Въ духовныхъ же семинаріяхъ практика преобладаетъ надъ теоріей. Неправильность подобной постановки особенно видна изъ того, что въ

¹⁾ См. нашу статью о реформѣ преподаванія философскихъ предметовъ въ семинаріи, въ этомъ же журналѣ.

семинаріи практика должна занимать мѣсто только иллюстраціи къ тѣмъ научнымъ положеніямъ, которыя должны раскрываться на урокахъ дидактики. Иллюстрація же тогда хороша, когда предварительно хорошо развито научное положеніе, и когда это послѣднее занимаетъ господствующее положеніе. Если же научное положеніе едва намѣчено, тогда и иллюстрировать нечего. Наша же теоретическая подготовка поставлена такимъ образомъ, что собственно ее и иллюстрировать нечего.

Въ самомъ дѣлѣ на теоретическую подготовку отведено два годовыхъ урока, и въ эти два урока необходимо пройти общую дидактику и по крайней мѣрѣ три методики. Курсы же этихъ предметовъ настолько обширны, что въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе этихъ предметовъ поставлено болѣе удовлетворительно, на эти предметы выдѣлено слѣдующее количество уроковъ: на общую дидактику съ педагогикой три урока, по методикѣ русскаго языка и ариметики тоже три урока. Въ семинаріяхъ же на всѣ эти предметы, со включеніемъ обстоятельнаго изученія и методики Закона Божія, полагается только два годовыхъ урока, при чемъ одинъ удѣляется на общую дидактику, и одинъ на всѣ три методики. Но что опредѣленное можно сообщить въ одинъ годовой урокъ по каждой изъ трехъ методикъ? Вѣдь въ году насчитывается не больше 25 учебныхъ часовъ. Слѣдовательно, на каждую методику можетъ быть удѣлено не больше восьми уроковъ. За столько уроковъ невозможно сообщить даже основныхъ положеній изъ методики каждаго предмета, а не то чтобы заинтересовать учащихся, сообщить имъ тѣ или другія подробности, остановить ихъ вниманіе на выдающихся отдѣлахъ. При такихъ условіяхъ преподавателю только и приходится, что спѣшить, спѣшить и спѣшить. И онъ спѣшитъ, сокращаетъ, урѣзываетъ; и въ концѣ концовъ изъ его изложенія получается не цѣльный очеркъ методики предмета, а какіе то обрывки.

Что же касается общей дидактики, на прохожденіе которой полагается тоже одинъ годовой урокъ, то относительно ея нужно сказать слѣдующее. Программа ея слишкомъ кратка: она ограничивается только отдѣлами объ учителѣ, ученикѣ и школѣ; при этомъ свѣдѣній о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ

требуется немного, и свѣдѣнія къ тому же одностороннія, безъ научнаго освѣщенія. При такой скудости еще можно было бы хотя отчасти помочь горю хорошимъ руководствомъ. При хорошемъ руководствѣ изложеніе преподавателемъ общей дидактики находило бы свою поддержку въ немъ, привязывалось бы къ нему. Но до сихъ поръ въ распоряженіи учениковъ нѣтъ такого руководства.

Такъ обстоитъ дѣло съ теоретической подготовкой къ учительству.

Но и практическая подготовка не можетъ считаться удовлетворительной, хотя на нее отдѣлено и четыре урока. Причинъ къ тому нѣсколько.

Практическая подготовка раздѣляется на слушаніе уроковъ школьныхъ учителей и на даваніе пробныхъ уроковъ. Но слушаніе уроковъ въ школѣ могло бы быть интереснымъ и поучительнымъ тогда, если бы учащіеся отлично знали соотвѣтствующіе отдѣлы изъ методикъ; тогда бы учащіеся, слушая тотъ или иной урокъ, могли бы въ немъ разобраться, увидѣть приложеніе методовъ. Но этого-то они и не въ состояніи сдѣлать при теперешней постановкѣ. Учащіеся слушаютъ уроки въ школѣ въ теченіе пятого класса; а дидактику методикъ полагается проходить въ VI классѣ. Значитъ, имъ приходится слушать еще въ то время, когда они еще не слышали ни одного методическаго положенія. Не лучше дѣло обстоитъ и въ томъ случаѣ, когда, вопреки программѣ, дидактику методикъ проходятъ въ V классѣ. Пробные уроки учащіеся въ такомъ случаѣ даютъ въ VI классѣ, т. е. когда уже перезабудутъ изрядное количество изъ слышаннаго отъ преподавателя въ V классѣ. Разобщенность теоретической и практической подготовки въ этомъ случаѣ является главнымъ зломъ.

Есть и другая причина неудовлетворительности практической подготовки. Пробные уроки, которые даютъ учащіеся, могли бы имѣть должное значеніе въ томъ случаѣ, если бы на нихъ обращалось должное вниманіе. Должное же вниманіе удѣлялось бы въ томъ случаѣ, если бы письменные планы пробныхъ уроковъ внимательно просматривались и исправлялись преподавателемъ, а данные уроки подвергались бы

серьезному разбору. А между тѣмъ это-то и страдаетъ въ семинаріяхъ. Страдаютъ же эти стороны потому, что просмотръ и внимательное исправленіе плановъ требуютъ усиленнаго труда и напряженнаго вниманія. А у преподавателя философіи и безъ того много дѣла, требующаго большой эвергій. Да къ тому же, говоря по совѣсти, нельзя же и спрашивать съ него такой работы, за которую до самаго послѣдняго времени не считали нужнымъ и платить. Вѣдь до самаго послѣдняго времени практическія занятія въ школахъ были бесплатнымъ трудомъ преподавателя. И только въ послѣднее время уроки, назначенные на занятія въ школахъ, стали считаться платными, да и то впрочемъ неполна, а считая четыре за три.—Все это и создало неудовлетворительную постановку и практическихъ занятій въ школахъ.

Изъ сказаннаго видно, что теперешняя постановка является неудовлетворительной даже въ главныхъ своихъ основаніяхъ и совершенно не затрагиваетъ тѣхъ широкихъ запросовъ, которые ставятъ учителямъ второклассныя и двуклассныя церковно-приходскія школы. Свѣдѣнія, необходимыя для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ этихъ школахъ, учителя-семинаристы должны почерпнуть изъ собственной любознательности. Не дастъ семинарская дидактика свѣдѣній и изъ исторіи педагогики, не говоримъ уже—изъ иностранной, а даже и изъ отечественной. А между тѣмъ сколько хорошихъ идей уже высказано и нашими отечественными педагогами. Среди нихъ было много людей не только убѣжденныхъ, но и постоянныхъ подвижниковъ. И какъ полезно было бы для будущихъ учителей ознакомиться, съ этими личностями, ихъ воззрѣніями и ихъ самоотверженной дѣятельностью!

Указанные недочеты сами собой намѣчаютъ тѣ измѣненія, которыя настоятельно необходимо произвести какъ въ теоретической, такъ и въ практической постановкѣ подготовки къ учительству.

Самое первое и настоятельное измѣненіе, которое необходимо произвести,—это самую подготовку къ учительству поставить болѣе серьезно. Необходимо совершенно оставить мысль, что семинаристы будутъ хорошо учительствовать, если кое-что

услышать отъ преподавателя на урокахъ дидактики и если кое-какъ понаблюдають въ образцовой школѣ. Вѣдь школьное дѣло быстро развивается. И уже недалеко то время, когда обученіе въ три зимы станетъ недостаточнымъ, и когда одноклассныя церковно-приходскія школы должны будутъ замѣняться другими, съ болѣе обширнымъ курсомъ. Мы приближаемся къ тому времени, когда количество школъ несомнѣнно увеличится. И было бы странно, если бы съ общимъ увеличеніемъ количества школъ церковно-приходскія школы стали бы сокращаться. Обязанность всѣхъ служителей церкви стремиться къ тому, чтобы количество церковно-приходскихъ школъ не уменьшалось, а увеличивалось. Но для этого нужно стремиться къ такой постановкѣ, которая возбуждала бы общую симпатію. А всего этого можно будетъ достигнуть только, если учебное и воспитательное дѣло будетъ поставлено возможно лучше, если во главѣ школъ будутъ стоять люди опытные и преданные педагогическому дѣлу. Поэтому-то теперь и особенно благовременно реформировать семинарскую подготовку и сдѣлать ее болѣе серьезной. Намъ нужно употребить всѣ усилія, чтобы наши учителя входили въ свои школы не оцупью, а съ серьезной подготовкой, съ хорошими основаніями по всѣмъ предметамъ школьнаго курса. Нельзя утѣшать себя тѣмъ, что большинство семинаристовъ скоро идетъ во священники; и слѣдовательно, имъ не придется быть учителями, а развѣ законоучителями. Подобное утѣшеніе совершенно неосновательно. Если въ церковно-приходскихъ школахъ дѣло обученія порой страдало, то не отъ того только, что въ школахъ были плохіе учителя, но въ значительной степени и отъ того, что завѣдующими этихъ школъ были священники, не получившіе достаточной подготовки къ учительству и не интересующіеся своей школой. Не успѣвъ въ семинаріи вникнуть въ дѣло обученія, полюбить его, они не въ состояніи возбудить въ себѣ любовь къ своей школѣ на приходѣ, гдѣ они и безъ того часто отвлекаются посторонними для школы дѣлами. Вѣдь дѣло обученія дѣло такое, что его сначала нужно полюбить, чтобы потомъ привязаться къ нему. Поэтому и нужно подготовку въ семинаріи поставить такимъ образомъ, чтобы

она возбуждала любовь у возможно большаго числа учащихся. Тогда можно быть увѣреннымъ, что, сдѣлавшись учителемъ или ставъ священникомъ, бывшій воспитанникъ и на приходѣ будетъ съ любовью относиться и къ школьному дѣлу и къ своей школѣ. Любя же свою школу, боясь о ней, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы его школа была хорошо поставлена; тогда онъ и неопытному учителю дастъ хорошій совѣтъ, какъ вести дѣло обученія. Такимъ образомъ самое существованіе церковно-приходскихъ школъ настоятельно требуетъ, чтобы подготовка къ учительству въ семинаріяхъ поставлена была возможно солидно и серьезно. Что же нужно для этого?

Нужно отдѣлить названныя занятія отъ кафедры философскихъ предметовъ. Нужно, чтобы дидактика находилась въ болѣе свободныхъ рукахъ. А лучше всего, если бы она находилась въ рукахъ совершенно свободныхъ, т. е. назначенъ былъ особый преподаватель. Онъ будетъ вѣдать все дѣло теоретической и практической подготовки; онъ же долженъ быть и настоящимъ завѣдующимъ образцовой школой. При серьезной же постановкѣ дидактики и при фактическомъ завѣдываніи образцовой школой дѣла будетъ болѣе чѣмъ достаточно.

Поручивъ теоретическую и практическую подготовку къ учительству лицу свободному, необходимо озаботиться о лучшей постановкѣ тѣхъ методикъ, которыя и теперь полагается проходить въ семинаріи. Нужно, чтобы учащіеся получали ясное понятіе объ основныхъ положеніяхъ изъ каждой методики. Очень важно, чтобы уже въ семинаріи учащіеся составили себѣ ясное представленіе, какъ вести обученіе Закону Божію, что и какъ сообщать изъ священной исторіи, на что обращать вниманіе при обученіи катехизису. При сообщеніи свѣдѣній изъ методики русскаго языка одинаково важно обратить вниманіе на предварительныя упражненія подготовляющія къ письму и чтенію, на порядокъ и планъ знакомства со звуками и буквами, на объяснительное чтеніе, на обученіе грамматикѣ и т. п. Все это такіе отдѣлы, безъ яснаго представленія которыхъ нельзя приступать къ обученію грамотѣ. Въ семинаріяхъ же на окраинахъ необходимо обратить серьезное вниманіе и подробно разъяснить основныя положенія натураль-

наго метода и способы его примѣненія при обученія русскому разговорному языку. Безъ отличнаго знанія основныхъ положеній и способовъ примѣненія по этому методу нельзя надѣяться на успѣшное изученіе русскаго языка въ окраинныхъ школахъ. И на все это нужно не восемь уроковъ, а въ три раза больше. Но кромѣ сообщенія свѣдѣній изъ трехъ методикъ, необходимо сообщить хотя краткія положенія о преподаваніи исторіи, географіи и церковнаго пѣнія. Если же, дѣйствительно, болѣе основательно познакомить со всѣмъ этимъ учащихъ въ семинаріи, то потребуетъ не одинъ, а три годовыхъ урока.

Но теоретическая подготовка этимъ еще не оканчивается. Нужно ознакомить учащихъ и съ общей дидактикой, т. е. съ тѣмъ, каковъ долженъ быть самъ учитель, каковы бываютъ и должны быть ученики, что можно отъ нихъ требовать, а чего нельзя, какова должна быть школа, и каковы должны быть нормальныя отношенія къ ней со стороны учителя. Очень часто къ дѣлу учительства относятся легкомысленно исключительно благодаря своей неосвѣдомленности; дѣло, часто для себя непосильное, мы считаемъ не только по силамъ, но и легкимъ только потому, что сами и представленія не имѣемъ о правильной постановкѣ и что нужно для хорошаго несенія взятыхъ на себя обязанностей. Точно также мы иногда искренно удивляемся дѣтскому непониманію исключительно потому, что сами совершенно не знаемъ особенностей дѣтской природы, не знаемъ, что для нея по силамъ, а что и совершенно невозможно. Мы судимъ о дѣтяхъ по себѣ, тогда какъ именно въ этихъ случаяхъ слѣдовало бы становиться въ ихъ положеніе. Правда, вдумчивый учитель изучитъ дѣтскую природу и своими силами дойдетъ до всего; но дойдетъ не сразу. И сколько онъ потратитъ усилій на отысканіе того, что уже давно ясно и опредѣленно скавано его великими предшественниками, но чего онъ своевременно не узналъ!

Чтобы не было печальныхъ послѣдствій невѣжества, и нужно, при теоретической подготовкѣ, сообщать учащимся, что сдѣлано великими педагогами въ дѣлѣ изученія дѣтской природы. Конечно, нельзя надѣяться сообщить все подробно и основа-

тельно. Но семинарія сдѣлаетъ свое дѣло, если ознакомить съ основными, чисто научными положеніями. Пусть эти положенія будутъ кратки; но они должны быть непременно научны и изложены въ соотвѣтствующей формѣ. Тогда и семинарская общая дидактика не будетъ представлять изъ себя чего-то жалкаго; а будетъ настоящимъ сводомъ того, что высказано лучшими педагогами, и что весьма полезно и поучительно послушать. Больше серьезности и больше научности нужно внести въ общую дидактику. Польза же отъ этого будетъ та, что учащіеся ознакомятся съ полезнымъ для себя. Будетъ отъ этого и другая польза. Всякая хорошая мысль невольно увлекаетъ. Увлечуть и учащихся хорошія мысли, услышанныя ими на урокахъ общей дидактики, и онѣ явятся основаніемъ ихъ любви къ школѣ.

Но для серьезной, научной постановки общей дидактики, съ присоединеніемъ знакомства съ воззрѣніями выдающихся педагоговъ, нуженъ не одинъ, а два годовыхъ урока. При этомъ непременно нужно замѣнить теперешнее руководство по общей дидактики С. Миропольскаго другимъ, научно составленнымъ, которое могло бы заинтересовать и учениковъ VI кл. семинаріи.

Такія измѣненія, по нашему мнѣнію, необходимо произвести въ теоретической подготовкѣ къ учительству.

Что же касается измѣненій въ подготовкѣ практической, то относительно этого нужно сказать слѣдующее.

И практическая подготовка учащихся должна быть поставлена тоже возможно лучше и серьезнѣе; но не при помощи только увеличеннаго количества уроковъ, отдѣленныхъ на эти занятія, а при помощи коренного измѣненія въ ихъ постановкѣ.

Практическія занятія состоятъ изъ слушанія уроковъ и изъ даванія учениками пробныхъ уроковъ. Эти части и должны остаться. Но постановка ихъ должна быть совершенно измѣнена. Онѣ не должны представлять собой чего-то оторваннаго отъ теоретическихъ занятій; напротивъ, онѣ должны быть тѣсно связанными съ первыми. Какимъ образомъ этого достигнуть? Для этого необходимо совершенно уничтожить теперешнее дѣленіе на уроки для теоріи и практики, когда тѣ

и другіе уроки въ теченіе всего года идутъ параллельно. Всѣ уроки, которые будутъ отдѣлены на теоретическія и практическія занятія, должны считаться одинаково уроками дидактики; такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ что практиковать, когда еще ничего неизвѣстно изъ теоріи?! Поэтому всѣ уроки должны быть предоставлены въ полное распоряженіе преподавателя. А онъ распредѣляетъ ихъ такимъ образомъ. Всѣ уроки, назначенные на этотъ предметъ въ V кл., онъ употребляетъ на совмѣстное теоретическое и практическое знакомство съ отдѣлами изъ методикъ. Напр. проходится отдѣлъ объ объяснительномъ чтеніи. Сначала преподаватель употребляетъ всѣ уроки на теоретическое знакомство съ этимъ отдѣломъ. Когда же онъ сообщитъ все, что сообщитъ считалъ необходимымъ, тогда онъ предупреждаетъ учащихся, что слѣдующіе уроки будутъ практическіе: вмѣстѣ съ нимъ они (учащіеся) пойдутъ въ школу и тамъ на урокъ учителя на практикѣ увидятъ, какъ ведется объяснительное чтеніе. Прослушавъ нѣсколько уроковъ объяснительнаго чтенія, нѣкоторые изъ учащихся—очередные или по выбору преподавателя, сами готовятъ и даютъ пробныя уроки. Выслушанные и данные пробныя уроки объяснительнаго чтенія послѣ того подвергаются тщательному разбору. Когда такимъ образомъ будетъ теоретически и практически пройденъ этотъ отдѣлъ, преподаватель переходитъ къ слѣдующему. И слѣдующій отдѣлъ проходится въ такомъ же тѣсномъ единеніи теоріи и практики. И такъ должны проходить всѣ методикъ.

При такой постановкѣ теорія и практика будутъ представлять собой одно цѣлое. Ни теорія не будетъ висѣть въ воздухѣ, ни практика не будетъ беспочвенной. Каждой части будетъ свое мѣсто. Теорія всюду будетъ занимать первенствующее мѣсто; а практика, слѣдуя за ней непосредственно, будетъ разъяснять сказанное преподавателемъ и закрѣплять въ сознаніи учащихся произведенныя ими наблюденія. Тогда не пропадетъ ни одинъ отдѣлъ изъ теоріи, такъ какъ на каждый изъ нихъ будетъ обращено одинаковое вниманіе, и каждый изъ нихъ будетъ закрѣпленъ своевременной практикой. При такой постановкѣ практика будетъ занимать подобающее ей

мѣсто иллюстрацій. А коль скоро она будетъ занимать мѣсто въ непосредственной связи съ теоріей, на нее не потребуются уроковъ больше, чѣмъ на теорію. Общее же количество уроковъ на теорію и практику, безъ общей дидактики, не будетъ больше шести. Но при такой постановкѣ для преподавателя весьма важно напередъ точно разъяснить все количество отдѣловъ, количество уроковъ на каждый отдѣлъ для теоріи и практики.

При такой постановкѣ методики могутъ быть пройдены въ два года при шести урокахъ. Въ V кл. могутъ быть пройдены методики русскаго языка и Закона Божія со всѣми практическими занятіями при четырехъ урокахъ. Въ шестомъ же классѣ будетъ пройдена при двухъ урокахъ методика ариѳметики, и сообщены краткія свѣдѣнія изъ другихъ методикъ. Два же другихъ урока будутъ посвящены общей дидактикѣ съ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ исторіи педагогики.

Въ заключеніе намъ нужно сказать о пробныхъ урокахъ и подготовкѣ къ нимъ. Подготовка къ пробнымъ урокамъ должна быть серьезная и основательная, такъ какъ только при такихъ условіяхъ практическія занятія будутъ дѣйствительно полезными; да и немногочисленные уроки практики не будутъ пропадать отъ плохой подготовки къ нимъ. По нашему мнѣнію, лучше всего, чтобы готовящійся къ уроку составлялъ письменный планъ. Письменная подготовка заставляеть лучше вдумываться въ урокъ и лучше его разрабатывать. Преподаватель же съ своей стороны внимательно просматриваетъ написанное, дѣлаеть дополненія и измѣненія. Эта работа порой представляетъ много затрудненій; иногда приходится почти весь планъ перерабатывать. Но такой трудъ преподавателя никогда не пропадетъ даромъ. Готовящійся къ уроку, обыкновенно, очень внимательно относится ко всѣмъ измѣненіямъ и принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію. Да и прочіе учащіеся, готовясь въ свою очередь, справятся и съдѣланными указаніями воспользуются при составленіи своихъ письменныхъ плановъ.

Весьма полезны и разборы пробныхъ уроковъ. Замѣчанія и разъясненія преподавателя и учителей школы, а равно и наблюденія самихъ учащихся помогаютъ освѣтить урокъ съ

равнообразныхъ сторонъ. Замѣчено, что и учащіяся очень внимательно относятся къ подобнымъ разборамъ. Это, между прочимъ, обнаруживается въ томъ, что всякій разъ при началѣ пробныхъ уроковъ, обыкновенно, много замѣчается недостатковъ, но потомъ становится ихъ все меньше и меньше.

Съ реформой теоретической и практической подготовки къ учительству должна стоять и коренная реформа въ положеніи образцовыхъ школъ при семинаріи. Существованіе этихъ школъ ясно показало и ихъ недостатки; и недостатки эти очень существенны. Но объ этомъ вопросѣ намъ, можетъ быть, удастся поговорить въ другой разъ.

Д. Брянцевъ.

1906 г. 20 января, г. Рига.

Возраженія Юма противъ тождественности личности и ихъ разборъ.

(Окончаніе *).

II.

При изложеніи возраженій Юма противъ тождественности личности мы намѣтили два главныхъ положенія, изъ которыхъ каждое въ свою очередь подтверждалось двумя частными; того же плана и порядка мы будемъ держаться и при разборѣ.

Какъ мы видѣли, Юмъ прежде всего направляетъ свои возраженія противъ признанія реальности того внутреннаго субъекта личности, который мы обозначаемъ словами „я“ или „самъ“. Безъ сомнѣнія, такая постановка лучше всякой другой соотвѣтствуетъ существу дѣла: личное тождество въ основаніи своемъ вседѣло покоится на томъ предположеніи, что существуетъ нѣкоторая основа нашей душевной жизни, которая именно и остается непрерывной и неизмѣнной. Понятно отсюда, что съ устраненіемъ такой основы сама собой уничтожается и тождественность личности. Итакъ, повторяемъ, путь избранный Юмомъ, вполне цѣлесообразенъ. Тѣмъ не менѣе остается возможнымъ вопросъ, насколько прочны и безспорны тѣ результаты, какихъ достигъ Юмъ, идя такимъ путемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ разборъ тѣхъ аргументовъ, которыми онъ подкрѣпляетъ свое отрицаніе реальности нашего „я“.

Первымъ изъ такихъ аргументовъ служило для Юма то соображеніе, что мы не находимъ въ себѣ никакого впечатлѣнія, которое бы могло произвести представленіе или идею на-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 5 за 1906 г.

шего „я“. Но можетъ ли имѣть здѣсь значеніе подобное соображеніе?

Какъ мы знаемъ, соображеніе это основывается на эмпирической теоріи познанія; и при его разсмотрѣніи естественно поэтому было-бы начать съ разсмотрѣнія этой теоріи. Однако мы находимъ возможнымъ не касаться ея здѣсь и по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что это слишкомъ бы удалило насъ отъ нашей *непосредственной* задачи, во-вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что существенные недостатки разсматриваемаго аргумента зависятъ не столько отъ теоріи познанія, которая служить для него основой, сколько отъ его внутренней несообразности. Утверждая, что должно быть специальное впечатлѣніе, производимое нашимъ „я“, другими словами,—что мы должны бы ощущать это „я“, если бы оно дѣйствительно существовало, Юмъ высказываетъ сужденіе, съ одной стороны, обнаруживающее слишкомъ поверхностный взглядъ на психическую жизнь, съ другой—стоящее въ противорѣчій съ самимъ собою.

Нельзя спорить противъ того, что наше „я“, наша духовная субстанція, недоступно нашему непосредственному воспріятію; всѣ попытки уловить его всегда оканчивались бы полной неудачей: мы будемъ постоянно наталкиваться лишь на какое нибудь специальное ощущеніе и никогда не найдемъ того, что называемъ своимъ „я“. Въ этомъ Юмъ совершенно правъ. Однако заключать отсюда, что такого „я“ или субстанціи нѣтъ вовсе, значитъ дѣлать слишкомъ поспѣшный выводъ и закрывать глаза на очевидные психическіе факты. Правда, наша внутренняя основа не дана намъ въ непосредственномъ воспріятіи, но у насъ есть другой путь къ ней, путь вывода. Существуетъ одинъ психическій фактъ, которому Юмъ, повидимому, не удѣлилъ должнаго вниманія, а который, между тѣмъ, въ данномъ случаѣ имѣетъ рѣшающее значеніе, это—фактъ единства нашего сознанія. Въ каждый данный моментъ, при всемъ различіи и разнообразіи нашихъ мыслей, впечатлѣній и чувствъ мы сознаемъ себя нераздѣльной единицей, единой личностью. Но откуда происходитъ это сознаніе? Что можетъ связывать наши различные состоянія въ одно цѣлое? Этотъ

вопросъ настолько естественъ и неизбеженъ, что и Юмъ не могъ обойти его совершеннымъ молчаніемъ; но отвѣтъ, который даетъ на него намъ философъ, обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всю бесплодность его полемики. „Я долженъ сознаться, говоритъ онъ въ заключеніи своего разсужденія о личномъ тождествѣ, что эта трудность слишкомъ не подь силу моему пониманію“. Но если такъ, то что сказать о гипотезѣ, которая берется установить новый истинный взглядъ на душевную жизнь и отказывается объяснить одну изъ ея главныхъ феноменовъ? А между тѣмъ единство сознанія станетъ для насъ фактомъ, вполне понятнымъ и объяснимымъ, какъ скоро мы признаемъ, что всѣ частныя состоянія нашего духа суть выраженія лежащей за ними единой и простой основы, хотя и не поддающейся нашему непосредственному воспріятію. Объединяющая дѣятельность сознанія и имѣетъ свой источникъ именно въ этомъ ея единствѣ и простотѣ. Вотъ почему Кантъ не безъ основанія назвалъ психическій синтезъ „слѣпой, хотя неизбежной функціей души“. И такъ, хотя мы не можемъ воспринять тѣ, что называемъ своимъ „я“ непосредственно, однако необходимо и вполне законно приходимъ къ признанію его существованія путемъ заключенія отъ фактовъ нашей душевной жизни, главнымъ образомъ—отъ факта единства нашего сознанія,—которые (факты) въ противномъ случаѣ должны остаться необъяснимыми.

Являясь, такимъ образомъ, несостоятельнымъ предъ данными психологін, рассматриваемый аргументъ Юма, сверхъ того, страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ.

Говоря о „я“ или о „самъ“, обыкновенно разумѣютъ подъ этими словами внутреннюю основу психическихъ явленій; не въ иномъ какомъ-либо смыслѣ употреблялъ ихъ и Юмъ. Но уже самое понятіе основы или субстанціи и ея явленій предполагаетъ, что послѣднія могутъ существовать лишь постольку, поскольку находятся въ связи съ первой, служатъ ея выраженіемъ. Отсюда ясно, что утверждать, будто мы должны были бы воспринимать или ощущать наше „я“, если бы оно существовало, значитъ утверждать нелѣпость. Актъ воспріятія требуетъ прежде всего, чтобы тѣ, что воспринимается, было выдѣлено изъ общаго содержанія

душевной жизни, стало отдѣльнымъ элементомъ сознанія, обособленнымъ отъ всѣхъ остальныхъ. Предположимъ теперь, что какимъ-нибудь образомъ наше „я“ сдѣлалось объектомъ воспріятія,— что въ такомъ случаѣ должно слѣдовать относительно прочихъ элементовъ душевной жизни? Они останутся, очевидно, за предѣлами нашего „я“, должны существовать вѣѣ и независимо отъ него и въ то же время быть его явленіями. Но это противорѣчитъ, какъ мы сказали, самому понятію явленія. Итакъ, и съ формальной стороны, обсуждаемый доводъ Юма оказывается недостаточнымъ.

Второй аргументъ, который, по мнѣнію Юма, говоритъ противъ признанія „я“, какъ субстрата психическихъ явленій, заимствуется имъ изъ опыта. По его наблюденію, наша душевная жизнь представляетъ изъ себя только рядъ воспріятій, совершенно самостоятельныхъ по отношенію другъ къ другу и не нуждающихся ни въ какомъ носителѣ. „Я“ или психическій субстратъ есть, слѣдовательно, ненужная фикція, не имѣющая никакого права на существованіе. Но и этотъ аргументъ страдаетъ такими же недостатками, какъ и первый, даже въ еще большей степени.

Такъ, что касается формальной стороны, то прежде всего представляется страннымъ, какъ могъ Юмъ, признавъ всѣ психическія явленія самостоятельными, оставить для нихъ терминъ—воспріятіе, перцепція? Воспріятіе, по самому понятію своему, предполагаетъ субъектъ воспринимающій, какъ явленіе, субстанцію или то, что является. Но разъ мы признаемъ такой субъектъ, о самостоятельности нашихъ воспріятій, очевидно, не можетъ быть и рѣчи: они будутъ только состояніями этого субъекта. Слѣдовательно, примѣненіе этого термина въ данномъ случаѣ или уничтожаетъ все значеніе аргумента, или не имѣетъ никакого смысла. Положимъ, однако, что употребленіе Юмомъ слова—воспріятіе—должно быть отнесено просто къ недостаточности у него болѣе подходящаго термина; остается еще недомѣніе, гораздо болѣе значительное. Юмъ разсматриваетъ нашъ духъ, какъ рядъ извѣстныхъ состояній сознанія (по его терминологіи—перцепцій). Но феноменальную жизнь духа образуютъ его состоянія, не только настоящія, но и про-

шедшія, воспоминаемыя нами, и будущія, ожидаемыя нами. При этомъ предполагается, что *духъ можетъ познавать и тѣ, и другія, и третьи*. Если же такъ, то нужно признать одно изъ двухъ: или духъ, наше „я“ есть нѣчто отдѣльное и отличное отъ ряда данныхъ или возможныхъ состояній, но это значитъ, другими словами, согласиться на существованіе духовной субстанціи, психическаго субстрата; или нужно допустить, что нѣчто, признанное за рядъ состояній, можетъ познавать себя, какъ такой рядъ,—получается странный парадоксъ.

Но окончательно теряетъ свое значеніе рассматриваемое доказательство предъ судомъ опыта, того самаго опыта, на который ссылается Юмъ. Съ перваго взгляда, дѣйствительно, можетъ показаться, что всѣ наши ощущенія, представленія и т. д.—самостоятельны и независимы другъ отъ друга; но это лишь поверхностный взглядъ на дѣло. Болѣе глубокое изслѣдованіе открываетъ между ними постоянную связь, при томъ на столько тѣсную, что она оказывается необходимымъ условіемъ самаго ихъ существованія. Взаимная зависимость частныхъ элементовъ душевной жизни особенно ясно выступаетъ въ такъ называемомъ законѣ отношенія. Согласно съ нимъ, какъ возникновеніе нашихъ ощущеній, такъ и ихъ качественныя различія зависятъ отъ такого или иного отношенія ихъ другъ къ другу. Всякое ощущеніе, чтобы вступить въ область нашего сознанія, должно предварительно вступить въ борбву съ уже данными здѣсь ощущеніями и преодолѣть ихъ; точно такъ-же и качество извѣстнаго ощущенія всегда опредѣляется качествомъ другого, ему предшествующаго или одновременнаго съ нимъ. Кромѣ того, существуютъ цѣлыя группы психическихъ явленій, обособленіе отдѣльныхъ элементовъ которыхъ возможно только въ абстракціи, но не въ дѣйствительности. Каждый познавательный актъ, напр., нераздѣльно содержитъ въ себѣ элементы и чувства и воли, равно какъ и волевой—элементы познанія и чувства. Все это—общепризнанныя истины психологій и всѣ онѣ ясно показываютъ, что отдѣльныя состоянія вашего духа никакъ не могутъ быть названы самостоятельными, еще менѣе—субстанціями, какъ ихъ называетъ Юмъ.

Слова Юма, что въ душевной жизни „все различно, и различаемо, и отдѣлимо другъ отъ друга и можетъ существовать отдѣльно“, если и могутъ имѣть нѣкоторую долю истины, то развѣ лишь въ примѣненіи къ особому состоянію душевной жизни, называемому *idée fixe*, но это состояніе, какъ извѣстно, служитъ признакомъ ея распадена и въ данномъ случаѣ, конечно, не можетъ быть принимаемо во вниманіе.

Если, такимъ образомъ, наши воспріятія совсѣмъ не представляютъ изъ себя какихъ-либо „самостоятельныхъ существованій“, что утверждалъ Юмъ, во сущь только мимолетныя явленія, взаимно обусловливающія другъ друга и тѣсно связанныя между собою, то теряетъ, очевидно, свое значеніе и та мысль Юма, что они „не имѣютъ нужды въ какой-либо вещи для опоры ихъ существованія“. Всегда возможенъ и вполнѣ законенъ вопросъ: „если душевная жизнь состоитъ только изъ явленій и не предполагаетъ ничего болѣе, то что должно разумѣть подъ этими послѣдними? Что значитъ явленіе, въ которомъ ничто не является? Какъ понять состояніе, которое никому не переживается? На эти вопросы у Юма не найдется отвѣта. Съ другой стороны, невозможно представить себѣ только что выясненныхъ нами взаимную связь и взаимодѣйствіе между частными элементами психической жизни безъ признанія особой внутренней силы, какъ ихъ носителя. Чтобы какое нибудь ощущеніе, напр., вступило въ извѣстное отношеніе съ другимъ, для этого нужно по крайней мѣрѣ, чтобы оба они принадлежали *мнѣ*: очевидно, невозможно никакое отношеніе между *моимъ* ощущеніемъ и ощущеніемъ *кого-нибудь* другого. Въ то же время совершенно ясно, что такихъ я не можетъ быть нѣсколько, но только одно недѣлимое; въ противномъ случаѣ связь между ощущеніями опять будетъ невозможна. Но что такое это я, какъ не реальный субстратъ той совокупности внутреннихъ фактовъ, которую мы называемъ психической жизнью? И нельзя думать, что субстратъ этотъ есть нѣчто, только воображаемое нами: въ реальности его непоколебимо убѣждаетъ насъ реальность связи между нашими различными состояніями.

Разсмотрѣнныя нами положенія, въ которыхъ отрицалось

существованіе души, какъ единой реальной основы психическихъ явленій, служили для Юма, какъ мы видѣли, посылками, изъ которыхъ вытекало заключеніе, неблагоприятное для защитниковъ тождественности личности. Но разъ эти посылки Юма оказались невѣрными, разъ реальность такой основы установлена, само собой теряетъ силу и заключеніе. Непосредственное сознаніе, такъ настоятельно свидѣтельствующее намъ о непрерывности и тождественности нашего „я“, снова получаетъ все свое значеніе. И нужно согласиться съ тѣми философами, съ которыми полемизируетъ Юмъ: фактъ тождественности не нуждается въ большемъ доказательствѣ; всѣ другія попытки въ этомъ родѣ могутъ скорѣе ослабить его очевидность, чѣмъ утвердить.

Юмъ, какъ мы знаемъ, не ограничивается только критикой тѣхъ истинъ, на которыхъ основывается наше понятіе о личномъ тождествѣ, но съ своей стороны предлагаетъ объясненіе, какимъ образомъ возникаетъ у насъ убѣжденіе въ тождественности нашей личности, это, по его мнѣнію, иллюзія? Ранѣе мы отмѣтили здѣсь у Юма прежде всего одну весьма важную особенность: при объясненіи онъ хочетъ имѣть въ виду только формальное тождество, касающееся нашихъ мыслей и представленій, полагая, что „въ нихъ именно—нашъ истинный субъектъ“. Но справедлива ли такая постановка дѣла? Несомнѣнно, что кромѣ тождества формальнаго, устанавливаемаго познавательнымъ путемъ, мы имѣемъ еще тождество реальное, въ образованіи котораго участвуютъ, главнымъ образомъ, чувство и воля. Каждый индивидуумъ имѣетъ свой прочный господствующій кругъ представленій и чувствованій, по которымъ онъ можетъ узнавать самъ себя и которыя постоянно и неизмѣнно сказываются во всѣхъ его желаніяхъ, поступкахъ и страстяхъ. И совершенно непонятно, почему Юмъ такъ рѣшительно игнорируетъ это тождество: для человѣка постоянство и тождество его реальнаго „я“ имѣетъ, безъ сомнѣнія, нисколько не меньшее значеніе, чѣмъ тождество его „я“—формальнаго. А между тѣмъ, если мы, согласно съ Юмомъ, признаемъ, что люди—„только пучекъ или коллекція различныхъ перцепцій, слѣдующихъ одна за другой съ непостижимой бы-

стротой и находящихся въ непрерывномъ движеніи“, то наше реальное тождество будетъ, очевидно, нуждаться въ объясненіи нисколько не менѣе, чѣмъ тождество формальное. Неизбѣжно является вопросъ: какъ можетъ при безконечномъ разнообразіи впечатлѣній, изъ которыхъ только и состоитъ, по Юму, нашъ духъ,—какъ можетъ сохраняться постоянство нашихъ внутреннихъ расположеній и мыслей? на чемъ оно держится? Давая объясненіе происхожденію одного лишь формальнаго тождества, Юмъ, очевидно, этотъ вопросъ оставляетъ безъ отвѣта.

Приписывая нашему „я“ непрерывное и неизмѣнное существованіе, мы допускаемъ, по мнѣнію Юма, одну главную ошибку: актъ, въ которомъ воспринимается нами только *последовательное существованіе* объектовъ, мы принимаемъ за актъ, въ которомъ воспринимается *дѣйствительное тождество*. Въ образованіи нашего убѣжденія въ тождественности личности имѣетъ мѣсто именно первый актъ, хотя обыкновенно мы думаемъ, что здѣсь участвуетъ послѣдній. Доказательства, которыя Юмъ приводитъ въ подтвержденіе этой своей главной мысли, какъ мы знаемъ,—двоякаго рода: во-первыхъ аналогія съ предметами внѣшняго міра, во вторыхъ соображенія, взятая непосредственно изъ области психологіи.

Что касается примѣровъ изъ внѣшняго опыта, которые, по мнѣнію Юма, представляютъ полную аналогію съ тѣмъ, что бываетъ при образованіи нашего понятія о личномъ тождествѣ, то мы не будемъ разбирать ихъ—каждый въ отдѣльности. Спросимъ только, законна ли такая аналогія? Аналогія съ внѣшнимъ міромъ при объясненіи явленій міра внутренняго есть пріемъ, которымъ любятъ пользоваться и въ весьма широкихъ размѣрахъ всѣ вообще сенсуалисты. При этомъ они оправдываютъ такой способъ умозаключенія тѣмъ, что внѣшніе предметы будто извѣстны намъ болѣе, чѣмъ внутренніе. Юмъ, такимъ образомъ, здѣсь вѣренъ своему направленію. Тѣмъ не менѣе, даже оставаясь въ предѣлахъ сенсуализма, можно показать, что подобное разсужденіе, а вмѣстѣ съ нимъ и пріемъ изслѣдованія, для котораго оно служитъ оправданіемъ, совершенно ошибочны. Каждому сенсуалисту, а въ томъ числѣ и Юму, хорошо извѣстно, что мы не знаемъ непосредственно

внѣшнихъ вещей, а знаемъ только впечатлѣнія, которыя онѣ производятъ на насъ. Но уже Локкъ, а затѣмъ Берклеи показали, что между нашими ощущеніями и ихъ объектами нѣтъ никакого сходства, что первыя—лишь субъективныя состоянія нашего духа, что, слѣдовательно, внѣ насъ нѣтъ ни свѣта, ни звука, ни цвѣтовъ, нѣтъ ни влности, ни вѣса. Наоборотъ, ясно, что себя самихъ мы можемъ знать непосредственно и не встрѣчаясь съ такими иллюзіями, какими на каждомъ шагу окружаетъ насъ внѣшній опытъ; здѣсь нѣтъ вужды въ тѣхъ посредствующихъ органахъ, которые производятъ тамъ постоянный, хотя и пріятный для насъ обманъ, нѣтъ поэтому и возможности настолько уклониться отъ истины. Отсюда съ полной очевидностью слѣдуетъ тотъ выводъ, что не себя мы должны познавать чрезъ внѣшній міръ, а, скорѣе, внѣшній міръ—чрезъ себя,—выводъ, совершенно уничтожающій юмовскій методъ. Такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ; это же именно, а не что другое, показываютъ и примѣры, приведенные Юмомъ. Въ дѣйствительности, конечно, никто ни на минуту не сомнѣвается, что большой дубъ, напр.,—вовсе не тотъ-же самый черенокъ, изъ котораго онъ выросъ; и однако, если мы приписываемъ тому и другому тождества, то дѣлаемъ это въ сущности потому, что бессознательно переносимъ на нихъ понятіе о нашемъ личномъ тождествѣ, пріобрѣтенное путемъ непосредственнаго сознанія. Подобнымъ же образомъ мы надѣляемъ внѣшніе предметы характеромъ субстанціальности, хотя видимъ въ нихъ только измѣнчивыя акциденціи. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что происхожденіе понятія о личномъ тождествѣ, какъ понятія коренного и первоначальнаго, далеко не представляетъ защищаемой Юмомъ параллели съ образованіемъ понятія о тождествѣ внѣшнихъ предметовъ, такъ какъ послѣднее (понятіе) есть производное по отношенію къ первому и обуславливается имъ. Слабость разсматриваемаго способа объясненія тождественности личности сознавалъ и самъ Юмъ, почему и обратился еще къ другому, болѣе оригинальному.

Тождество, разсуждаетъ Юмъ, не можетъ относиться къ нашимъ ощущеніямъ, въ противномъ случаѣ они утратили бы характеръ различія и обособленности т. е. потеряли бы самое

существенное. Нужно допустить поэтому, что тождество принадлежит нашимъ идеямъ и, если приписывается нами ощущеніямъ, то исключительно „ради соединенія ихъ идей въ воображеніи“. Въ отвѣтъ на вопросъ, какое-же именно соединеніе идей даетъ понятіе личнаго тождества, Юмъ указываетъ на ассоціацію сходства и причинности.

Первая мысль приведеннаго разсужденія, та именно, что тождество должно было бы уничтожить различіе и обособленность нашихъ ощущеній, если бы относилось къ нимъ, т. е. было реальнымъ, а не воображаемымъ только,—эта мысль прямо вытекаетъ изъ общаго взгляда Юма на душевную жизнь, какъ на совокупность совершенно самостоятельныхъ фактовъ или, по его выраженію, существованій. Съ этой точки зрѣнія различіе ощущеній, конечно, самое существенное въ нихъ. Но выше мы уже имѣли случай выяснитъ неправильность такого взгляда; мы старались тамъ показать, что душевная жизнь не есть механическое сложеніе отдѣльныхъ и обособленныхъ элементовъ, но единое органическое цѣлое. Но если такъ, то, значить, совершенно ошибочно утвержденіе Юма, что наши ощущенія абсолютно различны и обособлены, что различіе и обособленность—самое существенное въ нихъ: при всемъ своемъ *разнообразіи* они всегда носятъ *характеръ единства*, обусловливаемый единствомъ ихъ внутренней основы, нашего „я“. Но какъ не препятствуетъ нашимъ ощущеніямъ—быть разнообразными—единство ихъ внутренней основы, точно также, очевидно, не можетъ уничтожить ихъ разнообразіе и ея тождественность, всецѣло основывающаяся на единствѣ. Эту возможность естественно просмотрѣлъ Юмъ, обративъ вниманіе исключительно на различіе ощущеній,—за деревьями, такимъ образомъ, не увидѣвъ лѣса. Итакъ, вопреки утвержденію Юма, мы можемъ сказать, что нѣтъ нужды относить тождество личности только къ нашимъ идеямъ; оно равно простирается на всю душевную жизнь, выражаясь какъ въ идеяхъ, такъ и въ ощущеніяхъ. Уже по одному этому мы не можемъ принять и дальнѣйшаго положенія Юма, что личное тождество *создается ассоціаціями идей*. Но несостоятельность этого положенія станетъ для насъ.

еще очевидно, какъ скоро мы дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько справедливо представляетъ Юмъ дѣятельность ассоціаціи. Мы знаемъ, что душа, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ коллекція перцепцій; но согласно съ такимъ взглядомъ нужно допустить, что представленія или идеи ассоціируются, т. е. располагаются по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ отношеніямъ, сами собою или по какому-нибудь необъяснимому случаю. На самомъ же дѣлѣ, это—далеко не такъ: есть одно условіе, безъ котораго для насъ невозможно было бы воспринимать ассоціацію, какъ внутренней процессъ, это—апперцепція, непосредственно воспринимаемая нами, какъ внутренняя дѣятельность; отсюда уже мы переносимъ характеръ внутренней дѣятельности и на содержаніе того, что апперципируется вами. Всѣ представленія являются для насъ внутренними дѣятельностями, хотя мы и сознаемъ, что этотъ характеръ принадлежитъ лишь апперцепціи представленій. Апперцепція является для насъ *постоянною дѣятельностію*, ощущаемою нами независимо отъ содержанія представленій. *Безъ этой постоянной дѣятельности* между нашими представленіями не было бы никакой связи т. е. они не могли бы ассоціироваться между собою. Теперь спрашивается, чѣмъ можно иначе объяснить непрерывную дѣятельность апперцепціи, обуславливающую собой возможность *всякой* ассоціаціи, какъ не единствомъ и непрерывностью существа души? Но единство и непрерывность души уже заключаютъ въ себѣ понятіе ея тождества; такимъ образомъ, не тождество оказывается результатомъ ассоціаціи, какъ думалъ Юмъ, а скорѣе, наоборотъ, ассоціація—слѣдствіемъ тождества.

Въ виду несостоятельности общаго положенія, мы не станемъ входить въ разборъ тѣхъ частныхъ пунктовъ, въ коихъ оно развито Юмомъ. Для насъ теперь не имѣетъ уже значенія вопросъ можетъ ли та или другая ассоціація—сходства или причинности—создавать понятіе тождества, какъ скоро доказано, что *вообще* нельзя возлагать такой роли на ассоціацію.

Скажемъ въ заключеніе лишь нѣсколько словъ о памяти, которой Юмъ также удѣляетъ не мало значенія въ вопросъ о тождествѣ. Именно, память, по его выраженію, при дѣятельности ассоціаціи сходства создаетъ тождество, при дѣятель-

ности ассоціаціи причинности — открываетъ его. Но можно ли ей приписать подобное значеніе? Этотъ вопросъ ведетъ насъ къ двумъ другимъ: что такое память и на чемъ она основывается? На первый вопросъ Юмъ отвѣчалъ такъ, что „память есть способность вызывать образы бывшихъ ощущеній“, что же касается второго, то повидимому, онъ вовсе не затрогивалъ его. А между тѣмъ правильное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ здѣсь большую важность. Итакъ, на чемъ основывается память? Несомнѣнно, что она тѣсно соединена съ сознаниемъ. Основное свойство сознанія — способность къ соединенію ощущеній и представленій имѣетъ весьма большое значеніе въ процессѣ воспроизведенія представленій. Если у насъ отсутствуетъ въ данный моментъ эта способность, точнѣе — если сейчасъ у насъ нѣтъ известной ассоціаціи, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть воспроизведено и представленіе, когда либо существовавшее въ сознаніи. Какъ самая дѣятельность памяти находится въ тѣсной зависимости отъ состоянія сознанія, такъ и ея развитіе связано всегда съ его *непрерывностью*. Мы не помнимъ впечатлѣній нашего ранняго дѣтства потому именно, что сознаніе въ то время не обладаетъ такой устойчивостью, какъ впоследствии. Наши воспоминанія начинаются обыкновенно съ какого нибудь событія, имѣвшаго сильное вліяніе на наше *самосознаніе*, такъ или иначе служившаго къ его пробужденію, а самосознаніе и характеризуется именно *непрерывностью сознанія*. Но если, такимъ образомъ, и дѣятельность памяти и ея развитіе зависятъ отъ непрерывности нашего сознанія, то, спрашивается, какъ же можетъ она *создать* личное тождество? Непрерывность существованія есть главный признакъ тождественности: то, что однажды прекратило свое существованіе, хотя затѣмъ бы и возобновляло его, уже не можетъ быть тождественнымъ въ строгомъ смыслѣ слова. По всему этому скажутъ, что память *создаетъ* тождество, равняется выраженію: память, обуславливаясь непрерывностью сознанія, создаетъ эту непрерывность, — получается абсурдъ.

Правда, память напоминаетъ намъ о тождествѣ нашего „я“, но заключать отсюда, что она и создаетъ это тождество, нельзя. „Если, говоритъ Ридъ, моя память говоритъ мнѣ о

моемъ тождествѣ, то не она составляетъ его. Я дѣлаю или мыслю то, что дѣлаю или мыслю, все равно, напоминаетъ ли мнѣ память или нѣтъ. Сказать, что воспоминанія о дѣйствіи дѣлаютъ меня его творцомъ мнѣ кажется настолько-же нелѣпымъ, какъ сказать, что вѣрить въ сотвореніе міра значитъ сотворить его¹⁾.

При разборѣ возраженій Юма противъ тождественности личности выяснилось, что недостаточность его полемики, даже болѣе—самая возможность этой полемики обуславливалась поверхностностью психологическихъ познаній и взглядовъ автора. То же самое мы видимъ и въ той части его разсужденія, гдѣ онъ старается объяснить самое возникновеніе нашего убѣжденія въ тождественности личности, какъ своего рода иллюзіи. Можно сказать, что если бы Юму извѣстны были данныя современной психологіи, то онъ, вѣроятно, не написалъ бы этой части. Здѣсь именно главная причина его слабости, но здѣсь же и нѣкоторое для него оправданіе.

Леонидъ Барщевъ.

¹⁾ Фулье, Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ, 327.

По поводу библиографической замѣтки въ № 3 Церковной Газеты.

Въ № 3 недавно народившейся въ Харьковѣ „Церковной Газеты“ помѣщена библиографическая замѣтка г-на Е. Вишина по поводу вышедшаго въ прошломъ году отдѣльнымъ изданіемъ сочиненія извѣстнаго ученаго, проф. Мечникова „Этюды о природѣ человѣка“. Вотъ что читаемъ мы въ ней. „Работа Мечникова показываетъ, что наука въ своихъ настоящихъ прдставителяхъ не можетъ быть враждебна религіи. Мы увѣрены, что когда наше *оффиціальное богословіе* ¹⁾ страхнетъ съ себя ту плѣсень и вѣсковую пыль, которую наложила на него схоластика, оно иначе посмотритъ на науку и найдетъ въ ея выводахъ для себя драгоценныя доказательства истинны религіознаго ученія. Какихъ бы успѣховъ (ни) достигала наука, ея выводы не могутъ противорѣчить христіанству въ его сущности. Работа Мечникова лучшее тому доказательство“.

Я увѣренъ, что вы, читатель, прочитавъ эти строки, почувствуете не малое удовлетвореніе. Въ самомъ дѣлѣ, Мечниковъ вѣдь звѣзда первой величины, европейскій ученый: его работы переводятся на всѣ европейскіе языки; всякій его трудъ является цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу науки. И вотъ намъ говорятъ, что его работы въ области біологическихъ наукъ отнюдь не противорѣчатъ сущности христіанства, что напротивъ религія въ научныхъ выводахъ найдетъ драгоценныя доказательства своей истинности. Какъ не порадоваться? Вѣдь до сихъ поръ христіанству приходи-

¹⁾ Курсивъ автора.

лось вести борьбу съ разными представителями науки, въ особенности естествознанія. Если въ прежнее время Бюхнеры, Молешотты, Гартманы, Шопенгауеры и др. еще снисходили до того, чтобы критиковать христіанскія суевѣрія, доказывать абсурдность христіанскихъ догматовъ, то теперь даже этого не удостоиваютъ насъ. Съ религіей поконченъ вопросъ; борьба съ нею теперь признается ужъ бесполезной, ненужной: врагъ покоренъ и уничтоженъ. Такъ обстоитъ дѣло въ настоящее время.

И вдругъ намъ говорятъ: у васъ есть союзникъ, на котораго вы можете смѣло опираться. Союзникъ этотъ—извѣстный ученый естествоиспытатель Мечниковъ. Ясное дѣло, что мы въ восторгѣ. Давайте его намъ, мы готовы съ радостію принять его, мы будемъ благодарны ему за всякую даже ничтожную поддержку. Тѣмъ болѣе рады мы такому союзнику, что онъ приходитъ къ намъ изъ лагеря нашихъ противниковъ; стало быть, уже одно то обстоятельство, что онъ ихъ покинулъ, нанесло имъ нѣкоторый ущербъ, который для насъ является плюсомъ. Восторгъ нашъ вполне понятенъ.

Но... погодите радоваться. Всмотритесь хорошенько въ новаго союзника. Что онъ изъ себя представляетъ? Чего мы отъ него можемъ ожидать? А вотъ онъ кто такой. „Мечниковъ, говоритъ Вишинъ, вѣритъ *только въ науку* ¹⁾, завоевываетъ знанія только путемъ строго научнаго метода, а потому и въ вопросѣ о происхожденіи человѣка ученый долженъ признавать только тѣ положенія, которыя могутъ быть научно доказаны“. Яснѣе говоря, Мечниковъ въ вопросѣ о происхожденіи человѣка держится гипотезы Дарвина. „Невозможно, говоритъ онъ, болѣе сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ является животнымъ, относящимся къ группѣ приматовъ и тѣсно связаннымъ съ высшими обезьянами нашего времени. Человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ необыкновенное дитя человекообразныхъ обезьянъ,—дитя, родившееся съ гораздо болѣе развитымъ мозгомъ и умомъ, чѣмъ у его родителей... Какая-нибудь человекообразная обезьяна, въ періодъ измѣняемости специфическихъ свойствъ своихъ, породила дѣтей,

¹⁾ Курсивъ автора.

снабженныхъ новыми призваками“. („Научное Слово“, 1903 г., кн. VI).

Не правда ли, читатель, вы теперь чувствуете себя нѣсколько сконфуженнымъ? Хорошо, думаете вы, союзникъ! Хороша поддержка христіанству! Однако, къ чему же тогда такая мистификація со стороны г-на Вишина? Къ чему увѣрять, что Мечниковъ можетъ быть союзникомъ христіанскаго богословія, что его работы—драгоценное доказательство истинности христіанской религіи? Пошутить вздумалъ г-нъ Вишинъ, что-ли? Ничуть не бывало. Онъ говоритъ вполне серьезно и увѣренъ въ томъ, что говоритъ. Только дѣло въ томъ, что самъ г-нъ Вишинъ держится нѣсколько странныхъ взглядовъ на христіанское богословіе, на догматы христіанской религіи. Не угодно ли послушать его разсужденія. Что ученый расходится съ библіей въ вопросѣ о происхожденіи человѣка, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: „ученый признаетъ только тѣ положенія, которыя могутъ быть научно доказаны. Разсказъ бытописателя о твореніи человѣка есть въ сущности *обожествленіе человечества* ¹⁾, созданное усиліями одного изъ самыхъ религіозныхъ народовъ исторіи—евреевъ и обработанное гениемъ одного изъ самыхъ сильныхъ его представителей—Моисея. Зато въ другихъ своихъ положеніяхъ Мечниковъ какъ бы повторяетъ и разъясняетъ Моисея, хотя приходитъ къ этимъ выводамъ не путемъ религіознаго мышленія, а путемъ критическаго изслѣдованія явленій жизни“.

Отлично! послушаемъ же авторитетнаго комментатора Библіи!

„Жизнь человечества свихнулась на полдорогѣ“, говоритъ Мечниковъ. „Человѣкъ созданъ былъ совершеннымъ, добрымъ въ нравственномъ отношеніи, бессмертнымъ, предназначеннымъ для счастья, поставленъ въ самыя лучшія условія земной жизни. Но человѣкъ согрѣшилъ, внесъ въ свою природу ядъ нравственныхъ пороковъ, навлекъ на себя „проклятіе Божіе“, лишился физическаго бессмертія, сталъ во враждебныя отношенія къ окружающей природѣ—словомъ, пережилъ ужасную

¹⁾ Курсивъ автора.

катастрофу, которая до основанія извратила его жизнь, говорить Моисей. Разница между Моисеемъ и Мечниковымъ только въ силѣ и способѣ выраженія“. Вотъ первый пунктъ, въ которомъ, по мнѣнію г-на Вишина, сходятся Мечниковъ и Моисей.

Вы недоумѣваете, читатель? Вы затрудняетесь видѣть сходство? Я и самъ въ затрудненіи. Намъ говорятъ, что въ этомъ пунктѣ бытописатель Моисей и проф. Мечниковъ вполне сходятся. Но позвольте! Гдѣ же оно, это сходство? Что хочетъ сказать Мечниковъ словами: „человѣческая жизнь свихнулась на подорогѣ“? Подъ этимъ выраженіемъ онъ понимаетъ, по видимому, несовершенства физической природы человѣка: дефекты въ строеніи различныхъ органовъ тѣла, совершенно бесполезные и даже вредные органы, въ родѣ отростка слѣпой кишки, зубовъ мудрости и т. п. Всѣ такіе дефекты въ физической природѣ человѣка являются причинами болѣзней, преждевременной старости, страданій. „Сущность человѣческихъ бѣдствій именно заложена въ природѣ человѣка“. И Моисей говоритъ, что грѣхъ первыхъ людей испортилъ и физическую природу человѣка, сдѣлалъ человѣка доступнымъ болѣзнямъ и смерти. Въ этомъ и только въ этомъ сходство. Но какая огромная затѣмъ разница между ученымъ и Моисеемъ! По мнѣнію первого, физическая природа человѣка дисгармонична, изначала, человѣкъ никогда не былъ физически совершеннымъ, а тѣмъ болѣе бессмертнымъ; по мнѣнію второго, человѣкъ вначалѣ обладалъ физическимъ совершенствомъ и бессмертіемъ и лишился этого совершенства и бессмертія по причинѣ грѣхонаденія. Бытописатель Моисей смотритъ на дисгармонію въ физической природѣ человѣка, какъ на наказаніе Божіе за грѣхъ первыхъ людей; ученый ничего не хочетъ знать о Богѣ и говоритъ, что дисгармонія—неизбѣжное слѣдствіе происхожденія человѣка отъ низшаго животнаго: отъ своихъ предковъ—низшихъ животныхъ человѣкъ унаслѣдовалъ нѣкоторые органы, вредные для человѣка, хотя эти органы были полезны его предкамъ, каковы, напр., слѣпая и толстая кишка, зубы мудрости, волосы покрывающіе кожу и др. Итакъ, ученый и Моисей рассматри-

ваютъ одинъ и тотъ же фактъ—несовершенство физической природы человѣка. Но какая разница во взглядѣ на сущность факта, на его происхожденіе и причины!

Г-нъ Вишинъ находитъ и другое сходство между Моисеемъ и Мечниковымъ.

„Человѣческое существованіе, какимъ оно является на основаніи наличной природы человѣка, можетъ радикально измѣниться, если бы удалось измѣнить эту природу. (Мечниковъ). Конечно, Мечниковъ говоритъ о физической природѣ человѣка. Моисей, какъ мыслитель только религіозный, говоритъ объ измѣненіи духовной природы человѣка. Хотя грѣхопадениемъ человѣкъ обезсилилъ свою духовную природу и лишился физическаго безсмертія, но благодаря усиліямъ воли онъ можетъ вернуть себѣ богоподобіе, можетъ бороться со грѣхомъ и въ концѣ многолѣтнихъ усилій возвратитъ себѣ не только духовное, но и физическое безсмертіе. Тема физическаго безсмертія, какъ результатъ побѣды надъ грѣхомъ, развита подробно въ Новомъ Завѣтѣ въ ученіи Іисуса Христа о воскресеніи мертвыхъ. Но ея зародышъ несомнѣнно въ ученіи Моисея“.

Вотъ этотъ второй пунктъ сходства! Тутъ ужъ намъ остается только руками развести. Если бы намъ предложили отыскать и указать сходство между Пифагоровой таблицей умноженія и стеариновой свѣчкой, мы не были бы въ большемъ затрудненіи. Мы сказали бы, что Пифагорова таблица можетъ служить средствомъ къ укрѣпленію памяти ребенка, что хорошая память—условіе успѣшности умственнаго развитія, что слѣдовательно, таблица умноженія имѣетъ очень близкое отношеніе къ умственному развитію. О стеариновой свѣчкѣ мы могли бы сказать, что она является однимъ изъ способовъ освѣщенія нашихъ жилищъ, что безъ искусственныхъ средствъ освѣщенія мы потеряли бы нѣсколько часовъ въ сутки, не имѣя возможности ни читать, ни писать въ темнотѣ, отсюда вывели бы заключеніе, подобное предыдущему. Итакъ, между пифагоровой таблицей и стеариновой свѣчкой можно найти нѣкоторое, хотя и довольно отдаленное сходство. Но воля ваша, такого сходства рѣшительно не оказывается между

Моисеемъ и Мечниковымъ въ вопросѣ о выходѣ изъ того ненормальнаго положенія, въ какомъ очутился человѣкъ вслѣдствіе дисгармоніи его физической природы. Дѣло вѣдь въ томъ, отчего произошла эта дисгармонія. Она естественна и неизбежна, говоритъ Мечниковъ, она глубоко заложена въ физическую природу человѣка. Если бы удалось измѣнить эту природу, то и человѣческое существованіе могло бы радикально измѣниться: человѣкъ медленно и плавно приближался бы къ старости, которая не была бы болѣзненной, а была бы нормальнымъ фізіологическимъ процессомъ и привела бы къ *настоящему естественному концу, который долженъ быть глубоко заложенъ въ нашей природѣ* ¹⁾. Вотъ выходъ, указываемый ученымъ.

То ли у Моисея? Ровно ничего подобнаго. Ненормальность физической природы человѣка есть слѣдствіе нравственной порчи, слѣдствіе грѣха. Слѣдовательно, выходъ изъ ненормальнаго положенія можетъ дать борьба со грѣхомъ, побѣда надъ грѣхомъ и діаволомъ, примиреніе съ Богомъ, восстановленіе нарушеннаго союза съ Нимъ. Человѣкъ собственными силами не въ состояніи былъ восстановить этотъ нарушенный союзъ съ Богомъ, для этого нужна была помощь со стороны Бога, понадобилась искупительная жертва, принесенная Сыномъ Божиимъ. Таково ученіе христіанской религіи, зачатокъ котораго, какъ справедливо замѣчаетъ г-нъ Вишинъ, можно найти у Моисея. Какъ конечный результатъ искупительной жертвы и примиренія человѣка съ Богомъ, является, по христіанскому вѣроученію, всеобщее *воскресеніе людей, воскресеніе съ тѣломъ для новой вѣчной жизни* ²⁾.

То ли это, о чемъ мечтаетъ ученый? Не кажется ли вамъ страннымъ даже самый вопросъ о сходствѣ? Въ самомъ дѣлѣ, самое большее, о чемъ осмѣливается мечтать ученый,—это естественный, неизбежный конецъ личнаго существованія послѣ достаточно продолжительной и безболѣзненной жизни. Вотъ и все. Дальше мечты не позволительны. Настоящая наша земная жизнь только приготовленіе къ другой—блаженной и вѣчной—

1) Курсивъ нашъ.

2) Курсивъ нашъ.

вотъ чаяніе христіанина! Между небомъ и землею, бѣлымъ и чернымъ, сладкимъ и горькимъ не больше различія, чѣмъ между ученіемъ христіанства и мечтаніями ученаго.

Мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ такъ хлопочетъ г-нъ Вишинъ о примиреніи непримиримаго, христіанскаго вѣроученія съ эволюціонной Дарвино-Мечниковской теоріей. Онъ говоритъ, что „Дарвиновская теорія стоитъ пока нерушима, а богословскія доказательства ея несостоятельности давнымъ давно сданы въ архивъ“. Едвали это такъ. Уже одно то обстоятельство, что Мечниковъ и К^о стараются придумывать все новыя и новыя доказательства истинности „несокрушимой“ теоріи, страстно цѣпляются за всякій фактъ, который можно было бы истолковать въ пользу теоріи, уже одно это обстоятельство довольно подозрительно. Тотъ, кто сознаетъ себя дѣйствительно сильнымъ, не станетъ горячиться и суетиться такъ, какъ засуетился. напр., Геккель въ 1894 году, когда на о. Явѣ были открыты остатки обезьянополобнаго творенія. Геккель тотчасъ призналъ въ немъ „недостающій членъ“ между обезьяною и человѣкомъ и назвалъ его „прямоходящимъ обезьяной—человѣкомъ“. Что же оказалось? Оказалось, что открыто было всего на всего вотъ что: черепъ, одна бедровая кость и коренной зубъ. Мало того, кости эти найдены въ окружности 15 метровъ. Изъ послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ, что кости могли принадлежать и не одному животному. Вотъ первое, на что долженъ былъ, но не захотѣлъ обратить вниманія ученый изслѣдователь. Затѣмъ нужно было сдѣлать точное изслѣдованіе найденныхъ костей. И это не было сдѣлано Геккелемъ. Впослѣдствіи же, когда специалисты Вирховъ и Ранке произвели точное изслѣдованіе найденнаго черепа, то онъ оказался чисто обезьяньимъ. Неудивительно поэтому, что Мечниковъ по поводу этого открытія, которое такъ обрадовало Геккеля, скромно замѣчаетъ: „такъ какъ данныя для вывода заключенія о томъ, что найденное животное есть промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной, еще слишкомъ несовершенны и противорѣчивы, то мы не воспользуемся ими для подтвержденія защищаемаго нами положенія“—о происхожденіи человѣка отъ обезьяны.

Но допустимъ на минуту, что мы приняли Дарвино-Мечниковскую теорію и отказались отъ библейскаго ученія о происхожденіи человѣка и отъ христіанскихъ чаяній будущей жизни. (Мы должны будемъ отказаться отъ этого, ибо о соглашеніи Мечникова съ Моисеемъ, Дарвинизма съ христіанствомъ, какъ мы только что видѣли, и рѣчи не можетъ быть). Итакъ, мы приняли Дарвино-Мечниковскую теорію. Что мы выиграемъ отъ этого? О, многое! Во-первыхъ, наше родословное дерево увеличилось весьма значительно. Мы можемъ теперь вести свою родословную не отъ Адама, а отъ чимпанзе или гориллы, которая за тысячелѣтія до Адама породила геніальныхъ дѣтей, ставшихъ нашими родоначальниками. Чего-нибудь да стоитъ такая древность рода! Ну, а взамѣнъ химерическихъ надеждъ на вѣчную жизнь за гробомъ мы можемъ мечтать вотъ о чемъ. Наука открываетъ все новыя и новыя средства борьбы съ болѣзнями. Быть можетъ, ей въ концѣ концовъ удастся настолько видоизмѣнить физическую нашу природу, что мы вовсе не будемъ знать болѣзней; мы тогда спокойно и плавно будемъ приближаться къ старости и достигнемъ наконецъ неизбѣжнаго конца—смерти, которая явится для насъ желаннымъ отдыхомъ.

Что вы скажете на это, читатель? Васъ не прельщаютъ эти обѣщанія? Боюсь, что да. Боюсь, что усилія г-на Вишина останутся безуспѣшными. Вы не измѣните христіанскимъ идеаламъ, „дерзкихъ“ надеждъ на безконечное существованіе за гробомъ, вы не промѣняете на то мѣщанское счастье, какое предлагаетъ вамъ Мечниковъ; васъ не удовлетворитъ его идеаль.

И не только насъ, вѣрующихъ, этотъ идеаль не удовлетворитъ. Онъ не удовлетворяетъ и людей другого лагеря, людей, лишенныхъ счастья вѣрить. Прислушайтесь къ голосамъ современныхъ ученыхъ, философовъ, поэтовъ, стоящихъ на высотѣ научнаго міропониманія, ищущихъ отвѣта на вопросъ о цѣли и смыслѣ жизни,—и вы содрогнетесь предъ безпросвѣтнымъ отчаяніемъ, которое терзаетъ, мучитъ ихъ и которому конца не видно.

Вотъ какой отвѣтъ на вопросъ, что такое жизнь, находимъ.

въ Дневникѣ Аміэля. „Появиться, блеснуть, исчезнуть, родиться, страдать, умирать: не въ этомъ ли вкратцѣ жизнь мотылька, человѣка, народа, планеты? Жизнь есть лишь тѣнь дыма, жестъ въ пустынѣ, іероглифъ, начертанный на одно мгновеніе на пескѣ и сметенный порывомъ вѣтра въ слѣдующее мгновеніе, воздушный пузырь, поднимающійся и лопающійся на великомъ потокѣ быванія, призракъ, суета, ничтожество“. „Болѣе умѣлое пользованіе природой и точное о ней знаніе—вотъ (говоритъ Бурже) несомнѣнное благодѣяніе науки; но какъ дорого оно оплачено, если справедливо, что философскій нигилизмъ долженъ въ концѣ завершить это гигантское усиліе изслѣдованія безъ возможнаго заключенія! Прижатая въ настоящее время къ непознаваемому, вынужденная признать свою методу неспособной когда бы то ни было разоблачить причины за явленіями и сущность за свойствами, какую пищу приносить душѣ эта наука, если не хлѣбъ горечи и не напитокъ смерти? Развивая до крайности въ современномъ человѣкѣ духъ эксперимента и критики, она сдѣлала вѣру въ сверхъестественное почти невозможной для безчисленнаго легіона среднихъ умовъ, изъ которыхъ слагается такъ называемое національное сознаніе. Отсюда какое уменьшеніе идеала въ современной Европѣ! Какая шаткость въ убѣжденіяхъ и, какъ необходимое ея слѣдствіе, какая зыбкая слабость воли! Какое оскудѣніе характера, какое разстройство энергіи, какія нравственныя болѣзни, непрестанно возрождающіяся и все болѣе плодотворныя осложненіями въ послѣдніе годы девятнадцатаго вѣка, столь жаждавшаго благоденствія!“

Гдѣ же искать смысла жизни? На чемъ остановиться? Живи, говорятъ, для прогресса. Но чтобы жить для прогресса, нужно въ него вѣровать, вѣровать, что когда-то наступитъ золотой вѣкъ. „Этотъ столь вождельный золотой вѣкъ язычники полагали до начала времени, христіане стали отодвигать на конецъ времени, а теперешніе социалисты мечтаютъ насадить его во времени. Все это жалкія иллюзіи. Есть только одно безусловное счастье—въ полномъ уничтоженіи“. (Э. Золя, Плодovitость). „И развѣ я не знаю, что если бы и былъ прогрессъ, то онъ, какъ все остальное, долженъ придти къ концу, и наша

культура рано или поздно погибнетъ во всепоглощающей пропасти. О чемъ же стараться и ратовать? (Родъ, Смыслъ жизни). „Пытаясь заглянуть въ будущее, мы узнаемъ, что по истеченіи извѣстнаго періода энергія нашей солнечной системы изсякнетъ, сіяніе солнца померкнетъ и земля, холодная и безжизненная, не будетъ болѣе носить на себѣ росу, на мгновеніе нарушившую ея пустынное одиночество. Человѣкъ сойдетъ въ могилу и всѣ мысли его погибнутъ. „Нетлѣнные памятники“ и „безсмертныя дѣянія“, даже самая смерть, и любовь, которая сильнѣе смерти, исчезнутъ такъ же безслѣдно, какъ если бы онѣ совсѣмъ не существовали. И ничто изъ того, что существуетъ, не станетъ ни лучше, ни хуже отъ всего того, что трудъ, гений, самоотверженіе и страданія человѣка старались осуществить въ теченіе безчисленнаго ряда поколѣній“. (Бальфуръ, Основанія вѣры).

Итакъ, наука, оторванная отъ религіи, враждебная ей, по признанію самихъ жрецовъ науки, философовъ и поэтовъ, черпающихъ свои идеалы изъ ея сокровищницы, приводитъ къ горькому разочарованію; она оказывается не въ состояніи указать смыслъ и цѣли жизни, которая представляется поэтому жалкой и безсмысленной.— Жизнь станетъ болѣе продолжительной, чѣмъ въ настоящее время, говоритъ Мечниковъ, старость будетъ безболѣзненной, смерть—желаннымъ отдыхомъ.— Да смыслъ то какой во всемъ этомъ? отвѣчаютъ ему его же коллеги. Если кратковременная жизнь безсмысленна, то не станетъ она разумной оттого, что удвоится и даже утроится; конецъ останется все тотъ же—смерть, полное уничтоженіе личнаго существованія,—конецъ пелѣный, безтолковый.

Нѣтъ, ужъ мы лучше подождемъ разрывать съ богословіемъ, покрытымъ, по выраженію г-на Вишина, „плѣсенью и вѣковою пылью, которую наложила на него схоластика“, ибо то, что предлагаютъ намъ взамѣнъ богословія, насъ мало прельщаетъ. Мы видимъ, что люди, лишеныя вѣры, очутились, по ихъ собственному признанію, на краю зіяющей пропасти и не знаютъ, гдѣ найти выходъ; не только не знаютъ, но увѣрены въ томъ, что такого выхода не существуетъ вовсе; ихъ спасти

поэтому невозможно, они погибли. Мы не можемъ желать очутиться въ ихъ положеніи.

„Цѣловать дорогихъ сердцу мертвыхъ, говорить себѣ, что съ ними вновь встрѣтишься, будешь жить среди лучезарнаго безсмертія, быть увѣреннымъ въ верховной справедливости, чтобы выносить проклятіе земного существованія, убивать такимъ образомъ ужасную мысль объ уничтоженіи, ускользать отъ страха передъ исчезновеніемъ моего я, и успокоиваться, наконецъ, въ непоколебимой вѣрѣ, которая отлагаетъ на другой день послѣ смерти счастливое рѣшеніе всѣхъ загадокъ судьбы! Это—мечта, но народы будутъ мечтать ее еще долго. Здѣсь объясненіе того, какимъ образомъ въ концѣ этого вѣка, вслѣдствіе переутомленія умовъ, а также вслѣдствіе глубокаго потрясенія, въ которомъ находится человѣчество, чреватое грядущимъ міромъ, пробудилось религіозное чувство, безпокойное, мучимое идеаломъ и безконечностью, требующее нравственнаго закона и увѣренности въ высшей справедливости. Религіи могутъ исчезать, религіозное чувство создастъ новыя, даже и при наукѣ“. (Э. Золя, Лурдъ). Вотъ вопль отчаянія, вопль человѣка, утратившаго христіанскій идеаль, который одинъ только и можетъ помочь осмыслить наше земное существованіе.

Священникъ Н. Липскій.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Марта № 6 1906 года.

Содержаніе. I Высочайшая награда. — Высочайше утвержденныя 7-го марта 1906 года Правила о порядкѣ избранія Святѣйшимъ Синодомъ членовъ Государственнаго Совѣта (ст. 4 Полож. о Госуд. Св. С. — Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. — Епархіальныя извѣщенія.

I.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 25-го минувшаго февраля, на награжденіе, за 50-лѣтнюю службу церкви Божіей, золотую медалью, съ надписью „за усердіе“, для пощенія на шею на Аннинской лентѣ, псаломщика Крестовоздвиженской церкви города Изюма *Василія Алексѣева*.

Высочайше утвержденныя 7-го марта 1906 года Правила о порядкѣ избранія Святѣйшимъ Синодомъ членовъ Государственнаго Совѣта (ст. 4 Полож. о Госуд. Сов.).

1) Члены Государственнаго Совѣта отъ духовенства Православной Россійской Церкви избираются Святѣйшимъ Синодомъ изъ числа кандидатовъ, указанныхъ епархіальными преосвященными и избранныхъ епархіальнымъ духовенствомъ.

2) Каждый епархіальный епископъ указываетъ изъ числа епископовъ или другихъ монашествующихъ лицъ Православной Россійской Церкви трехъ кандидатовъ на замѣщеніе должности членовъ Государственнаго Совѣта, не ограничиваясь предѣлами подвѣдомственной ему епархіи.

3) Епархіальное духовенство производитъ выборы кандидатовъ на благочинническихъ съѣздахъ изъ числа штатныхъ священнослужителей своей епархіи, по одному на каждомъ благочинническомъ съѣздѣ, не ограничиваясь въ выборѣ такого лица предѣлами своего благочинія.

4) Въ случаѣ, если на благочинническомъ създѣ не послѣдуетъ единодушнаго избранія кандидата, то производится закрытая баллотировка, причемъ считается избраннымъ лицо, получившее большинство голосовъ, или, при равенствѣ большинства голосовъ, — всѣ получившіе таковое большинство, о чемъ и составляется избирательный актъ за подписомъ всѣхъ присутствовавшихъ на създѣ.

5) По полученіи представленій объ избранныхъ на благочинническихъ създахъ кандидатахъ и по провѣркѣ, подъ надзоромъ самихъ епархіальныхъ преосвященныхъ, избирательныхъ актовъ, опредѣляется кандидатъ, получившій наибольшее число голосовъ по всей епархіи въ совокупности, или, при равенствѣ большинства голосовъ, — всѣ такіе кандидаты.

6) О получившемъ по епархіи большинство голосовъ или о получившихъ равное большинство кандидатахъ изъ блага духовенства епархіальный преосвященный доноситъ Святѣйшему Синоду съ представленіемъ и намѣченныхъ самимъ преосвященнымъ трехъ кандидатовъ изъ монастырскаго духовенства.

7) Изъ числа указанныхъ преосвященными кандидатовъ Святѣйшимъ Синодомъ признаются избранными въ члены Государственнаго Совѣта три лица, получившія наибольшее число голосовъ преосвященныхъ; изъ числа же кандидатовъ блага духовенства Святѣйшій Синодъ избираетъ трехъ членовъ Государственнаго Совѣта, съ выборомъ и трехъ къ нимъ замѣстителей.

8) Настоящія правила принимаются къ руководству при выборахъ въ семь 1906 году и должны подлежать пересмотру и представленію вновь на утвержденіе Его Императорскому Величеству для выборовъ послѣдующихъ.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода:

(О порядкѣ выборовъ членовъ Государственнаго Совѣта отъ духовенства).

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложеніе товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода съ Высочайше утвержденными 7 сего марта правилами выбора членовъ Государственнаго Совѣта отъ духовенства, для руководства при первыхъ выборахъ. Приказали: статьей 4 отдѣла 1 Высочайшаго Указа Правительствующаго Сенату, отъ 20 февраля сего года, предоставлено Святѣйшему Синоду избрать.

отъ духовенства Православной Россійской Церкви членовъ Государственнаго Совѣта, на основаніи порядка, Синодомъ опредѣляемаго и нынѣ получившаго Его Императорскаго Величества утвержденіе. Препроводя при семъ правила, сей порядокъ устанавливаюція, Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ преподать нижеслѣдующія общія указанія для правильного пониманія и руководства смы правилами: Высочайшею волею даровано право духовенству господствующей въ Имперіи церкви, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, участія въ Государственномъ Совѣтѣ. Это право не можетъ быть почитаемо и разсматриваемо только какъ право, принадлежащее духовенству, какъ одному изъ существующихъ въ государствѣ сословій, а какъ преимущество, предоставленное священнослужителямъ именно господствующей церкви. Это явствуетъ изъ того, во-1-хъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ не имѣетъ представителей никакое иное духовенство, кромѣ духовенства православной церкви, и, во-2-хъ, изъ того, что ихъ избраніе предоставлено высшей церковной власти. Посему и способъ избранія кандидатовъ, принятый Святѣйшимъ Синодомъ и удостоившійся Высочайшаго утвержденія, нѣсколько отличенъ отъ общаго порядка, обыкновенно соблюдаемаго въ гражданскихъ законахъ. Это отличие выражается прежде всего въ томъ, что всякія избранія въ церкви, въ основѣ и въ принципѣ должны быть избраніями единодушными, что и ставится, какъ главное основаніе въ ст. 4 правилъ. И только въ случаѣ невозможности достигнуть этого единодушія устанавливается порядокъ баллотировки и счета голосовъ. Равнымъ образомъ право, предоставленное епископамъ, намѣтить трехъ кандидатовъ въ Государственный Совѣтъ изъ монашествующаго духовенства не только не исключаетъ, но и предполагаетъ предварительное сужденіе о сихъ кандидатахъ съ тѣми лицами монашескаго и даже бѣлаго духовенства, мнѣніе которыхъ представляется особенно цѣннымъ въ данной епархіи, дабы кандидаты, представленные преосвященными, были дѣйствительнымъ выраженіемъ ихъ сознательнаго выбора послѣ всяческаго обсужденія и испытанія. Святѣйшій Синодъ не сомнѣвается, что духовенство на благочинническихъ собраніяхъ, зная хорошо лучшихъ и выдающихся священнослужителей своей епархіи, конечно, далеко не всегда будетъ прибѣгать къ необходимости производить баллотировку, а будетъ единодушно указывать на достойнѣйшаго пастыря. Къ выборамъ кандидатовъ какъ преосвященными, такъ и на благочинническихъ собраніяхъ, слѣдуетъ относиться съ глубокимъ вниманіемъ, помня всю важность того дѣла, которое можетъ выпасть на долю избираемыхъ, и ту отвѣтственность, которая можетъ пасть на избирателей при нѣсколько неосмотрительномъ отношеніи къ сему важному дѣлу. Кандидаты должны обладать способностью быть дѣтельными, полезными и авторитетными

членами высокаго законодательнаго учрежденія. Настоящія правила преподаются въ избраніе членовъ Государственнаго Совѣта лишь для перваго раза, дабы опытъ могъ показать, какія исправленія въ этомъ порядкѣ надлежатъ сдѣлать для выборовъ будущихъ. Надлежитъ имѣть также въ виду, что Святѣйшій Синодъ остановился именно на предложенномъ способѣ указанія духовенствомъ кандидатовъ, а не на какомъ-либо иномъ, быть можетъ, и болѣе совершенномъ, вслѣдствіе чрезвычайной краткости срока, остающагося до созыва Государственнаго Совѣта. Высшая церковная власть, на обязанность коей выпадаетъ избраніе въ члены Государственнаго Совѣта, признавала правильнымъ и въ этотъ краткій срокъ, безъ возможныхъ замѣшательствъ, услышать голосъ самого духовенства относительно признаваемыхъ имъ за лучшихъ и излюбленныхъ собратій своихъ на сіе важное дѣло. Сверхъ всего Святѣйшій Синодъ призналъ нужнымъ указать: 1) по полученіи настоящихъ правилъ преосвященные должны немедленно распорядиться о созывѣ благочинническихъ съѣздовъ, которые по мѣстнымъ удобствамъ могутъ быть назначены и въ разное время. 2) Объ избранномъ въ благочинническомъ округѣ кандидатѣ благочинный представляетъ епархіальному преосвященному съ указаніемъ количества голосовъ, полученныхъ избранникомъ и съ приложеніемъ всего выборнаго производства. Пакеты отъ благочинныхъ, относящіеся къ выборамъ, вскрываются въ присутствіи преосвященныхъ или, по ихъ порученію, викарныхъ епископовъ и, подъ ихъ надзоромъ, производится подсчетъ голосовъ. 3) Подсчетъ голосовъ, полученныхъ каждымъ намѣченнымъ на отдѣльномъ благочинническомъ съѣздѣ кандидатомъ, когда списки сихъ кандидатовъ будутъ доставлены преосвященнымъ (п. 2) для выбора окончательнаго кандидата по епархіи, производится слѣдующимъ образомъ: всѣмъ кандидатамъ, выбраннымъ въ каждомъ благочиніи, составляется особый списокъ; противъ имени каждаго проставляется все число голосовъ, которое оказалось въ пользу даннаго кандидата, причемъ не дѣлается отличія, составляется ли эта цифра изъ голосовъ поданныхъ въ одномъ благочинническомъ съѣздѣ, или изъ голосовъ, полученныхъ кандидатомъ на разныхъ благочинническихъ съѣздахъ. Такъ, напримѣръ, лицо, получившее 20 голосовъ только въ одномъ благочиніи и не имѣвшее вовсе избирательныхъ голосовъ въ другихъ благочиніяхъ, будетъ одинаково числиться имѣющимъ 20 голосовъ, какъ и лицо, получившее, напримѣръ, въ четырехъ благочиніяхъ по пяти голосовъ. При единодушномъ избраніи указывается число голосовъ, равное всѣмъ присутствующимъ на съѣздѣ. 4) Получившій или получившіе (въ случаѣ равенства голосовъ) такимъ образомъ большинство голосовъ признаются кандидатами епархіи и представляются въ Святѣйшій Синодъ вмѣстѣ со спискомъ кандидатовъ,

намѣченныхъ преосвященнымъ изъ монашествующаго духовенства, и съ общимъ заключеніемъ относительно всего выборнаго дѣла и избранныхъ кандидатовъ. 5) Все дѣло должно быть закончено въ возможно краткій срокъ, причемъ если кандидаты изъ монашествующаго духовенства будутъ окончательно намѣчены преосвященнымъ ранѣе завершения выборовъ изъ блага духовенства, — первые могутъ бытъ представлены и ранѣе вторыхъ. О чемъ, для исполенія послать преосвященнымъ циркулярные указы, съ препровожденіемъ и указанныхъ правилъ въ копіяхъ. Марта 10 дня 1906 года.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Петръ *Дорошенко* опредѣленъ 5 марта сего года на 2-е священническое мѣсто при Иоанно-Предтечевой церкви, села Станячаго, Валковскаго уѣзда.

б) Діаконъ Иоанно-предтеченской церкви, слободы Рябушокъ, Лебединскаго уѣзда Георгій *Роменскій* опредѣленъ 5 марта сего года на священническое мѣсто при Николаевской церкви, слободы Терновъ, Купянскаго уѣзда.

в) Псаломщикъ Владимірско-Богородичной церкви слободы Калиновой, Купянскаго уѣзда, Михаилъ *Кипустянский* опредѣленъ 9 марта сего года на діаконское мѣсто при Покровской церкви, слободы Маякъ, Изюмскаго уѣзда.

г) Сынъ псаломщика Владиміръ *Поповъ* опредѣленъ 9 марта сего года на псаломщицкое мѣсто къ Владимірско-Богородичной церкви, слоб. Калиновой, Купянскаго уѣзда.

д) Студентъ Воропежской духовной семинаріи Пантелѣимонъ *Поповъ* опредѣленъ 9 марта сего года на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви, слободы Тапюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.

е) Бывшій воспитаникъ духовной семинаріи Иванъ *Грабовскій* опредѣленъ 9 марта сего года н. д. псаломщика къ Свѣто-Владимірской церкви, села Лознаго, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Крестьянинъ Антонъ *Матвѣенко* 9 марта сего года доуцонъ къ исправленію должности псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Алексѣевки, Сумскаго уѣзда.

з) Крестьянинъ Тимошею *Галочкинъ* опредѣленъ 9 марта н. д. псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Масловки, Зміевскаго уѣзда.

п) Бывшій и. д. псаломщика церкви слоб. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда, Александръ *Жуковъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви слоб. Шелестовой, Старобѣльскаго уѣзда 9 марта сего года.

і) Бывшій воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи Андрей *Печкинъ* опредѣленъ 14 марта на псаломщичье мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Буняужной, Старобѣльскаго уѣзда.

к) Крестьянинъ Прокопій *Щербакъ* опредѣленъ 14 марта сего года и. д. псаломщика къ Александро-Невской церкви, села Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священники церквей: Рождество-Богородичной, слоб. Боровой, Купянскаго уѣзда, Дмитрій *Линицкій* и Владимірско-Богородичной, слоб. Казиповой, того же уѣзда, Николай *Кротенко* перемѣщены 4 марта сего года, одинъ на мѣсто другого.

б) Священникъ церкви Харьковской Александровской больницы Никандръ *Чернелескій* перемѣщенъ 17 марта на 3-е священническое мѣсто при Харьковской Благовѣщенской церкви, а бывшій священникъ (Благовѣщенской церкви Владиміръ *Шановаловъ* опредѣленъ къ церкви Александровской больницы.

в) Священники церквей: Николаевской, слоб. Деркачей, Харьковскаго уѣзда, Павелъ *Лобковскій* и Николаевской, села Гіевки Василій *Власовъ* того же уѣзда перемѣщены 5 марта с. г. одинъ на мѣсто другого.

г) Діаконъ Троицкой церкви, слоб. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, Симеонъ *Роменскій* перемѣщенъ 9 марта сего года на діаконское мѣсто при Преображенской церкви, слоб. Половинкѣной, Старобѣльскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ Архидіаконно-Стефановской церкви села Бѣлянскаго, Изюмскаго уѣзда, Иванъ *Бѣляевъ* и и. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви, слоб. Царьборисовой, того же уѣзда, Николай *Безрукъ* перемѣщены 9 марта сего года одинъ на мѣсто другого.

е) Псаломщики церквей: села Яковенкова, Зміевскаго уѣзда, Яковъ *Васильковскій* и слободы Ивановки (она же Капустяповка), Изюмскаго уѣзда, Василій Ѳедоровъ перемѣщены 10 марта сего года одинъ на мѣсто другого.

ж) И. д. псаломщика Крестовоздвиженской церкви, слоб. Гончаровки, Купянскаго уѣзда, Андрей *Насѣдкинъ* перемѣщенъ 14 марта сего года на 2-е псаломщичье мѣсто при Александро-Невской церкви, что при станціи „Славянскъ“, К.-Х.-С. жел. дор.

з) Псаломщикъ Александро-Невской церкви, села Рай-Александровки,

Изюмскаго уѣзда, перемѣщенъ 14 марта сего года на псаломщическое мѣсто при Крестовоздвиженской церкви, слоб. Гончаровки, Купянскаго уѣзда.

3. Объ увольненіи духовенства за штатъ.

а) П. д. псаломщика Григоріевской церкви, слоб. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда, Михаилъ *Квитковскій* 5 марта с. г. уволенъ за штатъ.

б) Псаломщикъ Троицкой церкви сл. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда Михаилъ *Улановъ* уволенъ за штатъ 16 марта.

4. О смерти среди духовенства.

Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Бунчуковой, Старобѣльскаго уѣзда. Александръ *Жуковскій* умеръ 22 февраля сего года.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Троицкой церкви, слободы Крючковъ, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 11 марта сего года крестьянинъ Климентъ *Власенко*.

б) Къ Еватерииненской церкви, Изюмскаго Реального училища, утвержденъ 9 марта сего года старостою дворянинъ Сергій *Севастьяновичъ*.

в) Къ Дмитріевской церкви, слободы Стецковки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 13 марта сего года старостою крестьянинъ Иванъ *Чурай*.

г) Къ Харьковской Дмитріевской церкви утвержденъ 4 марта сего года старостою Харьковскій 2-й гильдіи купецъ Григорій *Боцаровъ*.

д) Къ церкви сл. Малиновой, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 4 марта старостою крестьянинъ Косма *Приходько*.

е) Къ церкви слоб. Черниговки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 6-го марта старостою крестьянинъ Моветій *Козлятинъ*.

ж) Къ Успенской церкви, сл. Коломака, Валковскаго уѣзда утвержденъ 9 марта старостою крестьянинъ Семенъ *Кондратскій*.

6. О преподаніи Архипастырскаго благословенія.

Священникамъ церковей: Варваринской, слобы Шиповатой, Волчанскаго уѣзда, Николаю *Самойлову* и Александро-Невской, села Ново-Александровки, того же уѣзда, Павлу *Четверикову*, за благотворное ихъ пастырское вліяніе на своихъ прихожанъ, а чрезъ нихъ и на жителей соседнихъ селеній, выразившееся въ томъ, что они своими поученіями и бесѣдами способствовали къ поддержанію законности и порядка и предотвратили аграрные безпорядки во время погромовъ и истребленія злопамѣренными людьми экономій и имѣній почти во всемъ Волчанскомъ уѣздѣ, —Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ 14 марта 1906 года преподано Архипастырское благословеніе, со внесеніемъ о семъ въ послужные ихъ списки.

7. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

- При Рождество-Богородичной церк., слоб. Мартсвой, Волчанскаго уѣзда.
 — Успенской церкви, слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда.
 — Иоанно-Богословской церкви, Харьковской Духовной Семинаріи.
 — Сергіевской церкви, Харьковской 2-й мужской гимназіи.
 — Покровской церкви, слоб. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

- При Всѣхсвятской церкви, села Вировъ, Сумскаго уѣзда.
 — Иоанно-Предтеченской церкви, сл. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.
 — Троицкой церкви, слободы Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

в) Псаломщицкія:

- При Харьковской Институтской Маріи Магдалины. церкви.
 — Сергіевской церкви, Харьковской 2-й гимназіи.
 — Осіе-Андреевской церкви, Харьковскаго Реальнаго училища.
 — Григоріевской церкви, слободы Новоселовки, Изюмскаго уѣзда

II.

Содержаніе. II. О возрожденіи церковно-приходской общины. *Священника Данила Попова.*—Духовенство въ современной беллетристичѣ. *Священника Николая Загородскаго.*—Нѣсколько словъ выборщикамъ для избранія членовъ въ Государственную Думу. *И.*—Библиографическая замѣтка.—ъ.—Епархіальная хроника.—Годичное собраніе Членовъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Новый проектъ попечительства о бѣдныхъ.—Письмо о. ректору Харьковской духовной семинаріи, протоіерею І. П. Знаменскому отъ духовенства Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи.—Празднованіе двадцатипятилѣтія священнослуженія о. Михаила Добрецаго.—Памяти протоіерей о. Никандры Онисевича.—Иновархіальный отдѣлъ.—Совѣщаніе настоятелей и настоятельницъ монастырей, созванное Преосвященнымъ Арсеніемъ, Епископомъ Исковскимъ и Порховскимъ.—Одинъ изъ проектовъ измѣненія способа обложенія церковныхъ доходовъ.—Распоряженія Преосвященнаго Тихона, Епископа Костромскаго, относительно благоустройства церковно-приходской жизни.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Что гласятъ церковныя правила (капоны) объ отчужденіи монастырскихъ земель?—Легчайшій способъ улучшенія матеріальнаго обезпеченія духовенства.—Электрическая охрана церквей.—Митрофорные протоіерей.—Къ вопросу о реформѣ православныхъ духовныхъ академій.—Объявленія.

О возрожденіи церковно-приходской общины *)

Мм. Гг.!

Мнѣ выпала почтенная задача предложить Вашему просвѣщенному и благосклонному вниманію чтеніе по одному изъ

*) Читано въ залѣ Харьковскихъ Думскихъ собраній, 12 Марта 1906 года.

наиболѣе жгучихъ вопросовъ современной церковно-общественной жизни. Вопросъ объ устройствѣ церковнаго прихода занимаетъ нынѣ вниманіе не однихъ представителей духовенства, — онъ чрезвычайно интересуетъ какъ „общество“ (интеллигенцію), такъ и простой православный народъ.

Литературная разработка и сужденія о томъ, какъ оживить и возродить приходскую общину и дать ей подобающее, даже первенствующее значеніе въ нашей общественной жизни, не прекращаются вотъ уже 3—4 послѣднихъ года; въ послѣднее же время, особенно—въ виду близкаго созыва всероссійскаго церковнаго собора, этому вопросу отводится въ обществѣ и на столбцахъ повременной печати самое видное мѣсто.

Откуда и почему появился въ обществѣ столь живой интересъ къ этому вопросу? Чѣмъ объяснить возникновеніе самаго вопроса о возрожденіи приходской жизни именно въ наше время? Причины возникновенія вопроса о возрожденіи прихода прежде всего, конечно, кроются въ современномъ упадкѣ церковно-общественной жизни. Но мы на этомъ сейчасъ подробно останавливаться не будемъ: всѣ ясно видятъ и признаютъ этотъ упадокъ; всѣ нынѣ кругомъ жалуются на самую слабую и чисто формальную связь между прихожанами и ихъ приходскимъ храмомъ и приходскимъ духовенствомъ; всѣ указываютъ на отсутствіе интереса у большинства православнаго населенія къ веденію церковнаго хозяйства, къ приходскимъ учрежденіямъ и т. д. Мы желали бы сейчасъ отмѣтить причины необычайнаго оживленія интереса въ обществѣ къ приходскому вопросу именно въ самое послѣднее время.

Нынѣ идетъ, какъ привыкли у насъ теперь говорить, громадная, невиданная еще, „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“. Рушатся старыя формы жизни и на мѣсто ихъ вырабатываются новыя, которыя бы вполне ствѣчали современнымъ запросамъ жизни. Широкая волна такъ называемаго „освободительнаго движенія, подготовлявшаяся у насъ много лѣтъ подъ рядъ и прорвавшаяся съ особою, неудержимою стремительною силою послѣ несчастной и глубокооскорбительной для народнаго сознанія послѣдней войны съ японцами, захватила столь широкіе круги общества, что у насъ, кажется, не осталось ни

одного круга людей, ни одной стороны жизни, коихъ бы не коснулось такъ или иначе это „освободительное“ движеніе.

Въ этомъ движеніи, въ этой коренной ломкѣ стараго, съ чѣмъ громадное большинство русскаго народа сжилося, срослось почти органически, многіе были застигнуты врасплохъ, растерялись и не успѣли приспособиться къ предъявленнымъ имъ запросамъ жизни. Многіе же воспользовались этою растерянностію для осуществленія своихъ узко-партійныхъ интересовъ и волей или неволей натворили много горя мирному, коренному русскому населенію. „Освободительное“ движеніе съ его свободами совѣсти, личности, союзовъ и собраній, вѣрное и вполне желательное по своей идеѣ, запечатлѣнное съ высоты Царскаго престола манифестомъ 17 октября прошлаго (1905) г., къ глубокой скорби и ужасу мирнаго русскаго населенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вылилось въ безобразныя и пагубныя по своимъ послѣдствіямъ стачки, забастовки и кровавую революцію. Вооруженное возстаніе на пространствѣ почти всей Россіи и даже въ центрѣ ея—исконию православной Москвѣ, особенно же на нашихъ окраинахъ,—бунты среди флота и арміи, кровавая рѣзня, аграрные беспорядки, постоянныя массовыя убійства изъ—за угла агентовъ полиціи и войска, грабежи средь—бѣла дня въ самыхъ оживленныхъ мѣстахъ большихъ городовъ и—необходимость подавленія этой преступной борьбы изъ-за воображаемаго отнятія правъ и свободы военною силою, пулеметами и артиллерійскими снарядами,—все это такой ужасъ, который заставилъ содрогнуться всю Россію и пробудиться отъ обычной, присущей намъ спячки и безпечности.

Изъ либеральнаго лагеря посыпались цѣлые вороха обвиненій за всѣ эти ужасы по адресу монархизма и бюрократическаго правительства, которое оказалось одно кругомъ виновато: виновато за то, что систематически тѣснило-де общество всегда и во всемъ: давило всякое благое начинаніе и—тѣмъ довело народъ до реакціи, выразившейся въ бунтахъ и открытомъ возстаніи; виновато и въ томъ, что бездѣйствовало во время подготовленія стачекъ и вооруженнаго возстанія и затѣмъ, безъ предупрежденія, стало примѣнять разстрѣлы и другія репрессіи.

Но наиболѣе вдумчивые и безпристрастные русские люди отыскали и другую причину нынѣшней смуты. Они утверждаютъ, что главною причиною и нашихъ военныхъ неудачъ, вь внутреннихъ нашихъ несчастій и нестроений является всеобщее пониженіе нравственныхъ идеаловъ, упадокъ гражданской доблести и честности, своекорыстное отношеніе къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ и обязанностямъ однихъ—и безсиліе и даже неспособность честно и мирно бороться съ этимъ зломъ другихъ,—пренебрежительное отношеніе къ основамъ русской народной жизни и сознательное или бессознательное попустительство къ настойчивому и многолѣтнему расшатыванію этихъ основъ, а именно: вѣры православной и преданности царю, какъ народному идеалу, какъ воплощенію народной совѣсти, правды и добра.

И вотъ, при полномъ и ясномъ сознаніи, необходимости излѣченія этихъ язвъ на нашемъ народно-государственномъ тѣлѣ, многіе стали искать вокругъ себя такіе способы и условія, при которыхъ стало бы возможнымъ одновременно—и сохранить коренныя основы русской жизни, и въ то же время произвести въ ней требуемыя реформы и тѣмъ вызвать пышный разцвѣтъ еще непочатыхъ силъ, таящихся въ глубинѣ русской природы, русской народной души.

Въ такомъ страстномъ исканіи способовъ къ возрожденію, успокоенію и разцвѣту нашей изстрадавшейся родины лучшіе изъ ея сыновъ вспомнили о томъ скромномъ и почти незамѣтномъ созидателѣ русской церковной и гражданской жизни, который не разъ выручалъ ее, особенно послѣднюю, въ смутныя и тяжелыя годы: взоры истинныхъ сыновъ русской православной народности остановились на забытомъ и упавшемъ нынѣ православномъ церковномъ приходѣ, который былъ у насъ въ старину и долженъ быть и нынѣ по своей идеѣ „полнымъ и исконно-русскимъ выраженіемъ церковно-общественной жизни“, могущимъ обнять, какъ иные надѣются, все интересы и вѣчнаго, и временнаго свойства, и отвѣчать самымъ широкимъ запросамъ человѣческаго духа.

Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что такое усвоеніе приходу высокой культурной обще-гражданской миссіи началось, какъ мы

отчасти уже замѣтили, не вчера и сегодня и было вызвано не одними ужасами и нестроевіями у насъ послѣднихъ дней. „Освободительное“ движеніе и явившіяся объ руку съ нимъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, смуты, кровавые бунты и возмущенія довели вопросъ о возрожденіи прихода общины въ последнее время, такъ сказать, до наивысшаго напряженія. Самыя же идеи о возвращеніи православному приходу различныхъ правъ и привилегій, коихъ онъ лишился въ царствованіе императоровъ Петра I, Екатерины II, Александра I и др., никогда не покидали русское общество на всемъ пространствѣ XVIII и особенно истекшаго недавно XIX столѣтія. Возникали и проводились въ жизнь то тамъ, то здѣсь различныя церковно-приходскія положенія и законопроекты, имѣвшія для нѣкоторыхъ мѣстностей и даже для всей православной Россіи большое значеніе. Укажемъ вкратцѣ, на примѣръ, на правила объ устройствѣ быта духовенства въ Амурской и Приморской областяхъ, составленныя въ 1859 году преосвященнымъ камчатскимъ Иннокентіемъ (впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ); на изданіе въ законодательномъ порядкѣ въ 1864 году Положенія о братствахъ и церковно-приходскихъ попечительствахъ; на законъ 1883 года объ устройствѣ и правахъ православныхъ приходовъ въ Финляндіи и проч. Съ начала же 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія эти идеи особенно оживились подъ вліяніемъ славянофильскихъ идей Хомякова, Кирѣевскаго, И. С. Аксакова, Д. Ѳ. Самарина и другихъ, которые горячо ратовали за возстановленіе стариннаго строя православныхъ приходовъ и за возвращеніе имъ прежняго ихъ церковно-общественнаго, правового и экономическаго значенія. Возникла довольно почтенная и обширная литература о значеніи древнерусскихъ приходовъ, о значеніи погостовъ въ качествѣ правительственныхъ округовъ, о причинахъ упадка православныхъ приходовъ и о необходимости обновленія православнаго церковно-приходскаго строя и проч. Появилась масса какъ журнальныхъ статей, такъ и отдѣльныхъ монографій и изслѣдованій, и нѣтъ возможности вкратцѣ обозрѣть эту литературу. Интересующихся такимъ обозрѣніемъ отсылаемъ къ брошюрѣ А. Г. Болдовскаго „Возрожденіе церковнаго прихода“, правда —

нѣсколько уже устарѣвшей (издана въ 1903 году), но не потерявшей значительнаго интереса и по сію пору. Здѣсь же укажемъ, что въ обсужденіи церковно-приходскаго вопроса, помимо народившейся въ самые послѣдніе дни массы журнальныхъ и газетныхъ статей самаго разнообразнаго свойства и направленія, приняли участіе такія ученныя силы, какъ профессоръ Н. А. Заозерскій, прот. Благоразумовъ, П. Знаменскій и др. Особенно же полное и серьезное обслѣдованіе всѣхъ церковно-приходскихъ вопросовъ предпринялъ А. А. Папковъ, давшій цѣлый рядъ интересныхъ и обстоятельныхъ монографій, обнимающихъ вопросы о приходѣ въ самомъ широкомъ, какъ историческомъ, такъ и церковно-юридическомъ освѣщеніи. Для нашей задачи особый интересъ имѣетъ его сочиненіе „Необходимость обновленія православнаго церковно-приходскаго строя“, вышедшее въ 1903 году вторымъ изданіемъ, къ которому мы въ своемъ чтеніи будемъ обращаться довольно часто.

Замѣтивъ, что нѣтъ возможности обзрѣть въ нашемъ чтеніи, даже въ кратцѣ, обширную литературу по изслѣдованію приходскаго вопроса, мы, тѣмъ не менѣе, должны отмѣтить ту особенность въ этихъ изслѣдованіяхъ, такъ—называемыхъ „свѣтскихъ“, преимущественно газетныхъ публицистовъ, которая рѣзко отличаетъ этихъ публицистовъ отъ большинства изслѣдователей духовной школы и даже А. А. Папкова. Послѣдніе, при разработкѣ приходскаго вопроса, ставятъ на первомъ планѣ возрожденіе прихода въ религіозно-нравственномъ отношеніи, стремятся главнымъ образомъ къ возвращенію приходу значенія церковной единицы, церковно-юридическаго лица, и не отрываютъ эту церковную, даже самоуправляющуюся единицу отъ вліянія и зависимости епархіальной власти. Всѣ же другіе публицисты, за немногими исключеніями, „свели вопросъ о приходѣ съ церковной почвы и стали разсуждать объ организаціи прихода, какъ мелкой земской единицы“ (Болдовскій, цитов. брош., стр. 19).

Сущность этихъ разсужденій можно представить въ слѣдующемъ видѣ: а) приходъ долженъ слиться съ волостію или другою какою либо земскою единицею не только въ территориальномъ, но и въ церковно-общественномъ, административномъ и

экономическомъ отношеніи; б) такая мелкая земская единица, съ усвоеніемъ ей всѣхъ функцій церковно-общественной и экономической, земской жизни, можетъ явиться единственною спасительницею противъ всѣхъ современныхъ голодовокъ, громадной смертности, грязи, пьянства и невѣжества сельскаго и низшаго городского населенія, противъ государственныхъ и земскихъ недоимокъ, растущихъ съ каждымъ годомъ, и единственно сильнымъ, могучимъ двигателемъ нашего государства по пути развитія и раціональнаго веденія плодоводства, полеводства, кустарной промышленности и торговли, устройства больницъ, школъ, общественнаго призрѣнія и благотворительности, проведенія дорогъ и проч.

По проекту извѣстнаго Московскаго публициста С. Ѡ. Шарпова, издающаго нынѣ журналъ „Русское Дѣло“, гдѣ возрожденію прихода и всѣмъ вообще церковно-общественнымъ вопросамъ отводится самое широкое мѣсто и дается своеобразное освѣщеніе,—приходу должно усвоить даже судебное и полицейское самоуправленіе, разъ онъ замѣнитъ собою нынѣ дѣйствующія функціи волостного правленія и сельской расправы. По воззрѣніямъ же публициста К. Одарченко, приходъ долженъ быть поставленъ еще шире. Онъ долженъ, прежде всего, „накормить голодныхъ, одѣть нагихъ и просвѣтить темныхъ членовъ своей общинной семьи“ и въ заботѣ объ этомъ долженъ найти „твердую почву для развитія народнаго кредита и вообще экономической самопомощи“. Такую почву, по мнѣнію г. Одарченко, приходъ несомнѣнно найдетъ при развитіи внутренней связи и единенія всѣхъ членовъ приходской общины между собою, при осуществленіи надежной круговой поруки, которой будутъ вѣрить какъ всѣ члены общины и каждый въ отдѣльности, ввѣряя ей свои сбереженія, такъ и общественно-государственныя кредитныя учрежденія. Вслѣдъ за признаніемъ пользы кредита, приходская община, по проекту г. Одарченко, „легко можетъ стать потребительнымъ округомъ, въ центрѣ котораго могутъ группироваться сельскіе клубы или, по древнерусской терминологіи, „трапезы“, гдѣ будутъ собираться частныя интеллигентныя жители: священники, землевладѣльцы, врачи, аптекаря, дѣсничіе, агрономы и весь міръ“... „Все это

есть уже, восклицаетъ г. Одарченко, и осуществляется кое-гдѣ, но, Боже! въ какомъ жалкомъ, разбросанномъ и неорганизованномъ видѣ и въ Западной Европѣ, и даже у насъ; все это ждетъ организатора-архитектора“¹⁾).

Не правда ли, какая заманчивая перспектива въ постановкѣ церковно-приходскаго вопроса! „Но если бы (какъ мы писали въ своихъ „замѣткахъ“, стр. 10—11) все это можно было осуществить на землѣ, не нарушая церковно-приходскихъ, духовно-нравственныхъ интересовъ нашего народа и мудро подчиняя первые послѣднимъ, то на землѣ, въ нашемъ государствѣ, на добрую половину осуществилось бы „Царство Божіе“. Но въ томъ то и дѣло, что задачъ для церковно-приходской общины во всѣхъ этихъ писаніяхъ и проэктахъ намѣчено такъ много, а чисто спеціальныя задачи церковнаго прихода, какъ первичнаго элемента вселенской, православной Церкви, какъ осуществленія „Царства Божія“ на землѣ, такъ высоки и сложны, особенно въ настоящее, тревожное и мятущееся время, что отъ такого искусственнаго смѣшенія, самихъ по себѣ, сложныхъ и трудныхъ задачъ и интересовъ той и другой, духовной и матеріально-экономической стороны народной жизни, непременно какая-нибудь изъ нихъ будетъ принижена, подавлена и обезличена, и надо думать, именно сторона религіозно-духовная, по самому существу почти всегда замѣчаемаго на землѣ преобладанія узко-матеріальныхъ, экономическихъ интересовъ надъ духовными. То, что проэктируется свѣтскою литературою въ приходскомъ вопросѣ, не подъ силу одному какому нибудь, хотя бы и самому совершенному, приходскому институту, и не напрасно исторія культуры нашего народа выработала ту сложную организацію церковно-общественной и государственной жизни, по которой масса факторовъ и продуктовъ этой жизни отлилась въ многочисленныя и часто независимыя другъ отъ друга общины, совѣты, комитеты, земскія

1) Сводъ разсужденій свѣтскихъ публицистовъ по церковно-приходскому вопросу приведенъ нами изъ нашихъ „Замѣтокъ о возрожденіи церковнаго прихода“. Харьковъ, 1904 г., стр. 9, а мнѣнія объ этомъ вопросѣ С. О. Шаранова и К. Одарченко сдѣланы по выше-цитованной брошюрѣ г. Волдовскаго: „Возрожденіе церковнаго прихода“, стр. 21—22 (см. также „Замѣтки“).

и городскія учрежденія, попечительства, братства, кредитныя учрежденія, волостныя и сельскія общества и пр. и пр.“

Въ этихъ одностороннихъ реально-практическихъ возжеланіяхъ свѣтскихъ публицистовъ относительно церковнаго прихода, которыя, конечно, могутъ по частямъ осуществляться и дѣйствительно осуществляются въ нѣкоторыхъ приходахъ съ значительнымъ успѣхомъ, достойно примѣчанія то важное обстоятельство, что всѣ „свѣтскіе“ публицисты единогласно и искренно признаютъ за приходомъ значеніе великой и единственно-прочной созидательной общественной силы, способной развить изъ себя самыя разнообразныя функціи жизни. Но отмѣчая ихъ крайности и утверждая, что приходъ долженъ быть возрожденъ прежде всего на строго-религіозной почвѣ, мы должны указать на существованіе и другой, совершенно противоположной точки зрѣнія въ рѣшеніи приходскаго вопроса, предоставляющей приходу область исключительно нравственно-религіозную и устраняющей его отъ современнаго теченія и насущныхъ, часто жгучихъ запросовъ жизни. Взглядъ этотъ имѣетъ нынѣ многихъ и сильныхъ сторонниковъ какъ среди свѣтскаго общества, такъ особенно среди представителей церковной іерархіи и богословской науки и, повидимому, имѣетъ для себя основанія самыя прочныя—Евангельскія и каноническія.

Вопросъ объ отношеніи прихода и вообще церкви къ текущимъ событіямъ жизни, къ ея различнымъ формамъ—вопросъ кардинальный въ рѣшеніи приходскаго вопроса. Изъ того или иного его рѣшенія всецѣло вытекаетъ успѣхъ, живучесть приходской жизни, или ея упадокъ и прозябаніе. Поэтому, прежде чѣмъ установить свою точку зрѣнія на церковно-приходскую реформу, мы должны коснуться и послѣднихъ, указанныхъ нами, соображеній и отмѣтить крайности и односторонность даже этого,—назовемъ его—идеалистическаго направленія въ рѣшеніи приходскаго вопроса и вытекающія изъ него опасности для церковно-общественной жизни.

Сущность этого взгляда заключается въ слѣдующемъ: церковный приходъ, говорятъ, долженъ развиваться и осуществлять цѣли исключительно-религіозныя. Онъ долженъ быть чуждъ

пзмѣнчиваго теченія общественно-государственной жизни, какъ области ему противоположной и даже враждебной: „*mors vo zlt lezhit*“ (1 Іоан. 5, 19). Являясь основною ячейкой великаго тѣла Церкви, приходъ, какъ и вся Церковь, „имѣеть дѣло съ истинами непреходящими, вѣчными, въ цѣляхъ спасенія безсмертнаго человѣческаго духа, а политика варіируется пропорціонально эволюціонному развитію общественно-государственной жизни вѣрующихъ и вращается въ сферѣ преходящихъ интересовъ жизни, изъ которыхъ исходитъ и всякая революція. Вплетать то и другое начало въ единое дѣло служенія пастырей Церкви и не заповѣдано намъ Христомъ, и вредно для церковнаго дѣла. Политика дѣло времени. Христіанское спасеніе касается вѣчности. Что-нибудь одно: или объявить христіанство соціально-политической системой, или разъ навсегда принять и хранить его въ томъ видѣ, какъ оно предано намъ Евангеліемъ и соборною апостольскою Церковію... Христіанство и матеріалистическій атеизмъ... непримиримы, какъ Христосъ и Велиаръ. Служители алтаря Господня, церковно исповѣдующіе и проповѣдующіе ту или другую политику, съ крушеніемъ послѣдней, неизбежно подрываютъ у паствы довѣріе и къ вѣковѣчной части ихъ служенія. Отсюда вредъ для дѣла церковнаго явный“... (Гринякинъ, „Миссіонерское обозрѣніе“, 1905 г., № 16, стр. 907).

Всѣ эти положенія, говорятъ представители идеалистическаго направленія въ рѣшеніи приходского вопроса, находятъ для себя подтвержденіе въ исторіи какъ всецелеской, такъ и нашей русской Церкви. Пока церковныя общины оставались строго замкнутыми и стояли исключительно на Евангельской почвѣ и на традиціяхъ, унаслѣдованныхъ отъ Апостоловъ, до тѣхъ поръ протекалъ золотой періодъ въ исторіи христіанства, замѣчался пышный разцвѣтъ церковной жизни; но лишь христіанство было признано господствующей вѣрой Византійской имперіи и стало послушнымъ орудіемъ государства, какъ наступилъ постепенный упадокъ вѣры и церковной жизни, „омірщеніе“ и пониженіе чистаго христіанскаго идеала. То же—и въ отношеніи русской церковной жизни. Разцвѣтъ и полнота ея присущи были древне—русскому церковному укладу

жизни до — Петровской эпохи. Приходъ имѣлъ широкую церковно бытовую и юридическую самостоятельность и былъ выраженіемъ всей полноты церковно-общественной жизни. Но съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I „государственнымъ интересамъ принесъ въ жертву всѣ остальные интересы и патріаршество замѣнилъ Св. Синодомъ, дабы посредствомъ этого, чисто правительственнаго учрежденія, съ оберъ-прокуроромъ во главѣ, съ этимъ „окомъ государевымъ и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ“ (Духовн. Реглам.), „вдвинуть виѣшнее управленіе церковію въ составъ общей государственной администраціи“ („Запросы современной церкви“, свящ. Г. Петрова, 1906 г. стр. 75, 79 и 80),—съ тѣхъ поръ церковь въ Россіи „находится въ глубокомъ параличѣ“ и вмѣсто присущей вселенской Церкви и древне-русскимъ приходамъ свободы, соборности и высокаго нравственнаго вліянія на народъ и даже на власть государственную, представляетъ изъ себя „одну изъ государственныхъ функцій, часть государственнаго организма, которой отправленія не самостоятельны сами по себѣ и не сами для себя существуютъ, а подчинены общей цѣли государственнаго организма, предназначены соображаться съ его задачею, съ его общимъ строемъ“ (Аксаковъ, изъ цитов. брош. свящ. Петрова стр. 53).

Приведенныхъ выдержекъ, думаемъ, достаточно для ознакомленія съ сущностью доводовъ въ пользу возрожденія приходскихъ общинъ исключительно на Евангельской, религіозной почвѣ. И, тѣмъ не менѣе, не смотря на столь незыблемое, повидимому, обоснованіе этого взгляда, мы и его можемъ принять, какъ и взглядъ предыдущій,—назовемъ тотъ взглядъ „реалистическимъ“,—съ большимъ органиченіемъ. Истина, какъ и всегда почти, находится въ серединѣ между этими направленіями крайними, „правымъ“ и „лѣвымъ“, съ значительнымъ, конечно, и доминирующимъ наклономъ въ сторону направленія въ дѣятельности приходскихъ общинъ строго—церковнаго, Евангельскаго.

Но почему же этого взгляда, вполне идеальнаго и достойнаго вѣчной свободной Церкви, нельзя принять цѣликомъ,

безъ всякихъ поправокъ и добавленій? Причина этого кроется въ его „непрактичности“, оторванности отъ исторіи и дѣйствительной жизни, въ его даже противорѣчии существу дѣла.

Всѣ мы, и даже самые строгіе аскеты-христиане, какъ извѣстно, не можемъ жить внѣ времени и пространства; всѣ мы обложены плотію съ ея нуждами и запросами и для выполненія пѣлей и задачъ земной жизни образуемъ семьи, общества, государства. Конечная цѣль всѣхъ человѣческихъ обществъ, это—осуществленіе „Царства Божія“ на землѣ, развитіе началъ правды, мира и любви, всеобщаго братства и равенства и уподобленіе своему Первообразу (Матѣ. 5, 48), а отсюда—соединеніе съ Богомъ и „спасеніе безсмертнаго человѣческаго духа“.

Но какъ же этого достигнуть? Очевидно—не полнымъ пренебреженіемъ потребностей временной жизни, а созданіемъ такихъ условій, такой атмосферы, при которой временное и тлѣнное служило-бы вѣчному и нетлѣнному, условія и потребности земной жизни, формы и функціи общественно-государственныя направлялись бы къ достиженію *„правды, мира и радости о Духъ святъ“* (Рим. 14, 17), къ спасенію безсмертнаго человѣческаго духа. Къ этому и призвана Церковь съ ея дробными составными частичками—церковно-приходскими общинами. Онѣ именно и предназначены устроить „Царство Божіе“ на землѣ, постепенно людей перерождать и, какъ говоритъ Ап. Павелъ, умерщвлять въ нихъ *„прежній образъ жизни ветхого человека, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, и обновляться духомъ ума нашего, облакаться въ новаго человека, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины“* (Ефес. 4, 22—24).

И въ этомъ каждая приходская община будетъ дѣйствовать, во всякомъ случаѣ, не вопреки заповѣдямъ Христа и примѣру Апостоловъ.

Конечно, Господь Іисусъ Христосъ всегда и неизмѣнно мѣрами и обстоятельствами временными и случайными, напр. чудесами, которыя Онъ совершалъ по любви и состраданію къ людямъ бѣднымъ и страждущимъ,—пользовался для развитія въ людяхъ начала духовнаго, для возбужденія въ нихъ вѣры

въ себя, какъ въ Сына Божія, *пришедшаго въ міръ грѣшныхъ спасти* (Матѳ. 9, 13; I Тимоѳ., I, 15); конечно, Подвигоположникъ нашего спасенія на первомъ планѣ поставлялъ *душу живу* и ея безконечную цѣну и достоинство (Іоан. 6, 63; Матѳ. 6, 25; 10, 28 и 39), запросамъ же тѣла и временной жизни придавалъ чисто служебное значеніе. Несомнѣнно и то, что Господь Иисусъ Христосъ былъ, прежде всего, *свѣтомъ міру* (Іоан. 2, 12), принесшимъ на землю *лазолы вѣчной жизни* (Іоан. 6, 68). Поэтому, Онъ побуждаетъ насъ *искать прежде всего Царствія Божія и правды Его* и тогда уже — всего остального для потребности земной жизни (Матѳ. 6, 33). Онъ учитъ насъ молиться только о хлѣбѣ насущномъ, при томъ — на каждый только день (Лук. 11, 3) и при обладаніи благами вещественными возводитъ свою мысль къ благамъ вѣчнымъ и нетлѣннымъ, — стараться *„не о пищу тлѣнную, но о пищу, пребывающую въ жизнь вѣчную“* (Іоан. 6, 27). Онъ, наконецъ, былъ Царемъ *не отъ міра сего* (Іоан. 18, 36) и уклонялся отъ измѣнчивыхъ теченій общественной жизни (Лук. 12, 14). Но Онъ же, заповѣдая *воздавать Божіе Богови*, вмѣнилъ намъ въ обязанность *воздавать и Кесарево Кесареву* (Матѳ. 22, 17) и Самъ подалъ намъ примѣръ повиновенія властямъ въ платежѣ, между прочимъ, *податей* (Матѳ. 17, 27); питая своихъ слушателей духовно, не разъ заботился и о насыщеніи ихъ тѣлесномъ (Матѳ. 14, 17—21; 15, 34); принималъ участіе въ религіозныхъ празднествахъ и торжествахъ своего народа; посѣщалъ семейныя и общественныя собранія (Іоан. 2, 1—11; Лук. 19, 1—10; 7, 36—40); не чуждъ былъ нѣжной дружбы и привязанности и другихъ проявленій чистаго человѣческаго духа (Іоан. 12, 1—9; 11, 36; 13, 23).

Такимъ образомъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ ясно намъ показалъ, какъ мы должны совмѣщать интересы духовные и матеріальныя, временныя и вѣчныя, что поставлять на первомъ планѣ, къ чему стремиться въ жизни, чему отдавать предпочтеніе. Въ тоже время, Онъ далъ намъ понять, что безъ удовлетворенія потребностей временной жизни, безъ того или иного отношенія къ ея формамъ и запросамъ, безъ Евангельскаго ихъ освѣщенія и направленія — обойтись вовсе нельзя.

Тоже мы видимъ и у Апостоловъ. Первою и главною своею обязанностію они поставляли, конечно, молитву и служеніе слова (Дѣян. 6, 2—4); въ церковномъ устроеніи стремились къ тому, чтобы все было „*благообразно и по чину*“ (1 Кор. 14, 40), почему не усомнились возставать даже противъ „агапъ“, этого высокоплѣнительнаго древне-христіанскаго проявленія истинно-христіанской любви и общенія богатыхъ съ бѣдными,—когда агапы превратились въ поводъ къ нарушенію воздержанія въ пищѣ и питіи (1 Кор. 11, 20—34). Но они же (Апостолы) позаботились объ избраніи діаконовъ для завѣдыванія „*столами*“ (Дѣян. 6, 1—6); располагали отдѣльныхъ христіанъ и цѣлыя общины къ частичнымъ или постояннымъ опредѣленнымъ сборамъ пожертвованій для помощи бѣднымъ и немущимъ братіямъ; заповѣдали каждому заботиться „*о своихъ, и особенно о домашнихъ*“, при чемъ небреженіе объ этомъ приравнивали даже къ отреченію отъ вѣры (1 Тимое. 5, 8).

Оставляя въ сторонѣ разнообразную практику древней вселенской Церкви: церковей византійской, африканской, александрійской и др., имѣвшихъ сложныя епархіальныя и приходскія (парокійныя) организаціи, съ ихъ громаднымъ вліяніемъ на общественно-государственную жизнь и даже на ея законодательство и различныя учрежденія ¹⁾, укажемъ, наконецъ, на устройство приходоу у насъ въ Россіи въ допетровскую эпоху, на что такъ любятъ ссылаться изслѣдователи приходскаго вопроса, даже разбираемаго нами

¹⁾ Укажемъ, напр., на учрежденіе должности *монома* въ византійской церкви, завѣдывавшаго церковными имуществами; на возникновеніе правилъ Апостольскихъ 38 и 41, опредѣлявшихъ права епископовъ и ихъ обязанности при распоряженіи указанными имуществами; на практику древней Церкви въ Галліи, Италіи и Баваріи, гдѣ церковныя общины имѣли свои земли, доходы и свои учрежденія не только для молитвъ, но и для милостыни и просвѣщенія, и гдѣ храмъ являлся центромъ духовно-общественной жизни древнихъ, напр., галловъ: къ алтарю они прибѣгали въ тяжкихъ обстоятельствахъ жизни какъ частной, такъ общегосударственной; въ притворѣ храма совершались юридическіе акты; домъ священника былъ пристанищемъ странниковъ и пр. См. наши „Замѣтки о возрожденіи прихода“, 1904 г., стр. 16—23. Интересна и высоко-поучительна въ этомъ отношеніи статья проф. В. Болотова „Епархія въ древней Церкви“, „Церк. вѣд.“ 1906 г. №№ 3 и 4.

„идеалистическаго“ направленія, не замѣчая внутренняго противорѣчія въ своихъ доказательствахъ (ссылка ихъ на практику древне-русскихъ приходовъ, очевидно, говоритъ далеко не въ ихъ пользу и доказываетъ широкое участіе приходскихъ общинъ въ общественно-государственной жизни),— укажемъ на существованіе у насъ въ древности „братскихъ трапезъ“, „братскаго приходскаго суда“, на школы и богадѣльни, на существованіе братствъ съ ихъ филиальными („юнацкими“) отдѣленіями и на другія просвѣтительно-благотворительныя учрежденія, имѣвшія особенно широкое развитіе и большое вліяніе на общественно-государственную жизнь у насъ въ Малороссіи. Скажемъ, наконецъ, о томъ живомъ и непосредственномъ участіи государственно-общественной жизни, какое принимали у насъ въ старину, особенно въ тяжкія годы нашей родины, такіе свѣточы аскетизма, какъ Сергій, Теодосій Печерскій и др.,—такіе святители, какъ Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ и Гермогенъ,—такія обители, какъ Троицко-Сергіева лавра, Соловецкій монастырь,—такіе благочестивые витязи земли русской, какъ князья Димитрій Донской, Александръ Невскій и многіе другіе. Неужели всѣ они меньше нашего понимали вѣчныя задачи Церкви, меньше нашего цѣнили бессмертную человѣческую душу и не боялись превратить храмъ и обители въ „политическія трибуны“? Очевидно, они вполне ясно и всегда представляли себѣ „единое на потребу“ и умѣли приносить ему въ жертву все временное, случайное и земное; но въ моменты опасности и высокаго подъема общественно-политической жизни становились на защиту государства и народности и не боялись унижить этимъ вѣковѣчные идеалы Церкви и христіанства, прекрасно понимая, что успѣхъ и постепенное развитіе послѣднихъ во многомъ зависитъ отъ того или иного положенія и устроенія внѣшне-общественной, государственной жизни, и болѣя сердцемъ за своихъ соотчичей, за свою родину, за своихъ царей—Божіихъ вѣнценосцевъ и страстотерпцевъ.

Священникъ Данилъ Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

Духовенство въ современной беллетристикѣ.

(Подъ впечатлѣніемъ разсказа „Страна отцовъ“—С. Гусева-Оренбургскаго) *).

Никогда еще, кажется, о духовенствѣ не писали въ духовной и свѣтской журналистикѣ такъ много, какъ въ послѣднее время и никогда еще, кажется, жизнь и дѣятельность духовенства въ печатной прессѣ не подвергалась столь усиленному и всестороннему обсужденію, какъ въ наши дни... О духовенствѣ нынѣ можно читать и въ духовныхъ журналахъ, и въ газетныхъ статьяхъ, и въ литературныхъ произведеніяхъ свѣтскихъ писателей... Рѣдкій номеръ наиболѣе распространенныхъ журналовъ и частныхъ изданій обходится безъ одного-двухъ очерковъ, рассказовъ, повѣстей, сцены, изображающихъ духовенство въ самыхъ разныхъ положеніяхъ и самыхъ разнообразныхъ тонахъ и краскахъ... Это—своего рода „знаменіе времени“ и, какъ таковое, не должно ускользать отъ вниманія пастырей церкви; намъ—пастырямъ не бесполезно слѣдить и присматриваться за всѣмъ тѣмъ, что о насъ говорятъ и пишутъ и въ какомъ свѣтѣ выставляютъ иногда нашу жизнь...

Особенно ягучій интересъ современности въ періодической печати прибрѣлъ себѣ вопросъ объ отношеніи нашего православнаго духовенства къ запросамъ современной общественной жизни...

Какъ извѣстно, послѣ злополучной и кровопролитной войны съ Японіей, наше Отечество постигли крайне печальныя событія: вспыхнувшее широкое общественное движеніе, направленное къ улучшенію всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа, и извѣстное больше подъ именемъ „освободительнаго движенія“, породило по мѣстамъ тѣ гибельныя забастовки и стачки рабочихъ, тѣ разорительныя аграрныя движенія по селамъ и уличныя безпорядки по губернскимъ и столичнымъ городамъ со всѣми ихъ кровавыми послѣдствіями, которые въ сильной степени разъѣдаютъ организмъ государственной жизни и нарушаютъ вѣко-

*) Сборникъ IV, товарищества „Знаніе“ за 1904 г. Изд. 1905 г., стран. 101—321.

вые устои и законо-порядки родины... Послѣ манифеста 17-го октября появились всевозможнаго рода партіи и союзы, въ народѣ выступили многочисленные ораторы и непризванные проповѣдники, выпущены въ многочисленномъ количествѣ брошюры нелегальнаго направленія и все это въ подавляющей массѣ сразу нахлынуло главнымъ образомъ на нашъ темный, безграмотный русскій народъ, не могущій въ такомъ хаосѣ самостоятельно отличать и разобратся гдѣ правда, а гдѣ ложь, кто зоветъ его на праведный путь Божій созидательнаго и мирнаго устроенія народной жизни, а кто на ложный путь самоуправства, грабежа, крови и пожаровъ... И, вотъ, заволновалась святая Русь!... Какъ бы подъ напоромъ сильно налетѣвшаго урагана, вдругъ всколыхнулось могучее,—но доселѣ спокойное,—море русской народной жизни, и зашумѣли, застонали его яростно взбившіяся волны, и что-то зловѣще-страшное слышится въ стонѣ сихъ волнъ, что-то угрожающее, ужасающее...

Естественно,—что духовные руководители народной жизни—пастыри Церкви не должны оставаться совершенно безучастными и безмолвными при такихъ обстоятельствахъ, не должны оставаться совершенно равнодушными зрителями совершающихся событій безъ всякаго личнаго къ нимъ отншенія. Живое и дѣятельное участіе духовенства въ общественной жизни народа крайне необходимо особенно въ настоящее тяжелое время... Пастыри церкви, какъ никогда, должны быть въ настоящіе дни на стражѣ своихъ овецъ... Они и словомъ, и дѣломъ, и даже жизнью должны всѣ встать на спасеніе многострадальной земли русской, на отрезвленіе и успокоеніе народа русскаго, разъясняя ему святую истину въ положеніи вещей... Но какъ же быть и что дѣлать?... Намъ кажется, что предъ мыслию и совѣстью каждаго православно-русскаго пастыря, чутко воспринимающаго и глубоко переживающаго всякое событіе, такъ или иначе затрагивающее религіозно-нравственную жизнь его паствы, особенно пастыря въ приходѣ коего есть фабрика или заводъ, захваченные рабочимъ движеніемъ, неотступно стоитъ именно этотъ трудно рѣшимый вопросъ: что же ему—пастырю-словесныхъ овецъ предпринять и какъ отнестись къ этому дви-

женію? Молчать-ли, молиться ли или же говорить и дѣйствовать? Но если послѣднее, то что же говорить и какъ дѣйствовать при видѣ той борьбы, которая происходитъ между рабочими и работодателями, или между богатыми землевладѣльцами и бѣдствующимъ крестьянствомъ?... Вообще, долженъ ли священникъ и, если долженъ, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ принимать и проявлять свое участіе въ общественной жизни народа?... Вотъ, эти великіе и очень важные вопросы въ жизни пастырей церкви, вопросы, надъ которыми думаетъ и болѣетъ сердцемъ и душой само духовенство и затронуты въ рассказѣ „Страна Отцовъ“ С. Гусева-Оренбургскаго. Но къ великому прискорбію, какъ и у большинства свѣтскихъ писателей, и здѣсь мы не услышимъ добраго, правдиваго и безпристрастнаго слова о духовенствѣ... Авторъ рассказа, поставивъ себѣ цѣлю изобразить положеніе и отношеніе духовенства къ современнымъ запросамъ общественной жизни народа, старается показать полное несоотвѣтствіе, непригодность, безыдейность и устарѣлость формъ всей пастырской жизни и дѣятельности по отношенію къ тѣмъ требованіямъ, какія предъявляются въ настоящее время пастырямъ церкви дѣйствительной жизнью народа... Вотъ, въ главныхъ чертахъ содержаніе рассказа „Страна Отцовъ“¹⁾.

Въ уѣздномъ городѣ Житницѣ, Старомірскаго губерніи, живетъ сынъ разорившагося старомірскаго кунца Порфирій Власычъ Широкозадовъ. Поселившись въ Житницомъ уѣздѣ, онъ „вутромъ“ понялъ сразу тактику земельнаго хищенія, умѣлъ использовать каждый недочетъ мужичьяго хозяйства, умѣлъ выбрать моментъ, чтобы прійти и закабалить... Наступали у мужичковъ сроки платежей въ земельный банкъ—онъ умѣлъ дать деньги на такихъ условіяхъ, что земли въ концѣ концовъ переходили къ нему; была нехватка у мужичковъ въ поспѣвномъ хлѣбѣ—онъ гостепріимно раскрывалъ амбары, урожай же переходилъ къ нему. Точно сытый, но жадный, коршунъ медленно кружилъ

¹⁾ Мы не будемъ вдаваться въ частности содержанія всего рассказа (довольно большого по объему), ибо въ немъ затронуты многіе вопросы изъ жизни духовенства, ограничимся же на сей разъ тѣмъ, что главнымъ образомъ относится къ затронутому нами вопросу. — Авт.

онъ по уѣзду и участокъ за участкомъ оставались въ его рукахъ... Однимъ ударомъ онъ раздавилъ село Завидовку... Теперь владѣнія Широкозадова мертвой петлей сдавили Васильцевъ... Долго и упорно ходилъ Широкозадовъ около земли Васильевцевъ... Молодой, красивый, умный и грамотный мужикъ Назаровъ,—одинъ изъ тѣхъ народныхъ ораторовъ, которые будутъ увлекать массы съ трибуны будущаго,—являясь на общественный сходъ всегда разбивалъ всѣ хитросплетенія широкозадовскихъ сказовъ... Но Широкозадову, хотя и по подложной бумагѣ, удалось все-таки заарендовать землю Васильевцевъ на 12 лѣтъ... Васильевцы ахнули; поднялось судебное дѣло, но процессъ былъ проигранъ, ибо вся формальная правда оказалась на сторонѣ Широкозадова... Тогда въ обществѣ поднялось броженіе, безпримѣрное въ исторіи Васильевцевъ... Мужики дали Широкозадову вспахать землю и засеять, но когда пришла пора уборки, шумной и многочисленной толпой двинулись они подъ предводительствомъ Назарова съ серпами и кесами на спорную землю и въ одну ночь сжали, выкосили и вывезли хлѣбъ... Налетѣло начальство, началось разслѣдованіе, пошли описи, обыски, аресты, возбуждилось дѣло о „самовольной потравѣ“... Мужики молчали, никого не выдавали... Нарочито, по просьбѣ станового, пріѣзжалъ въ Васильевку Крестовскій священникъ о. Матѣей и, собравши сходъ, у часовни, говорилъ:

— „Всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется“. Братіе! почто возстаете, яко сатана на Господа, противъ благопопечительнаго начальства своего“!... Шли тексты о происхожденіи властей... Мужики упорно молчали... На слѣдующую весну повторилось то же самое, но тутъ Васильевцевъ встрѣтили солдаты...

— Наша земля! вопили мужики; у насъ обманомъ ее взяли...

— Солдаты, кричалъ Назаровъ, вы такіе же мужики, какъ и мы! Вы вернетесь завтра на свои нищія пашни, а на мѣсто ваше встанемъ мы подъ ружье и придемъ стрѣлять въ васъ, когда вы станете за правое дѣло... Солдаты, братья! подумайте на кого идете! Но по командѣ офицера солдаты бросились на крестьянъ... Въ нихъ полетѣли косы, серпы, котелки,

мѣшки съ припасами... Мужичьи и бабын руки работали отчаянно. Къ утру восемь человекъ и въ числѣ ихъ Назаровъ сидѣли въ темной каталажкѣ при правленіи въ селѣ Крестахъ...

На поль-пути между житницей и губернскимъ городомъ Старомірскомъ разбросалось въ лощинѣ село Глѣдова. Священникомъ тамъ былъ о. Иванъ Гонимѣсовъ... Какой онъ пастырѣ—онъ самъ про себя говоритъ и мыслить: „если я пошелъ во священники, то кто знаетъ... какъ это вышло! Странно какъ-то... Развѣ я хотѣлъ? Это неправда... Когда я надѣвалъ на себя рясу, я радовался тому, чего не понималъ, а отъ того, что понималъ, я плакалъ! Почему же я не могу сбросить ее когда хочу, почему долженъ жить какъ въ могилѣ, когда вся душа моя рвется на встрѣчу новой вольной жизни? Почему эта новая жизнь грѣшна? Хотѣлъ бы я знать“..... Къ какой же новой жизни рвалась душа о. Ивана? Случайно, будучи въ губернскомъ городѣ Старомірскѣ, отецъ Иванъ познакомился съ дочерью Широкозадова, гимназисткой, въ противоположность отцу ея, барышней либеральнаго направленія мыслей и демократкой „до мозга костей“. Всѣхъ священниковъ она „вообще недолюбливала, за то что они служатъ злу“ и привыкла „считать ихъ врагами народа“... Но въ лицѣ о. Ивана она увидѣла, вѣроятно, человека „своей колеи“ по убѣжденіямъ и быстро сошлась съ нимъ, даже познакомила его въ свою очередь „съ хорошими людьми“, которые собирались по вечерамъ во дворѣ сѣдого старика еврея, въ большомъ сараѣ, безъ потолка, съ черными, толстыми балками... Эти „хорошіе люди“ были все больше молодые люди съ возбужденными лицами“, говорившіе въ присутствіи о. Ивана рѣчи „о нѣмецкомъ рейхстагѣ“, „о Бебелѣ“, о „последней побѣдѣ социаль-демократіи“ и проч.

— Вы слышали, говоритъ Александра Порфирьевна Широкозадова о. Ивану, что давеча говорилъ Удаловъ? Онъ славный мальчикъ, не правда ли? Все въ жизни подгнило, подгнили самые корни жи. Эту ложь плодящую слезы, еще крѣпо охраняютъ люди стараго міра... Чтобы придать ей блестящій видъ существуютъ рабочіе, созидающіе богатства, которыми не пользуются... Чтобы придать ей силу, существуютъ сол-

даты со штыками и пушками; чтобы окупить ее—существуютъ биржа и банки; чтобы оправдать ее—существуютъ судьи и священники...—вы простите меня!.. Чтобы разрушить эту ложь пришли „мы“...

— Кто это „мы“? спрашиваетъ о. Иванъ.

— „Мы всѣ—кто ненавидитъ царящую ложь, кто жаждетъ бороться съ нею грудь съ грудью... Мы, отбросившіе предрассудки нашихъ отцовъ, перегородки, раздѣляющіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ, аристократовъ и рабовъ! Мы, поклоняющіеся солнцу будущаго... Мы—демократы“... Можно судить поэтому въ какомъ мѣрѣ вращались мысли о. Ивана и къ какой новой, вольной жизни рвалась его душа... „Вотъ мнѣ кажется, говоритъ онъ послѣ знакомства „съ Александрой Порфирьевной и хорошими людьми“,—что я долго шелъ подземельемъ... и вотъ свѣтъ какой-то... Я еще не могу понять, что это за свѣтъ, но я употреблю всѣ усилія мысли и... пойму!“... И онъ дѣйствительно понялъ... На обратномъ пути изъ губернскаго города, по случаю грозы, о. Иванъ остановился переночевать у благочиннаго въ селѣ Богдановкѣ, гдѣ на другой день была ярмарка и „по случаю ярмарки у благочиннаго былъ съѣздъ духовенства изъ ближайшихъ селеній. Гуляя рано утромъ другого дня по надъ рѣчкой, о. Иванъ вдругъ увидѣлъ сына благочиннаго студента (тоже по убѣжденіямъ крайняго демократа) съ какимъ то мужикомъ, причащавшихъ на лодкѣ къ берегу, прятавшихъ ее въ густомъ камышѣ и о чемъ то шептавшихся... Не понравилось студенту неожиданное присутствіе здѣсь о. Ивана и онъ, окинувъ его крайне недовольнымъ взглядомъ, подошедши къ нему, все таки разговорился... Студентъ горячо говорилъ противъ всего духовенства, что оно „живетъ какъ рабы и другихъ хочетъ сдѣлать рабами“, что „оно не соль, а грязь земли“, что новый общественный строй смететъ духовенство съ лица земли“... „И эту чужую жизнь,—горячился студентъ,—ломающую насъ, навязанную намъ, мы покорно носимъ ее на плечахъ, не пытаясь сбросить, чтобы съ гнѣвомъ растоптать... Безъ критики, безъ протеста подчиняемся установленнымъ отцами формамъ жизни

со всей ихъ рабской идеологіей“... О. Иванъ даже слова не проронилъ въ самозащиту и въ защиту собратьевъ своихъ.

— Ужъ вотъ какъ мнѣ и самому не хотѣлось идти въ священники... Кабы теперешній опытъ мой, не пошелъ бы,— говорилъ о. Иванъ.

— Тяжело? внимательно взглянувъ спросилъ студентъ о. Ивана.

— Тяжело! иногда невыносимо тяжело... ото всей жизни! Обманываешь себя хозяйствомъ... тѣмъ... сѣмъ.. А нѣтъ! Да, ужъ, должно быть судьба такая... Ушелъ бы, а куда? Для чего живешь—неизвѣстно!

— Вѣдь, есть же у васъ какойнибудь идеаль?...

О. Иванъ грустно взглянулъ на студента...

— У меня есть... смертная тоска! Ничего больше!..

— „Такъ развѣ можно жить безъ идеала?! Какой смыслъ тогда вашего существованія? Кому нужны вы? Кто нуженъ вамъ?.. Оглянитесь внимательно вы на нашу жизнь... Теперь для всѣхъ пришла пора создавать новыя условія жизни, идеальныя... Пора раскрѣпощенія общественныхъ силъ... Пора борьбы на жизнь и смерть! Эта борьба—идеаль! Проникнетесь этимъ идеаломъ, идите сами на великую борьбу за угнетенныхъ, которую ведутъ отдѣльныя личности, герои жизни! Положите и сами камень на стѣны храма свободнаго человѣчества! Земля уже напилалась слезами и кровью досточно... Она не можетъ больше... Она тяжело дышетъ и стонетъ, какъ въ мукахъ родящая... И вулканы гнѣва ея уже готовы раскрыться, чтобы залить міръ огнемъ всеочищающаго пожара“...

О. Иванъ внимательно слушалъ его... Прощаясь студентъ сказалъ ему:

— Только знаете что? „Ѣхали молодцы на лодочкѣ, ни одинъ живъ человѣкъ не видалъ ихъ“... Ладно?

— Ладно! отвѣчалъ со смѣхомъ о. Иванъ, чему то радуясь... Они разстались...

Ярмарка была уже въ разгарѣ... Много народу съ разныхъ странъ съѣхалось въ Богдановку... Но среди всѣхъ чѣмъ-то особеннымъ выдавались Васильевцы... Казалось тайна какая-то бродила по ярмаркѣ объ руку съ Васильевцами и

эта тайна носилась въ воздухѣ надъ ярмаркой, таилась по закоулкамъ, пряталась отъ любопытныхъ взглядовъ... И вдругъ точно молвія пронеслось: „на ярмаркѣ бунтъ“. У Широкозадовскаго трактира творилось что-то необычайное: чрезъ ярмарку везли восемь человекъ арестованныхъ Васильевцевъ и вотъ односельчане, заранѣе обдумавъ этотъ планъ, бросились ихъ отнимать и отбивать отъ стражниковъ... Возбужденная до крайнихъ предѣловъ толпа, точно плотина прорвалась: пылалъ уже широкозадовскій трактиръ, слышались крики, стовы, все бѣжало, кружилось какъ въ вихрѣ, суетилось, смѣшиваясь въ общемъ страшномъ и угрожающемъ гулѣ... А духовные отцы, съѣхавшіеся къ благочинному, какъ то безучастно поглядывали на сильное народное возмущеніе... Ни у единого даже не зародилась мысль: какъ бы попытаться общими пастырскими силами остановить и успокоить расходившуюся толпу... И только дьяконъ Ивановскій, „человѣкъ юркій и прыливый“, былъ оживленнѣе другихъ, суетился и обращался то къ одному, то къ другому...

— Я это зналъ! Да, да! я это предчувствовалъ... Имъ надо было Назарова отбить и отбили! Назаровъ коноводъ у нихъ, Назаровъ главарь... Не даромъ я сегодня рано на колокольнѣ былъ... У меня глазъ зоркій, далеко видитъ... Видилъ и лодочку... И видѣлъ кто и около лодочки былъ...—и онъ посмотрѣлъ на о. Ивана... У того точно молвія вспыхнула... Онъ моментально понялъ зачѣмъ такъ рано студентъ и мужикъ принаесли лодку въ камышахъ, и ружье, и что то замыслили...

— Вы, вѣдь, видѣли лодочку, вы около нея стояли,—както торжествующе и съ ехидной улыбкой сказалъ Ивановскій къ о. Ивану.

— Никакой я лодки не видалъ! закричалъ онъ страшно обозлившись и чувствуя, какъ подъ общими на него всѣхъ взорами кровь горячей волной ударила ему въ голову...

— Не было никакой лодки и ступай ты отъ меня шпионъ въ другомъ мѣстѣ...

— Что же вы ругаетесь,—уже грубо сказалъ Ивановскій, вы—священникъ!

— Не священникъ я!.. дико вскрикнулъ о. Иванъ. Я твердо рѣшилъ, безповоротно! Ухожу!... Довольно!..

— Что съ вами!? взволновались всѣ.

— Потому что я пересталъ бояться думать!.. Прозябалъ какъ червь! ползъ во мракѣ! Жилъ какъ приказано, а не такъ какъ должно жить! Довольно! Я и вамъ говорю! довольно! Развѣ вы не видите, что такъ жить нельзя больше... нельзя!.. Позорно! Жизнь уходитъ отъ насъ въ сіяющую даль..., а мы стоимъ на мѣстѣ окаменѣлые, черною стѣною... Сами не идемъ и мѣшаемъ идти другимъ!..

Накинули на жизнь цѣлую сѣть текстовъ, подложныхъ текстовъ, потому что оправдываемъ произволъ тѣхъ, кто уродуетъ жизнь, проповѣдуемъ терпѣніе тѣмъ, кто и безъ того достаточно терпѣль... Довольно! Всѣ вокругъ насъ ищутъ рая правды, рая справедливости, страстно борются за свой идеаль... А мы?! Довольно! Мы всѣ безумцы! Живемъ безсознательно, мыслимъ навязанными мыслями, мыслями рабовъ!.. Мы съ дѣтства обмануты и сами превратились въ обманщиковъ!..

За окномъ на дворѣ разыгралась гроза.....

Такими громкими и широкофщательными, но страшными для пастыря, фразами и оканчивается рассказъ „Страна Отцовъ“. Грустью и холодомъ вѣетъ отъ него... Въ особенности послѣдніе слова о. Ивана, да и вся вообще личность этого пастыря, тяжелымъ камнемъ ложатся на душу вѣрующаго священника и заставляютъ глубоко надъ ними призадуматься... Въ самомъ дѣлѣ, это ли стонъ, вырвавшійся изъ наболѣлой души пастыря церкви, всю жизнь свою отдавашаго ревностному исполненію своего долга, всю жизнь терпѣвшаго, боровшагося за истину и въ изнеможеніи пришедшаго къ такому отчаянному рѣшенію? Это-ли изъ устъ пастыря слова правды Христовой, слова евангельскаго благовѣстника, предстоявшаго со страхомъ и трепетомъ престолу Божію и неуклонно по завѣтамъ Христа водившаго овцы свои на пажити духовныя, напоявшаго ихъ изъ источника воды живой и „право правившаго слово истины“?... Нѣтъ и нѣтъ; ничего подобнаго въ жизни о. Ивана мы не видимъ. Это не рѣчь пастыря Божія, а скорѣе

напыщенныя фразы демократовъ, вложенныя лишь къ прискорбію въ уста пастыря. Хотя правда и то, что такой пастырь, какимъ представленъ въ разсказѣ о. Иванъ, вѣроятно не могъ и говорить иначе: вѣдь, о. Иванъ—пастырь не по призванію, онъ не проникнутъ высокой идеей пастырскаго служенія, онъ не имѣетъ въ сердцѣ своемъ ни малѣйшей искры того священнаго огня и вдохновенія къ своему служенію, какая бы тлѣя и разжигаясь и постепенно увеличиваясь, пылала бы въ немъ яркимъ пламенемъ и охватывала бы все существо его на преданное и всеусердное служеніе Христу!... Онъ самъ не знаетъ „какъ это вышло“, что онъ сдѣлался священникомъ; въ дѣятельности своей онъ испытываетъ „смертную тоску“, а посему „обманывалъ себя то хозяйствомъ, то тѣмъ, сѣмъ“... Онъ не отдалъ всего себя какъ истинный служитель Божій на самоотверженное служеніе тому же угнетенному народу, той меньшей Христовой братіи, за которую Сынъ Божій пролилъ кровь Свою честную; онъ не плакалъ съ плачущими, не скорбѣлъ съ скорбящими, не явилъ даже попытки на дѣлѣ явить себя добрымъ Божиимъ пастыремъ, душу свою полагающимъ за овцы свои и достойно удивленія, что онъ виноватымъ дѣлаетъ само-по себѣ великое и святое служеніе пастырское, что онъ собратамъ-пастырямъ рѣшается сказать: „я и вамъ говорю: довольно! такъ жить нельзя больше, позорно“! Неужели же виновать, нечистъ и позоренъ самъ-по-себѣ и великій жребій апостольства, который удостоился носить на раменахъ своихъ недостойный ученикъ Христовъ Іуда? О. Иванъ познакомился, по его мнѣнію, „съ хорошими людьми“, но въ дѣйствительности это было худое и пагубное для него сообщество, а по слову писанія: *„Худыя сообщества развращаютъ добрыя нравы“* (1 Кор. 15,—33). Вотъ почему о. Иванъ, напыщенный и увлеченный рѣчами демократовъ, безотчетно рѣшается,—будто бы для того, чтобы правдой-истиной послужить народу,—оставить великій санъ священства, рѣшается оставить своего Учителя и Господа, образъ Котораго онъ носилъ, забывая при этомъ сколько онъ, только будучи пастыремъ, но пастыремъ истиннымъ, добрымъ, могъ бы принести добра, утѣшенія, свѣта, правды, мира всѣмъ обездоленнымъ, безпріют-

нымъ, скорбящимъ, угнетеннымъ, „милости Божіей и помощи требующимъ“!...

Говорятъ: „священники служатъ злу“, „они враги народа, мѣшающіе ему идти въ сіяющую даль“. Неужели же вся исторія служенія нашего народа, вся дѣятельность наша пастырская, просвѣтительная, миссіонерская совершенно бесполезна, непригодна и есть „служеніе злу“? Неужели, всѣ мы пастыри „съ дѣтства обмануты и сами превратились въ обманщиковъ“? Зачѣмъ такое тяжкое и несправедливое обвиненіе и притомъ отъ тѣхъ людей, кои сами „ищутъ рая правды, рая справедливости“? Правда, обманщикомъ называли Самого Иисуса Христа (Мѡ. 27,—63), за обманщиковъ считали св. апостоловъ (2 Кор. 6,—8), такой же чести удостоивались за свое служеніе и всѣ Божіи пастыри на всемъ протяженіи Исторіи Церкви Христовой на землѣ. *„По сему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей..., съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на Нималъника и Совершителя вѣры Иисуса, Который, вмѣсто предлежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ“!* (Евр. 12,—1—2). Справедливость же требуетъ особенно отмѣтить тотъ фактъ, что пастыри церкви нашей не только никогда „не были врагами народа“, не только никогда „не мѣшали“, не противодѣйствовали улучшенію общественной жизни народа, но всегда, наоборотъ, способствовали, принимали и проявляли самое дѣятельное участіе въ общественной и государственной жизни народа, проводя всегда и всюду христіанскія начала мира, правды и любви. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно, кажется, бросить только одинъ бѣглый взглядъ на исторію Русскаго Государства.

Вотъ предъ нами удѣльный періодъ, эготъ тяжкій періодъ взаимныхъ усобицъ съ опустошительными войнами между князьями, — войнами, сопровождавшимися страшными кровопролитіями, безпощаднымъ грабежемъ, ужасными пожарами и, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, татарскимъ игомъ. И вотъ „въ такое смутное и тяжелое время, когда, казалось, самое политическое существованіе Россіи, какъ особаго государства, грозило прекратиться, пастыри Церкви явились самыми усердными и, можно сказать, единственно безкорыстными дѣятелями на пользу отечества.

Своимъ нравственнымъ авторитетомъ и добрымъ вліяніемъ они содѣйствовали и прекращенію княжескихъ междуусобицъ, и упорядоченію различныхъ сторонъ общественной жизни, и успокоенію разбушевавшихся народныхъ страстей. Способствуя внутреннему умиротворенію страны, пастыри Церкви въ то же время были усердными и самоотверженными ходатаями за нее предъ татарскими ханами. Для этого они часто ѣздили въ Орду и тамъ, терпя всевозможныя лишенія, оскорбленія и даже истязанія, испрашивали разныхъ милостей для своей много-страдальной родины¹⁾. Вспомнимъ имена святителей московскихъ: Петра, Θεогноста, Алексія особенно потрудившихся въ это тяжелое время! А наряду съ высоко-патріотическими подвигами московскихъ святителей, обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность архипастырей Великаго Новгорода, Пскова, которые были всегдашними миротворцами въ вѣчевыхъ раздорахъ, успокоивая своимъ авторитетнымъ словомъ наиболѣе буйные элементы населенія и устроявая ихъ взаимныя отношенія на началахъ любви, правды и законности. Не меньшія услуги оказало отечеству духовенство и въ *смутное время*, известное подъ именемъ *лихолѣтя*. Своимъ нравственнымъ авторитетомъ и сильнымъ пастырскимъ словомъ оно одно слило разноплеменную Русь въ одну дружную семью, помогло возстановить царскую власть отъ древняго русскаго корня и, такимъ образомъ, оградило самобытность и величіе Россіи. Имена великихъ святителей Іова и Гермогена всегда будутъ жить въ сердцахъ русскихъ людей!... Правда „исторія сохранила намъ не много именъ русскихъ пастырей, которые припимали столь видное участіе въ судьбахъ Россіи. Но несомнѣнно, что въ великомъ освободительномъ движеніи участвовало и все приходящее духовенство, содѣйствуя въ этомъ отношеніи своимъ архипастырямъ и, подобно имъ, обвѣдывая вокругъ себя разрозненныя элементы населенія и вселяя въ сердца ихъ чувство горячей любви къ родинѣ“²⁾. Такимъ же искреннимъ радѣтелемъ блага общественной и государственной жизни народа духовенство осталось и въ наши тяжкіе дни,—когда земля рус-

¹⁾ „Руск. для сел. паст.“ за 1905 г. № 23, стр. 154—155.

²⁾ „Руск. для сел. паст.“ стр. 158, за 1905 г.

ская вновь застонала отъ смуты и оросилась кровью сыновъ ея,—неся на алтарь отечества слово правды, мира и любви „въ духъ всенароднаго братства“. „Въ своей пастырской совѣсти,—пишетъ Московскій митрополитъ Владиміръ,—я не нахожу основаній противодѣйствовать современному, такъ называемому, освободительному движенію, поскольку оно стремится къ осуществленію вѣчныхъ христіанскихъ началъ любви и правды, но какъ служитель Христовой истины, я утверждаю, что лучшихъ цѣлей надо достигать лучшими средствами, что насильственныя потрясенія общества не только не ускоряютъ ихъ истиннаго усовершенствованія, хотя, повидимому, для того и предпринимаются, но напротивъ, замедляютъ его... Вотъ почему я безусловно осуждаю всякую кровавую борьбу, всякое насиліе и нарушеніе закона и порядка изъ какихъ бы побужденій они ни исходили. Кто ратуетъ за правду, тотъ долженъ помнить, что *„плодъ правды въ миръ съется у тѣхъ, которые хранятъ миръ“* (Іак. 3—18.)¹⁾.

„Мы, говоритъ о. Иванъ, накинута на жизнь цѣлую сѣть текстовъ, подложныхъ текстовъ, потому что оправдываемъ произволъ тѣхъ, кто уродуетъ жизнь, проповѣдуетъ терпѣніе тѣмъ, кто и безъ того достаточно терпѣль“. Обвиненіе не новое и не впервые приходится выслушивать его пастырямъ церкви. Но и приведенный въ разсказѣ примѣръ проповѣди Крестовскаго свящ. о. Матѳея—измышленная утрировка и ничуть не говоритъ за то, чтобы въ дѣйствительности пастыри такъ сухо, бездушно, неумѣло и безучастно поучали своихъ пасомыхъ, да еще въ такихъ исключительныхъ случаяхъ. Никогда пастыри церкви не дерзали злоупотреблять словомъ Божиимъ и „подложными текстами“ (!) оправдывать произволъ и насиліе; ученіемъ же о терпѣніи преисполнено св. Евангеліе и посланіе св. апостоловъ, ученіе о терпѣніи принесъ на землю Сынъ Божій, распространили во всѣ концы вселенной св. апостолы и, естественно, не погрѣшаютъ пастыри церкви, если въ потребныхъ случаяхъ считаютъ своей священной обязанностію

¹⁾ „Русское Слово“ за 1905 г., 23 окт. № 278.

повторять ученіе Господа своимъ пасомымъ. Вообще же, положеніе пастырей церкви, какъ руководителей и наставниковъ своихъ пасомыхъ въ ихъ общественныхъ нуждахъ, особенно въ наши лукавые дни, истинно подвижническое: молчи—укоряютъ, говори—тоже укоряютъ. „Положеніе ваше, духовные отцы, въ отношеніи къ такъ называемымъ общественнымъ вопросамъ,—говоритъ митрополитъ Кіевскій Флавіанъ,—крайне тяжело. Молчите вы, избѣгаете участія въ рѣшеніи этихъ вопросовъ,—и васъ ваши пасомые, крестьяне, напр., готовы обвинить въ малодушіи, пріязни къ богатымъ, криводушіи, лицемѣріи. Скажете сердечное искреннее пастырское слово,—васъ могутъ другіе выставить нарушителями общественнаго порядка, не пастырями, а потатчиками низменной страсти. Великое испытаніе для васъ въ этомъ!.. Глубоко скорблю я и болѣю душой, представляя васъ въ этомъ нынѣшнемъ положеніи, и молю Бога оказать вамъ Свою вседѣйственную помощь, а васъ умоляю, въ твердомъ упованіи на Бога, въ правдѣ и любви совершать свое пастырское дѣланіе“... 1)

Великое, сыновнее спасибо Архипастырю Кіевской Церкви за его правдивое и сердечное слово о духовенствѣ!.. И оно, внимая примѣру и призыву своихъ архипастырей, трудится въ нелегкомъ дѣланіи своемъ на нивѣ Господней, оставаясь вѣрнымъ завѣтамъ Христа... Нынѣ объявилось много политическихъ партій, которыя, правда, замаскированно, подъ видомъ истинныхъ благодѣтелей угнетенныхъ, проповѣдуютъ свои разрушительныя идеи, не согласныя съ духомъ Христова ученія, выказываютъ себя, попирая иногда и Божескую и человѣческую справедливость, защитниками и сторонниками однихъ и яркими противниками другихъ... Далекое не таково положеніе пастырей церкви: они нравственно не могутъ и не должны примыкать или объявлять себя приверженцами какой либо партіи; они вѣщаютъ и должны вѣщать одну истину—истину Божию! Когда къ Господу Іисусу Христу пришли однажды два брата и просили Его раздѣлить ихъ наслѣдство, Онъ

1) „Церк. Вѣсти“

сказалъ имъ: „кто поставилъ Меня судить или дѣлать васъ?“ (Лук. 12,—14). Въ примѣненіи къ настоящему времени и къ событіямъ, совершающимся на нашихъ же глазахъ, одинъ братъ—это классъ собственниковъ, другой—толпа пролетаріевъ. Первый говоритъ Ему: „обезпечь мнѣ мое владѣніе, водвори порядокъ и усмири безумныя страсти“. Другой говоритъ: „Ты, бывший Самъ бѣднымъ, стань на сторону бѣдняковъ и доставь имъ торжество справедливости“. И, вотъ, мы какъ будто слышимъ отвѣтъ Небеснаго Учителя на эту горячую мольбу: „О, люди! Кто поставилъ Меня судить или дѣлать васъ? Я лишь говорю вамъ: *смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человека не зависитъ отъ изобилія его имѣнія*“... (Лук. 12,—15). И на самомъ дѣлѣ, Христосъ не можетъ быть ни за тѣхъ, ни за другихъ, ибо Онъ ровно за всѣхъ!.. Этимъ высокимъ примѣромъ пастыри церкви и должны руководиться въ своей дѣятельности, ибо Христосъ оставилъ намъ образецъ, чтобы мы шли по стопамъ Его!.. Поэтому, пастырямъ нѣтъ нужды объявлять свою „платформу“ ибо она давно извѣстна всему міру: это—святое Евангеліе Господа нашего Иисуса Христа, которое стоитъ выше всѣхъ партій человѣческихъ и одинаково всѣмъ проповѣдуетъ справедливость и милосердіе; Церковь Христова—это святилище, всѣхъ объединяющее, это—горнее мѣсто, куда стекаются люди и богатые и бѣдные, знатные и простые, чтобы вздохнуть чистымъ воздухомъ правды, милосердія и взаимной любви. Нѣтъ нужды намъ пастырямъ выставлять и „свое знамя“,—ибо наше знаменіе—Крестъ Христовъ, при видѣ коего нѣкогда „*восплачутъ всѣ племена земныя*“ (Мѡ. 24,—30)! Нынѣ же „*орубило сердце людей, и ушами съ трудомъ слышатъ, и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами и не услышатъ ушами и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся ко Господу, чтобы Онъ Милосердный исцѣлилъ ихъ*“!.. (Дѣян. 28,—27). „Мы всѣ безумцы,—воскликаетъ о. Иванъ,—мыслимъ навязанными мыслями, мыслями рабовъ“... Да, „мы безумны Христа ради“, Его мы рабы недостойные и мыслимъ въ послушаніи Христу! „Мы немоцны, мы и въ безцестіи“... „Злословятъ насъ, мы

благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ вѣтри попираемый донынѣ" (1 Кор. 4,—10,—13). Но „имѣя по милости Божьей такое служеніе, мы не унываемъ" (2 Кор. 4,—1), ибо „Отецъ милосердія и Богъ всякаго утѣшенія утѣшаетъ и насъ во всякой скорби нашей и по мѣртѣ того, какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше"!.. (2 Кор. 1,—1—5).

Братья-сопастыри! насъ упрекаютъ въ молчаніи и бездѣятельности, намъ угрожаютъ, что „новый общественный строй смететъ насъ съ лица земли"... Это должно больно ударить каждаго изъ насъ по струнамъ сердца и подвинуть еще на бѣльшіе подвиги и усердіе въ дѣланіи нашемъ!.. Болѣе чѣмъ когда либо въ наши именно дни отечество наше нуждается въ высокой и беззаветной преданности ему, а паства въ руководствѣ и наставленіи въ назрѣвшихъ ея нуждахъ... Явимъ же себя добрыми воинами Іисуса Христа! Предъ нами разслабленный, лежащій у овчей купѣли, но неимѣющій человѣка сердобольнаго, который бы помогъ ему сойти въ нее и выздоровѣть, неужели мы не протянемъ ему руку помощи? Предъ нами больной, ограбленный, израненный разбойниками и умирающій въ тяжкихъ мукахъ, явимъ себя милосерднымъ самаряниномъ и облегчимъ нестерпимыя боли ранъ его елеемъ кроткаго, умиротворяющаго слова Христова!

Смуты и волненія да не устрашаютъ насъ, а возжигаютъ бѣльшій огонь ревности за дѣло Божіе! Пойдемъ въ эту волнующуюся толпу съ именемъ Христа въ устахъ нашихъ, съ любовію и кротостію, какъ агнцы среди волковъ! Будемъ молить всѣхъ о мирѣ, о примиреніи, о воздержаніи отъ грѣховъ насилія и братоубійства... Явимъ готовность свою на подвигъ... Пусть ножи убійць даже обогрятся и нашею кровію, мы будемъ истинные исполнители словъ Христа: „пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы своя"!...

Священникъ Николай Загоровскій.

Село Малыжино.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЫБОРЩИКАМЪ ДЛЯ ИЗБРАНІЯ ЧЛЕНОВЪ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.

Въ „Богослов. Вѣстникѣ“ за текущій годъ помѣщенъ рядъ статей В. Н. Мышцына, подъ заглавіемъ „Политическія партіи и ихъ идеалы“ (кн. янв., февр. и мартъ). Обращаемъ вниманіе выборщиковъ, среди которыхъ есть не мало духовныхъ лицъ и сельскихъ жителей, на эту прекрасную статью писателя, трактующую о возникшихъ у насъ политическихъ партіяхъ. Статья принадлежит перу профессора М. Д. Академіи, посвятившему себя основательному и всестороннему знакомству съ этими партіями, насколько онѣ выяснили себя литературнымъ путемъ. Конечно, онѣ не даютъ полной характеристики нашихъ политическихъ партій. Онѣ самъ говоритъ: „Такой трудъ въ настоящее время былъ бы преждевременнымъ, такъ какъ большая часть партій находится еще въ процессѣ образованія. Онѣ еще не успѣли выяснитъ себѣ многихъ вопросовъ и нерѣдко обнаруживаютъ непоследовательность и даже противорѣчія въ своихъ воззрѣніяхъ, если сравнить ихъ программы съ партійными брошюрами. Съ другой стороны существующая дифференціація партій часто обнаруживаетъ признаки совершенно случайнаго происхожденія, вслѣдствіе чего въ непродолжительномъ времени можно ожидать отъ нихъ новыхъ соединеній и новыхъ расколовъ. Наконецъ не слѣдуетъ забывать и того, что мы наблюдаемъ партіи пока въ словахъ, а не въ дѣлѣ. А между тѣмъ и другимъ громадная разница. Теперь онѣ всячески стараются пріукрасить себя, какъ невѣста передъ вѣнцомъ. Они поютъ сиренами въ надеждѣ увлечь малоопытныхъ слушателей. Не то будетъ съ открытіемъ Думы. Мы увидимъ ихъ тогда безъ маски, услышимъ ихъ тайныя рѣчи“. Въѣстѣ съ этимъ нашъ писатель высказываетъ свои предположенія о будущей дѣятельности въ Думѣ нѣкоторыхъ нашихъ партій (партій господствующихъ классовъ и промышленниковъ), но эти предположенія должны быть уже отнесены къ области его личныхъ предположеній, неопирающихся на несомнѣнныхъ фактахъ. Нашъ писатель прекрасно понимаетъ

это, а потому въ заключеніи говоритъ: „при такихъ условіяхъ давать подробную характеристику нашимъ партіямъ было бы бесполезнымъ трудомъ. Вотъ почему мы поставили себѣ задачей въ сжатой, по мѣстамъ даже въ конспективной формѣ выяснить тѣ теоретическія основы, на почвѣ которыхъ возможны главныя разногласія между политическими партіями, чтобы такимъ образомъ облегчить читателю сознательное отношеніе къ политическимъ программамъ и дать нѣкоторый критерій для оцѣнки ихъ. Тамъ гдѣ критерій представлялся намъ болѣе или менѣе установленнымъ, мы дѣлали свои заключенія о достоинствѣ существующихъ программъ; гдѣ онъ казался намъ спорнымъ, мы предоставляли судить самому читателю“. Тѣмъ не менѣе статьи нашего писателя, на которыя мы указываемъ, несомнѣнно поучительны и благовременны. Онѣ написаны съ возможною объективностію и возвышаются надъ исключительностію всѣхъ партійныхъ программъ и газетъ. Въ этомъ ихъ преимущественное достоинство, не говоря уже о научныхъ достоинствахъ и популярности изложенія.

При всемъ нашемъ желаніи мы не можемъ однакоже познакомиться нашихъ читателей съ этими статьями даже въ извлеченіи, такъ какъ пришлось бы перепечатать значительную часть ихъ, что недочускается не только цензурными, но и литературными правилами, а главное—пришлось бы нарушить ту внутреннюю связь и послѣдовательность статей, въ какой они находятся у нашего писателя. Въмѣсто всего этого прилагаемъ составленную самимъ писателемъ таблицу всѣхъ главнѣйшихъ нашихъ партій, съ краткимъ обозначеніемъ ихъ политическихъ программъ, правъ гражданъ, аграрнымъ, рабочимъ и финансовымъ вопросами, съ отношеніемъ къ Церкви, суду и крайнимъ или племеннымъ вопросамъ. Полагаемъ, что вдумчивый читатель даже по этой таблицѣ можетъ до нѣкоторой степени уже самъ опредѣлить сравнительное достоинство нашихъ партій и, по внушенію своей совѣсти и вѣрноподданническаго долга, остановиться на какой либо изъ нихъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

НОТЫ—БУКВЫ. ПѢВЧЕСКАЯ ГРАМОТА.

Сост. по англійской буквенной методѣ Г. П. Мироносицнй. Кн. 2. Для учителей и самообученія.

Еще „новая“ нотная система для школъ и народа, система, назначеніе которой—устранить несовершенства и неудобства старыхъ. Не касаясь, пока, достоинствъ и недостатковъ книжки, заглавіе которой выписано выше, попытаемся разобрать, насколько нова буквенная система, транскрипированная г. Мироносицкимъ съ англійскаго, и устраняетъ-ли она недостатки старыхъ? Еще до Рождества Христова греки изображали звуки своихъ музыкальныхъ системъ буквами своего алфавита. Такой способъ нотописанія перешелъ и въ христіанскую церковь, гдѣ сохранился до IV в.: есть изложеніе музыки гимна „Te Deum Laudamus“ св. Амвросія Миланскаго древнегреческимъ алфавитомъ ¹⁾. Для западной церкви греческій алфавитъ смѣнился впоследствии латинскимъ (см. свидѣтельство Боэція, V в. по Р. X.). Къ концу VIII в. вошла во всеобщее употребленіе крюковая (крюки или невмы) нотация. Одновременно съ ней продолжала существовать и буквенная (изъ буквъ латинскаго алфавита) нотация. Развитіе мелодіи усложняло и запутывало крюковое и буквенное нотописаніе. Ради большей ясности и наглядности буквы и крюки стали размѣщать на линіяхъ. Число линій прибавлялось постепенно, начиная съ одной. Монахъ Гвидо изъ Арrezzo (конецъ X и начало XI в.) приписываетъ себѣ эту мысль о введеніи линеекъ для большей наглядности въ крюковомъ и буквенномъ нотописаніи. Но есть памятники, указывающіе на употребленіе линеекъ еще раньше него.

Постепенно и долго развивалась линейная система; разрабатывалась и система сольмизаціи (названія ut, re, mi и т. д. введены тѣмъ же Гвидо), и система обозначенія вышнимъ видомъ знака-ноты его ритмическаго значенія.

Такъ, трудомъ цѣлаго ряда поколѣній, на протяженіи ряда вѣковъ создавалась и развивалась нынѣшняя нотпо-линейная система, пользуясь которой поетъ, пишетъ и играетъ весь музыкальный міръ. Изъ предыдущаго видно, что система эта явилась *на смену* буквенной и крюковой,—какъ болѣе совершенная, наглядная и

¹⁾ См. Прот. Разумовскій. Ист. и. мѣст. ч. I, стр. 22.

удобная. Сколько помнится, позднѣйшія попытки упрощенія ея успѣха не имѣли.

Въ примѣненіи нотно-линейной системы въ школѣ къ начальному обученію пѣнію есть, правда, нѣкоторыя чисто практическія неудобства, какъ-то: необходимость вводить въ сознаніе дѣтей, только что приступившихъ къ изученію, новую систему знаковъ; необходимость имѣть въ нашей бѣдной школѣ особо разграфленную бумагу, доску. Все это дѣлаетъ систему недостаточно удобною именно на *первыхъ* ступеняхъ обученія пѣнію, когда о собственно *системѣ* нотописи врядъ-ли можетъ идти рѣчь. Задача первой стадіи обученія—развитіе слуха, голоса, памяти—т. е. элементарныхъ музыкальныхъ способностей. Учителю и ученикамъ нужно имѣть въ распоряженіи лишь нѣсколько самыхъ элементарныхъ знаковъ для записыванія тѣхъ простыхъ мелодичныхъ и ритмическихъ взаимоотношеній звуковъ, которыя возможны на этой ступени. Цифирная (лучше) и буквенная (хуже) нотации вполнѣ удовлетворяютъ этой потребности.

Но разъ усложняются упражненія—усложняется и система, при помощи которой онѣ записываются. При этомъ усложненіи ярко выступаютъ недостатки цифръ и буквъ, какъ нотации: отвлеченность, условность, отсутствіе наглядности и вслѣдствіе этого—запутанность. Въ разсматриваемой системѣ укажу для примѣра хоть на запутанность въ изображеніи длительности звуковъ, паузъ (особенно равной $\frac{1}{8}$) нотъ съ точкой и т. д. Извольте разбираться въ этой системѣ большихъ и маленькихъ черточекъ, точекъ, двоеточій, запятыхъ, точекъ съ запятой, меньшихъ и большихъ промежутковъ, между ними (см. напр. стр. 58). И все это при неустойчивомъ дѣтскомъ навыкѣ къ глазомѣру, при неумѣньѣ, непривычкѣ разбираться въ мелочахъ, при... свободной дѣтской каллиграфіи, въ которой подчасъ не рѣшишь: гдѣ большее или меньшее разстояніе между знаками или тотъ или иной размѣръ ихъ сдѣланы намѣренно, гдѣ просто размахнулась нетвердая дѣтская рука.

Думается (и нашъ личный опытъ подтверждаетъ это), что для дѣтей, пѣвческой опытъ и знанія которыхъ до известной степени расширились, усвоеніе нотно-линейной системы не представитъ большого труда.

Возвращаемся къ разбираемой книжкѣ. Что въ ней почти безусловно хорошо—это ея методическая часть. Размѣры замѣтки не позволяютъ остановиться на ней подробнѣе. Предложенный г. Мирносицкимъ планъ обученія (правда не совсѣмъ новый)—

последовательнѣнъ, основательно и съ полнымъ знаніемъ дѣла мотивированъ, и охватываетъ все нужное.

Слабѣе теоретическая сторона — пѣвческой грамоты. Часть недостатковъ ея нужно отнести на долю самой системы съ ея запутанными добавочными знаками, буквами, системой какой-то средневѣковой мутаціи. Но часть принадлежитъ безусловно автору. Такъ совершенно непонятны характеристики отдѣльных звуковъ. Напр., на стр. 13 *ми* — звукъ тихій, спокойный, кроткій и даже какъ будто грустный (въ соединеніи с *-м*)¹⁾. „*И* — звукъ рѣзкій, какъ бы острый“ (стр. 19), и нѣсколькими строками выше тотъ же звукъ, *и* характеризуется, какъ „свѣтлый, веселый звукъ“. „*Іа* въ соединеніи съ другими ступенями²⁾ звучить уныло, печально“ (стр. 27) и т. п.

Совершенно случайное и субъективное ощущеніе отъ этихъ звуковъ, взятыхъ въ опредѣленныхъ сочетаніяхъ, авторъ возводитъ въ рангъ ихъ характерныхъ признаковъ, не заботясь о томъ, всегда-ли вѣрно — это и будетъ-ли понято дѣтьми такъ, какъ этого ему хочется. Получается что-то вродѣ китайской нотной азбуки, гдѣ каждый изъ тоновъ ея имѣетъ свое символическое значеніе: *г* — царь, *д* — министръ, *а* — народъ, *с* — государственныя дѣла³⁾ и т. д. Простота и наглядность плохо уживаются съ декадентствомъ и символизмомъ.

Совершенно не нужно дѣтямъ (кстати и изложено неудачно) ученіе о модуляціяхъ. Эта — перестройка слуха — (стр. 58), при которой послѣ *до* поется *ре*, а называется до — эквилибристика, которую дѣти врядъ-ли усвоятъ сознательно.

Мелодіи — грамоты — не всегда удачны и интересны. Упражненія подчасъ сухи и скучны.

Резюмируемъ сказанное: буквы (какъ и цифры, прибавимъ) — какъ знаки для записыванія элементарныхъ упражненій въ самой первой стадіи обученія — пригодны и нужны. Но какъ система, задача которой по возможности просто и наглядно выразить знаками все то сложное, что даетъ музыкальный языкъ, ноты-буквы никогда не достигнутъ той ясности и наглядности, которыми отличается система нотно-линейная.

— 8.

1) *Соль-ми* — въ трезвучіи *до-ми-соль*.

2) Напр. *фи-ля*?

3) См. — Очеркъ исторіи музыки — Саккетти, стр. 10.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Годичное собраніе Членовъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ воскресенье, 19-го марта, въ 1 часъ дня, состоялось Общее собраніе членовъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. Собраніе происходило въ Крестовой церкви Покровскаго монастыря. Предъ началомъ засѣданія Преосвященнымъ Евгеніемъ, въ сослуженіи четырехъ священнослужителей, отслужена была панихида по усопшимъ членамъ Комитета.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Викарія. Протоіерей о. В. Добровольскій прочелъ рѣчь о значеніи, цѣли и средствахъ Общества. Изъ прочтанныаго затѣмъ отчета видно, что въ 1905 году дѣйствительныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ Харьковской епархіи было 768, въ томъ числѣ 18 обезпечившихъ свои взносы вкладомъ на вѣчное время. Къ 1905 году оставалось отъ прошлаго года наличными 6,493 р. 52 коп. и билетами 3,440 р., итого 9,933 руб. 52 к. Въ 1905 г. поступило членскихъ взносовъ 1,730 руб. и единовременныхъ пожертвованій 1,294 руб. 72 коп., кружечнаго сбора 831 руб. 28 к., сбора въ недѣлю православія 1,615 руб. 21 коп., процентовъ съ капитала 205 руб. 37 коп. и для причисленія къ неприкосновенному капиталу отъ одного лица вкладъ на вѣчное время 100 р. Итого поступило 5,776 руб. 58 коп. Вмѣстѣ же съ остаткомъ отъ прошлаго года къ Комитету поступило 15,710 руб. 10 коп.

Въ отчетномъ году отослано въ г. Иркутскъ на содержаніе иркутской миссіи 6,493 руб. 80 коп., выдано жалованья дѣлопроизводителю 200 руб., истрачено на канцелярскія принадлежности 6 руб. 83 к.; весь расходъ выразился въ суммѣ 6,700 руб. 63 к. Оставалось къ 1906 году наличными 5,469 руб. 47 коп. и билетами 3,540 руб., а всего 9,009 руб. 47 коп.

На текущій годъ избраны: предсѣдателемъ Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, товарищемъ предсѣдателя А. А. Іозефовичъ, членами: архим. Іосифъ, протоіерей: І. Чижевскій, П. Солнцевъ, П. Полтавцевъ, І. Пичета и А. Федоровскій, М. П. Звѣ-

ринскій и Е. Д. Школяренко, казначеимъ—прот. В. Поповъ и дѣлопроизводителемъ—В. Ив. Никитскій. Членами ревизионной коммисіи избраны: прот. Н. Любарскій, свящ. П. Омнинъ и свящ. Л. Твердохлѣбовъ. По окончаніи выборовъ собраніе было закрыто.

Новый проектъ попечительства о бѣдныхъ.

По словамъ „Южв. Кр.“, Комитетъ Свято-Духовскаго попечительства (районъ Конная площ. и окружающіе его обширные кварталы) уже давно задумалъ устроить у себя, на отведенномъ городскомъ участкѣ земли, еще одинъ городскій „ясли“ для приносимыхъ и приводимыхъ дѣтей, но, такъ какъ постройка новаго собственнаго зданія стоила бы слишкомъ дорого (до 13,000 руб.), то Комитетъ остановился, пока, на такой мысли. У сосѣдняго Вознесенскаго попечительства имѣется готовое прекрасное помѣщеніе для „яслей“, выстроенное въ 1902 году, но теперь оно временно бездѣйствуетъ за недостаткомъ средствъ. Свято-Духовское попечительство (имѣющее одного только расходнаго капитала 5,500 р.) вознамѣрилось предложить Вознесенскому—соединиться съ нимъ и на общія средства вновь открыть „ясли“ въ зданіи этого послѣдняго попечительства, съ тѣмъ, чтобы этотъ пріютъ для дѣтей работниковъ, имѣющій весьма достаточное помѣщеніе, обслуживалъ нужду бѣдныхъ родителей, проживающихъ въ районѣ обоихъ попечительствъ. На своемъ же участкѣ, уже огороженномъ и приведенномъ въ порядокъ, Свято-Духовское попечительство предполагаетъ устроить, на скромныхъ основаніяхъ, учебную мастерскую для приходящихъ дѣтей школьнаго возраста, съ особымъ помѣщеніемъ, гдѣ они могли бы заниматься выѣкласснымъ подготовленіемъ своихъ уроковъ и письменными упражненіями.

Письмо о. ректору Харьковской Духовной Семинаріи, протоіерею Г. П. Знаменскому, отъ Духовенства Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Ваше Высокопреподобіе, Высокопочтеннѣйшій отецъ Ректоръ!

Духовенство Лебединскаго уѣзда, сознавая, какъ много оно обязано Вамъ за сохраненіе его сыновей отъ пагубнаго вліянія злоумышленныхъ мятежниковъ—товарищей, и глубоко сочувствуя постигнутому вами двойному горю, считаетъ священнымъ для себя долгомъ: почтительнѣйше благодарить Васъ, благопопечительный Отецъ нашихъ дѣтей, за все сдѣланное Вами для нихъ,—выразить

Вамъ свое сердечное сожалѣніе о постигшемъ Васъ двойномъ горѣ,—полное презрѣніе злодѣямъ-террористамъ и искреннее пожеланіе Вамъ скорѣйшаго выздоровленія.

Г. Лебеднѣ. 1906 года, Марта 16-го дня.

Благочинный, священникъ *П. Чудновскій*, священникъ *М. Сулима*, священникъ *В. Лихницкій*, протоіерей *С. Прокоповичъ*, священникъ *А. Гончаревскій*, священникъ *Г. Исиченковъ*, священникъ *Г. Ѳедоровскій*, священникъ *А. Быковъ*, священникъ *А. Солофнєнко*, діаконовъ *В. Стефановъ*, діаконовъ *Г. Ѳедоровъ*, діаконовъ *С. Григоровичъ*, діаконовъ *В. Толмачевъ*, діаконовъ *Г. Торанскій*, священникъ *Н. Орловъ*, діаконовъ *Г. Крушєдольскій*, священникъ *П. Бундаревъ*, священникъ *С. Могиланскій*, діаконовъ *Г. Данилевскій*, псаломщикъ *И. Тупоновъ*, діаконовъ *Г. Бородаевскій*, священникъ *Г. Малиженевскій*, псаломщикъ *Г. Лисєнковъ*, священникъ *А. Заграфскій*, священникъ *А. Юшковъ*, священникъ *Г. Любимскій*, священникъ *А. Эннатскій*, священникъ *Н. Антоновъ*, священникъ *П. Кузнецовъ*, священникъ *П. Никулицевъ*, священникъ *К. Николаевъ*, діаконовъ *Л. Антоновъ*, священникъ *П. Рубинскій*, священникъ *Г. Полтавцевъ*, діаконовъ *А. Жуковъ*, діаконовъ *М. Царевскій*, священникъ *О. Семеновъ*, псаломщикъ *П. Проскурниковъ*, священникъ *М. Венгеревскій*, священникъ *П. Брагловскій*, благочинный 2 Лебєдинскаго Округа священникъ *Брагловскій*, священникъ *Г. Александровъ*, священникъ *В. Черняевскій*, священникъ *Н. Грековъ*, священникъ *П. Ситаревъ*, священникъ *К. Новикскій*.

Празднованіе двадцатипятилѣтія священнослуженія священника о. Михаила Добрецакаго.

21-го ноябрю, мѣнувшаго 1905 года, въ селѣ Рогозномъ, Сумскаго уѣзда, съ разрѣшенія и благословенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго, совершено было приходское торжество. Прихожане чествовали своего пастыря—священника о. Михаила Добрецакаго поднесеніемъ ему иконы Спасителя, по случаю исполнившагося 25-лѣтія служенія о. М. въ с. Рогозномъ.

О. Михаилъ поступилъ на этотъ приходъ въ 1880 г., только въ этомъ году сдѣлавный самостоятельнымъ. Закрытіе приходовъ вообще имѣло печальныя послѣдствія, то же было и въ с. Рогозномъ. Церковь совершенно обѣднѣла, пришла въ ветхость,—средствъ не было никакихъ; прихожане чуждались храма, охладѣвали къ

молитвѣ, стали нерадивы къ исполненію христіанскихъ обязанностей, потеряли уваженіе къ священнику. Не легкое дѣло было молодому, еще неопытному, о. М. объединить прихожанъ, создать изъ ихъ одно стадо въ духѣ мира и любви. И дѣйствительно много потрудился о. М. какъ надъ первоначальнымъ устройствомъ разсѣяннаго прехода, такъ и вообще за протекшіе 25 лѣтъ для своего прехода. Церковь, при поступленіи его, была одна изъ бѣднѣйшихъ въ уѣздѣ. Онъ ее расширивъ, устроилъ колокольню, украсилъ, снабдилъ заново утварью и облаченіемъ, приобрѣлъ новые колокола, изъ коихъ главный свыше 100 пуд., такъ что церковь для самихъ прихожанъ стала неузнаваемой. Много также потрудился о. М. на пользу своего прехода и въ просвѣтительномъ отношеніи. До его поступленія существовала въ приходѣ одна земская школа въ одномъ изъ 13 хуторовъ, составляющихъ его приходъ; но ее не могли посѣщать дѣти изъ другихъ хуторовъ. О. М. первоначально устроилъ при церкви сторожку и въ ней открылъ въ 1888 г. церковно-приходскую школу, а затѣмъ, изыскавъ мѣстныя средства, при субсидіи отъ Епар. Уч. Сов., устроилъ при церкви прекрасное школьное зданіе. Чтобы дать возможность болѣе отдаленнымъ отъ церкви прихожанамъ обучать своихъ дѣтей, онъ открылъ и устроилъ церковную школу грамоты въ хут. Марьевкѣ. По пивціативѣ же о. Мих. была открыта еще земская школа въ хут. Левковскомъ. Во всѣхъ этихъ школахъ о. М. преподавалъ Законъ Божій. По представленію Сумскаго Уч. Совѣта, онъ неоднократно получалъ благословеніе и благодарность Епархіальнаго Начальства, со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Особенную любовь отъ прихожанъ о. М. снискалъ за свои поученія, безъ которыхъ рѣдко проходило какое богослуженіе. За его поученія ему не разъ была объявлена благодарность покойнаго Владыки—Амвросія. А епархіальный цензоръ, протоіерей о. Никандръ Оникевичъ въ одной изъ своихъ рецензій выразился о нихъ такъ... „назидательность ихъ еще болѣе усиливается изложеніемъ ихъ стройнымъ, весьма обработаннымъ, чуждымъ отвлеченности, простымъ, удобопонятнымъ, живымъ, одушевленнымъ, сердечнымъ.. лучшихъ для сельской паствы, по моему разумѣнію, нѣтъ надобности и желать“.

И прихожане оцѣнили своего пастыря, съ любовью помянули его труды и благодарно почтили 25-лѣтнее служеніе у нихъ.— Наканунѣ о. юбиляромъ совершенно было всенощное бдѣніе; литургію же онъ совершалъ при участіи сосѣдняго священника

о. П. Чугаева в двухъ діаконовъ. Пѣль свой мѣстный хоръ пѣвчихъ. Храмъ былъ полонъ молящихся. Послѣ заамвонной молитвы о. М. сказалъ слѣдующее поученіе:

„Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ нынѣшній день, Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, Господь сподобилъ меня войти въ сей храмъ въ первый разъ въ должности вашего пастыря. Въ этотъ день въ первый разъ я совершилъ здѣсь Божественную литургію и молился съ вами, чтобы Господь водворилъ между нами миръ, любовь, единодушіе и согласіе. И въ первой моей бесѣдѣ съ вами я просилъ у васъ любви и мира и указывалъ на нихъ, какъ на главныя условія для успѣшнаго моего служенія у васъ и для общаго нашего благо-спасенія. Я говорилъ тогда, что въ мирѣ и любви должны быть мы: я въ отношеніи къ вамъ, вы въ отношеніи ко мнѣ, потому что, гдѣ миръ да гладь, тамъ и Божія благодать, тамъ и Божіе благословеніе, и Божія помощь и успѣхъ. Двадцать пять лѣтъ прошло послѣ того и, благодареніе Господу, въ мирѣ и любви прожили мы эти годы. За рѣдкими исключеніями, отношенія между нами были всегда хорошія, добрыя. А это такъ важно и цѣнно и всегда, а особенно въ настоящее время. Нынѣ время немирное. Теперь мы только и слышимъ, только и видимъ смуты, нестроенія, ненависть, вражду, озлобленныя отношенія другъ къ другу; вражду и рознь стараются поселить между пастырями и пасомыми. Тѣмъ отрадиѣе, что мы сохранили добрыя, мирныя отношенія даже въ такое не мирное время. Помни слова Спасителя: „безъ Мене не можете творити ничего“ (Іоан. 15. 5), воздадимъ же прежде всего хвалу и благодареніе Господу, тако устроившему. „Слава въ вышнихъ Богу“ даровавшему намъ „миръ“ и Свое „благоволеніе“. Глубокое, сердечное мое благодареніе и вамъ, возлюбленные мои прихожане, за все то хорошее, доброе, что высказали вы по отношенію ко мнѣ въ продолженіе этихъ 25 л. Благодарю васъ за то, что вы относились ко мнѣ, какъ своему пастырю, съ уваженіемъ и любовью, за то, что вы слушались моихъ наставленій и старались проводить ихъ въ жизнь, за то, что всегда, съ глубокимъ вниманіемъ и великою любовью и усердіемъ, слушали здѣсь мои поученія. Это меня радовало и трогало до слезъ и располагало, а иногда и принуждало, почаще проповѣдывать вамъ Слово Божіе. Благодарю за то, что вы любите свой храмъ и своими щедротами украсили и возобновили его такъ, что онъ сдѣлался неузнаваемъ; благодарю васъ и за то, что вы собрались въ храмъ въ нынѣшній день и

почтѣли этотъ знаменательный нашъ праздникъ общеніемъ въ молитвѣ.

Дай же Господи, чтобы и на будущее время наши добрыя отношенія не только не прерывались, а еще болѣе укрепились, чтобы между нами установилась еще болѣе тѣсная, неразрывная связь, чтобы еще болѣе упрочился миръ и умножилась любовь, чтобы мы стали своими, близкими родными. О, какъ бы я желалъ быть для васъ добрымъ пастыремъ, истиннымъ отцомъ и другомъ! Но это не отъ меня одного зависитъ, а больше отъ васъ. Станьте же ближе ко мнѣ. Будьте искренни, откровенны. Повѣряйте мнѣ свою душу, свое сердце. Обращайтесь ко мнѣ съ сомнѣніями, съ недоумѣніями своими въ горѣ и радости, въ нуждѣ и скорби. Мнѣ близко и дорого все касающееся васъ и, вѣрите,—я готовъ всегда поддержать, утѣшить, помочь, наставить васъ. Помолимся же Господу, да поддержитъ Онъ своею благодатию мои немощи, да разуметь и подастъ силы мнѣ добръ и непрестанно проходить пастырское служеніе, а всѣмъ намъ да подастъ вѣру, любовь, благочестіе, миръ, тишину, изобиліе плодовъ земныхъ, здравіе и спасеніе. „Царь вѣковъ“ и „Богъ мира и любви“ (Кор. 2. 11) да будетъ со всѣми нами“.

По окончаніи литургіи, подошелъ къ солеѣ, съ образомъ въ рукахъ, церковный староста Симеонъ Несторовъ Сердюковъ, котораго просили прихожане отъ лица ихъ поздравить о. юбиляра и благодарить. Въ простой, задѣшевной рѣчи онъ указалъ на труды о. М. по церкви, приходу и школамъ и просилъ принять отъ прихожанъ икону, какъ даръ ихъ благодарности и расположенности. На привѣтствіе прихожанъ о. М. отвѣтилъ глубокою благодарностію.

Послѣ сего уполномоченный отъ о. благочиннаго 3-го Сумскаго округа, свѣщ. І. В. прочелъ слѣдующій адресъ отъ духовенства 3-го округа:

„Ваше Высокопреподобіе, Всечестивѣйшій о. Михаилъ!

Духовенство 3-го благочинническаго округа, не имѣя возможности, по служебнымъ обязанностямъ, лично присутствовать на знаменательномъ праздникѣ Вашемъ, проситъ меня выразить вамъ, сердечное поздравленіе съ достиженіемъ 25-лѣтія вашего благотворнаго служенія церкви Божіей и высказать чувства глубокаго уваженія за ваши столь долготѣтніе, честные труды на пользу духовныхъ дѣтей вашихъ.

Прошу васъ и лично отъ меня принять искреннее радостное привѣтствіе и пожеланіе еще много лѣтъ трудиться на нивѣ Бо-

жіей и съ такимъ же многоплоднымъ усилѣхомъ. Горячо желалъ бы лично присутствовать на вашемъ торжествѣ, но, къ сожалѣнію, служебныя обязанности удерживаютъ на мѣстѣ. Прошу принять уваженіе въ глубокомъ моемъ къ вамъ уваженіи, въ которомъ имѣю честь быть вашего высокопреподобія преданный слуга и сослуживецъ, благочинный протоіерей Василій Петровскій“.

Выслушавъ адресъ, о. юбиляръ тронуть былъ вниманіемъ духовенства и просилъ уполномоченнаго благодарить о. благочиннаго и духовенство за оказанную ему честь.

Затѣмъ о. уполномоченный сказалъ отъ себя краткую рѣчь. Указавъ вообще на труды о. юбиляра на пользу прихода и особенно на труды его при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ находится приходъ по своей разбросанности, онъ обратилъ особенное вниманіе прихожанъ, что о. М. не щадилъ себя и отдалъ для прихожанъ лучшія, молодыя силы, а потому внушалъ пасомымъ съ благодарностью помнить труды своего добраго пастыря, любить и жалѣть его и не забывать его въ своихъ молитвахъ, чтобы Господь подкрѣпилъ ослабѣвшія уже силы его для дальнѣйшаго полезнаго служенія его у нихъ.

Послѣ благодарственнаго Господу Богу молебствія, съ провозглашеніемъ многолѣтій, прихожанамъ была предложена о. юбиляромъ трапеза въ квартирѣ, школѣ и церковной сторожкѣ. Благословивъ трапезу о. юбиляръ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Вы кормили меня хлѣбомъ—солью 25 л., прошу теперь и отъ меня принять и откусать хлѣба-соли. Есть пословица: „Спасибо тому, кто поить и кормить, а вдвое тому, кто хлѣбъ-соль помнить“. Пословица эта всѣмъ понятна, но я хочу объяснить ее иначе. Вы кормили меня хлѣбомъ-солью вещественными, а я питалъ васъ хлѣбомъ духовнымъ, т. е. словомъ Божиимъ, ученіемъ и молитвою. Вы говорили мнѣ сегодня спасибо за хлѣбъ духовный, которымъ я кормилъ васъ. Но пословица говоритъ, что вдвое спасибо тому, кто хлѣбъ-соль помнить. Вы помните, не забыли моихъ трудовъ, а потому и благодареніе мое вамъ двойное. „Спаси васъ Господи“.

Такъ прошелъ день юбилейнаго торжества, который надолго останется въ памяти прихожанъ и почитателей о. Михаила. Дай Господи, чаще встрѣчать намъ такіа добрыя отношенія между пастырями и пасомыми!... *Священникъ І. Виноградскій.*

Памяти протоіерей о. Никандра Ониковича.

3-го текущаго марта Харьковское духовенство понесло незамѣнимую потерю въ лицѣ скончавшагося достойнѣйшаго протоіерей

Никандра Іоновича Онкевича. Покойный Никандръ Іоновичъ окончилъ съ большимъ успѣхомъ курсъ въ Кіевской духовной академіи по церковно-прагматическому отдѣленію въ 1871 году.

За свое кандидатское сочиненіе о канонистѣ Вальсамонѣ Никандръ Іоновичъ былъ удостоенъ преміи литовскаго митрополита Іосифа. Въ то же время онъ, въ званіи магистранта, получилъ право на соисканье степени магистра богословія по представленію новаго ученаго сочиненія.

Первые годы своей службы о. Никандръ провелъ въ должности преподавателя латинскаго языка при Харьковской духовной семинаріи. Несмотря на обычное предвзятое отношеніе учащихся къ классическимъ языкамъ и свою требовательность въ изученіи предмета, о. Никандръ съ самаго начала своей преподавательской дѣятельности сталъ пользоваться общимъ сочувствіемъ и уваженіемъ со стороны учащихся. Но черезъ два года Никандръ Іоновичъ оставилъ свою службу въ Харьковской семинаріи и, по предложенію вресвященнаго Невтарія въ 1873 году, перешелъ на должность инспектора классовъ въ Харьковское епархіальное училище съ одновременнымъ занятіемъ должности священника при Іоанно-Успенской церкви на городскомъ кладбищѣ. Здѣсь постигло Никандра Іоновича большое семейное горе: онъ лишился жены и ребенка. Понятно, какъ это несчастье омрачило всю жизнь о. Никандра.

Между тѣмъ, по поступленіи въ Харьковское епархіальное училище, труды о. Никандра усложнились, особенно по должности инспектора классовъ. Ревизоръ, членъ учебнаго Комитета Зинченко (1875 г.) нашелъ, что Харьковское епархіальное училище далеко не удовлетворяетъ учебно-воспитательнымъ требованіямъ устава 1867 года и требуетъ радикальнаго преобразования въ смыслѣ обновленія училищной корпораціи новыми болѣе опытными и достойными преподавателями, преимущественно съ высшимъ академическимъ и университетскимъ образовательнымъ цензомъ, въ выработкѣ опредѣленныхъ и полныхъ программъ, по всѣмъ предметамъ. Новыя заботы возложены были преимущественно на инспектора классовъ и онъ скоро увѣнчался желательными успѣхами. Слѣдующій ревизоръ, посѣтившій училище въ 1879 году, С. И. Маропольскій уже аттестовалъ Харьковское епархіальное училище лучшими отзывами, какъ достигшее желанной высоты въ учебно-воспитательномъ отношеніи и выразительно указывалъ на выдающуюся дѣятельность инспектора классовъ, а съ нимъ и

почти всѣхъ новыхъ преподавателей. Значительныхъ успѣховъ въ возвышеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ Харьковскомъ епархіальномъ училищѣ о. Никандръ особенно достигалъ благодаря своимъ обширнымъ энциклопедическимъ знаніямъ по предметамъ училищнаго образованія, въ силу которыхъ онъ пользовался высшимъ авторитетомъ среди училищной корпораціи.

Забываясь о возвышеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ, вообще о. Никандръ прилагалъ особенныя усилія къ надлежащей постановкѣ Закона Божія. Насколько успѣшно трудился на этомъ поприщѣ о. Никандръ, можно заключить по восторженнымъ отзывамъ о немъ его многочисленныхъ воспитанницъ, воодушевлявшихъ его основательными и художественными уроками, особенно по воспроизведенію и иллюстрированію разнообразныхъ подвиговъ представителей Церкви.

Но двадцатипятилѣтняя дѣятельность о. Никандра крайне утомляла его и ослабила его здоровье. Онъ вышелъ въ отставку и, послѣ непродолжительнаго отдыха, по предложенію Высокопреосвященнаго Кіевскаго Митрополита Флавіана, бывшаго въ то время Харьковскимъ Архієпископомъ, перешелъ въ Харьковскую духовную консисторію на должность члена ея. Здѣсь о. Никандръ опять проявилъ необыкновенную энергію въ разсмотрѣніи и рѣшеніи разнообразныхъ консисторскихъ дѣлъ, изумительную при его возрастѣ и слабомъ здоровьѣ, и рѣдкую добросовѣстность. Но разнообразныя благотворныя труды Н. І. пресѣклись смертію, постигшею его на шестидесятомъ году отъ рожденія.

Увѣренъ, что всѣ знавшіе досточтимаго труженика, а особенно его многочисленныя воспитанницы, помянутъ покойнаго добрыми словами и молитвами.

Бывшій его сослуживецъ *Алексій Вертеловскій*.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Совѣщаніе настоятелей и настоятельницъ монастырей созванное Преосвященнымъ Арсеніемъ, Епископомъ Псковскимъ и Порховскимъ.

Преосвященнымъ Псковскимъ Арсеніемъ было созвано совѣщаніе настоятелей и настоятельницъ монастырей для обсужденія

мѣръ съ цѣлью благоустройства внутренней жизни обитателей. На совѣщаніи были указаны недостатки монастырской жизни и постановлено принять нѣкоторыя мѣры.

Выяснилось, что желающихъ поступить въ женскіе монастыри гораздо больше, чѣмъ въ мужскіе.

Монастырскіе послушники — главнымъ образомъ дѣти духовенства, уволенные изъ духовныхъ училищъ и крестьяне. Первые обычно идутъ въ монастырь ради куска хлѣба, не имѣя, конечно, призванія къ иночеству. Вторые же нерѣдко поступаютъ въ монастырь съ самымъ искреннимъ намѣреніемъ принять и достойно носить иноческое званіе. Но обстановка, въ которую попадаютъ въ монастырѣ такіе люди, часто не только не способствуетъ ихъ намѣренію, а даже вредно вліяетъ въ нравственномъ отношеніи. Зависитъ это главнымъ образомъ отъ недостаточнаго надзора за послушниками. Не находя соотвѣтственныхъ занятій, часто не видя добрыхъ примѣровъ, послушники предоставляются самимъ себѣ.

Рѣшено поэтому усилить строгость приѣма и посвященія монашествующихъ, устраивать для послушниковъ въ свободное время чтенія и собесѣдованія, открывать послушническія школы, завести въ каждомъ монастырѣ братскую бібліотеку, практиковать занятія ремеслами, установить общую братскую трапезу съ положенными святоотеческими чтеніями, сократить отпуска, воспретить приѣмъ въ веліяхъ лицъ другого пола, совершать богослуженіе точно, по уставу, произносить проповѣди, поставить за правило, чтобы при каждомъ монастырѣ непремѣнно была школа, содержимая на монастырскія средства, возможно шире служить благотворительнымъ цѣлямъ и т. п. (Церк. Голосъ № 4).

Одинъ изъ проектовъ измѣненія способа обложенія церковныхъ доходовъ.

Обложеніе церковей сборами на разныя нужды, содержаніе духовно-учебныхъ и другихъ епархіальныхъ учрежденій всегда вызвало и вызываетъ ропотъ церковныхъ старостъ и прихожанъ, особенно въ виду того, что церкви несоразмѣрно обложены этими сборами. Священникъ Ягодинскій предлагаетъ такой проектъ: „Замѣнить обязательный и особенно неравномѣрный 25% взносъ и разныя другіе сборы опредѣленнымъ взносомъ съ cadaго про-

даннаго пуда свѣчей, т. е. измѣнить способъ обложенія церковныхъ доходовъ возвышеніемъ цѣнъ за отпускаемая свѣчнымъ заводомъ для церквей епархіи свѣчи на столько, на сколько это нужно будетъ, чтобы увеличеніе цѣнъ на свѣчи въ общей своей суммѣ покрывало всѣ епархіальные расходы, и съ тѣмъ, чтобы эти расходы на епархіальные потребности потерпѣлъ уже самъ свѣчной заводъ („Смоленск. Епарх. Вѣд.“). По отзыву „Минск. Епарх. Вѣд.“ этотъ проектъ хорошъ тѣмъ, что избавляетъ духовенство отъ сложной работы по раскладкѣ взносовъ, вызывающей нерѣдко неудовольствія, соразмѣряетъ сборъ съ церкви съ доходностью ея: чѣмъ богаче церковь, тѣмъ больше сбора съ нея, избавляетъ духовенство отъ нареканій со стороны прихожанъ за чрезмѣрное обложеніе церквей, даетъ возможность свѣчному заводу чистую прибыль употреблять на нужды церквей и сохранить въ немъ тѣ капиталы съ процентами, которые часто, по разнымъ епарх. нуждамъ, тратятся, въ силу чего заводъ принужденъ бываетъ прибѣгать къ займамъ съ уплатою процентовъ.

Распоряженія Преосвященнаго Тихона, Епископа Костромскаго, относительно благоустройства церковно-приходской жизни.

Преосвященный Тихонъ, Епископъ Костромской, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія по вопросу о благоустройствѣ церковно-приходской жизни.

1. Хотя Святѣйшій Синодъ, при введеніи указанныхъ имъ основаній для устройства церк.-приход. жизни, устраняетъ всякое принужденіе, но это не означаетъ того, чтобы съ приходскихъ пастырей снималась всякая обязанность въ осуществленіи этого благого дѣла, а означаетъ лишь то, что церковная власть ждетъ свободнаго, вытекающаго лишь изъ сознанія нравственной пользы, отношенія къ этому дѣлу, такъ какъ опытъ достаточно показалъ, что вынужденная дѣятельность не можетъ быть плодотворной. Нужно, чтобы пастыри приходскіе сознали, что единеніе между пастыремъ и приходомъ есть дѣло великое,—есть такая нравственная сила, которая много можетъ сдѣлать и въ дѣлѣ вѣры, и въ правахъ народа, и въ пользахъ церкви, и во благѣ гражданскомъ,—и, сознавъ это, приступили къ дѣлу съ любовію и радостію, а не съ воздыханіемъ.

2. Тамъ, гдѣ приходская жизнь уже получила желаемое, въ духѣ вышеуказаннаго синодскаго опредѣленія, развитіе въ формѣ или церковныхъ попечительствъ, или братствъ, приходское духовенство настоящимъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода признается къ тому, чтобы дѣятельность этихъ приходскихъ учреждений получила большее напряженіе и оживленіе, соотвѣтственно особымъ нуждамъ настоящаго времени.

3. Предметами обсужденія на приходскихъ собраніяхъ могутъ быть всѣ нужды приходской жизни въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и благотворительномъ отношеніяхъ. Особому попеченію этихъ собраній было бы желательно предоставить устройство приходскихъ библіотекъ съ составомъ книгъ не только религіознаго и церковнаго содержанія, но и свѣтскаго, — особенно книгъ и брошюръ, содержащихъ здравое ученіе по политическимъ вопросамъ, въ противовѣсъ во множествѣ распространяемымъ среди народа брошюрамъ и листкамъ крайнихъ и вредныхъ политическихъ направленій. Всѣхъ родовъ дѣятельности, какая можетъ быть возложена на приходскія собранія, впередъ указать невозможно. Это съ ясностью можетъ увидѣть только настоятель своего прихода, знающій его нужды.

4. Высшая степень осторожности в тактъ требуются при осуществленіи 4-го пункта правилъ опредѣленія Святѣйшаго Синода о приглашеніи причтами членовъ церковныхъ совѣтовъ къ участию въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ, чтобы такимъ вмѣшательствомъ въ церковное хозяйство не оскорбитъ церковнаго старосту, если онъ не только человѣкъ извѣстной честности, но и завѣдомо щедрый и крупный благотворитель приходскаго храма, — а также в дѣя того, чтобы этимъ вмѣшательствомъ еще больше не обострить возникшаго уже въ нѣкоторыхъ приходсахъ епархіи вопроса объ обязательныхъ денежныхъ взносахъ отъ приходскихъ церквей на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній епархіи.

Поручается о. благочинному безъ замедленія собрать находящихся въ его округѣ пастырей какъ для ознакомленія съ настоящимъ предложеніемъ, такъ и для обсужденія того, въ какихъ именно приходсахъ могутъ быть теперь же открыты церковные собранія и совѣты, в о послѣдующемъ безъ замедленія рапортовать Преосвященному. Лучшіе — и дѣятельные пастыри приглашаются выступить въ этомъ дѣлѣ впередъ, а прочіе не отставать отъ первыхъ, слѣдуя ихъ примѣру.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Что гласятъ церковныя правила (каноны) объ отчужденіи монастырскихъ земель?

Книга правилъ церковныхъ, этотъ сборникъ узаконеній апостольскихъ, соборныхъ и свято-отеческихъ, имѣющій силу основнаго уложенія для господствующей въ Россіи православной церкви и для духовнаго и мірскаго чина, исповѣдующихъ христіанство, не даетъ права распоряжаться церковнымъ достоиніемъ даже подъ предлогомъ благотворенія немущимъ, что очень важно въ виду современныхъ толковъ и поползновеній о возможности передачи церковныхъ и монастырскихъ земель въ частныя руки, ради общественной пользы и гражданскихъ надобностей.

Св. Отцы положили за правило, чтобы принадлежащее монастырямъ имущество сохранялось (было неприкосновеннымъ) и никѣмъ не могло быть продано мірскимъ человекомъ (VI—49), почему монастырскихъ земель и угодій и не должно продавать. Въ случаѣ бесполезности (ненужности) земель не отдавать поля мѣстнымъ начальникамъ, но кѣрвкамъ, т. е. служащимъ при церкви, священному чину, а перекупленное отъ нихъ (аще употребить властелинъ лукавый оборотъ) возвратить монастырю, считая продажу не дѣйствительною (VII—12).

Государственная власть, какъ на православномъ востоцѣ, такъ и у насъ на св. Руси держалась знамени истины: каждый при своемъ, всякое право собственности свято и неприкосновенно! («А. Е. В.»).

Легчайшій способъ улучшенія матеріальнаго обезпеченія духовенства.

„Смоленскія Еп. Вѣдомости“ въ статьѣ св. Конокошина преднолагаютъ способъ матеріальнаго обезпеченія духовенства посредствомъ упраздненія діаконыхъ мѣстъ. Говоря о бесполезности діаконыхъ должностей, авторъ сыплеть такіе упреки по адресу лицъ этой степеніи священства: церковной школѣ мало пользы они принесли, ибо, получивъ санъ, всемѣрно стараются увильнуть отъ должности учителя,—отсюда часто они числятся то учителями пѣнія, то законоучителями и под. А сколько они принесли расхода духовенству, сколько поотняли средствъ и отъ

безъ того бѣдныхъ священника и псаломщика, умноживъ сиротъ въ духовенствѣ, а дать ничего не дали ни духовенству, ни обществу.

Мысль объ упраздненіи діаконскихъ мѣстъ не новая, она приводилась даже въ исполненіе съ 1871 по 1885 г. „Костр. Еп. Вѣд.“, говоря въ защиту діаконствъ, выражаютъ желаніе возстановить обязанности діаконствъ, усвоенныя имъ древне-христіанскою церковью, когда эти лица клира завѣдывали церковною благотворительностью и были истинными помощниками своихъ пресвитеровъ.

Яросл. Еп. Вѣд. (№ 6) признаютъ упраздненіе діаконскихъ мѣстъ въ видахъ поднятія матеріальнаго благосостоянія клира коммерческимъ расчетомъ, унижающимъ священнослужительскую духовную среду. Даже міряне, доставляющіе доходы клиру, никогда и нигдѣ не выражали протеста противъ діаконствъ, а напротивъ изыскивали иногда для нихъ средства независимо отъ причтовой кружки. Одно уже благолѣпіе богослуженія при діаконѣ говоритъ въ пользу лицъ этого сана.

Если уже улучшать матеріальное положеніе свое іерея хотятъ въ духѣ, предположенномъ въ Смоленскѣ, справедливо замѣчаетъ по этому поводу почтенный редакт. „Астр. Епар. Вѣд.“, такъ можно рекомендовать по упраздненіи діаконскихъ вакансій избрать и на должность псаломщиковъ какихъ нибудь отставныхъ солдатъ, или церковныхъ сторожей и платить имъ „по усмотрѣнію“; тогда на долю священника падетъ вся церковная кружка,—вопросъ только, велика ли она будетъ? Дѣйствительно приходится сознаться, что происходитъ какая-то дарвиновская борьба за существованіе—и на чужой счетъ улучшеніе своего быта; справедливо, что homo homini lupus est.

Электрическая охрана церквей.

Староста Архангельской гор. Смоленска церкви, съ разрѣшенія епархіальной власти, устроилъ электрическую охрану церкви. Къ дверямъ, ящикамъ, въ кассѣ устроены контакты, соединены всѣ съ проводами, которые проведены въ сторожку. Если открыть двери или ящикъ въ церкви, звонки въ сторожкѣ дадутъ о семъ знать. Важно то, что если порвать проволоку, звонъ не остановится до исправленія. Стоимость устройства въ точности нельзя опредѣлить, смотря по тому, сколько требуется контактовъ, проволоки и проч. Можно устроить охрану и на окна. Содержаніе охраны стоитъ 18 коп. въ мѣсяцъ. Устройство просто, и церковный сторожъ легко можетъ завѣдывать поддержаніемъ всегда въ дѣйствіи охраны. („С. Л.“).

Митрофорные протоіереи.

Въ центральномъ управленіи духовнаго вѣдомства возникъ, по словамъ „Колок.“, вопросъ о награжденіи митрою священнослужителей, состоящихъ на службѣ не только при столичныхъ храмахъ, но и при домовыхъ и приходскихъ церквахъ. Это является нововведеніемъ въ области духовныхъ наградъ. До сихъ поръ удостоивались награжденіи митрою только настоятели соборовъ придворнаго вѣдомства и самые выдающіеся священнослужители, состоящіе въ вѣдѣніи протопресвитера военнаго и морского духовенства.

Къ вопросу о реформѣ православныхъ духовныхъ академій.

Совѣты духовныхъ академій должны были къ 1 февраля внести въ Св. Синодъ свой проектъ желательной реформы духовныхъ академій. Совѣтъ Петербургской академіи уже закончилъ свои совѣщанія и выработалъ основныя положенія для предстоящей реформы. Проектъ совѣта этой академіи предполагаетъ въ академіяхъ три отдѣленія—богословское, историческое и философское. Къ числу общеобязательныхъ предметовъ отнесены Свящ. Писаніе ветхаго и новаго завіта, догматическое богословіе, общая церковная исторія и греческій языкъ, какъ языкъ священныхъ книгъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КЪ ВЕСЕННЕМУ СЕЗОНУ

ПОЛУЧЕНЫ ГРОМАДНЫЯ ПАРТИИ

новѣйшихъ суконныхъ, шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ тканей:

Суконное трико 2-й ширины 50 к., 60 к., 70 к., 80 к. и до 8 р.

Шерстяныя ткани 2-й ширины отъ 30 к. до 8 р.

Шелковыя матеріи отъ 36 к. до 4 р. 50 к.

Полотна, постельное и столовое бѣлье лучшихъ Россійскихъ фабрикъ

Ковры и дорожки бархатныя и джутовыя.

Тюль для гардинъ отъ 11 к. до 2 р. 50 к.

Новѣйшіе батисты, фуляры, сатины, че-су-ча отъ 30 к. до 1 р. 50 коп. ваграничныхъ и Россійскихъ фабрикъ

МАГАЗИНЪ

 РАЗВАЛИНОВА

подъ соборомъ № 1, 2, 3. Харьковъ

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библіографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (Б. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертезовскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ульгмонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ еднновѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Саула и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣльева.—„Книга Руфъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ливичкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. П. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. И. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній евеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фюлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно . отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

✎ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.